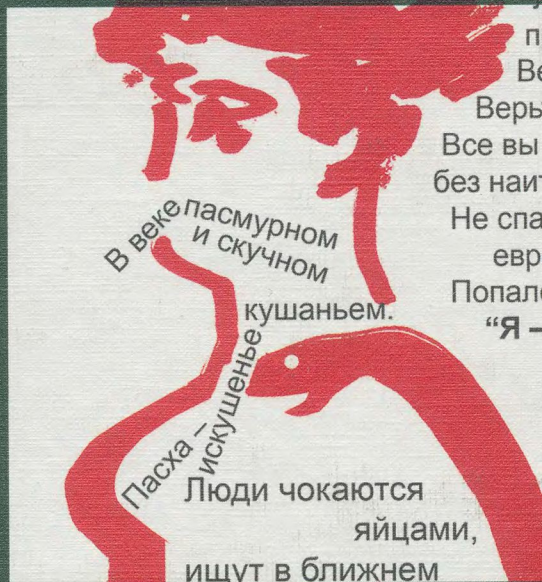

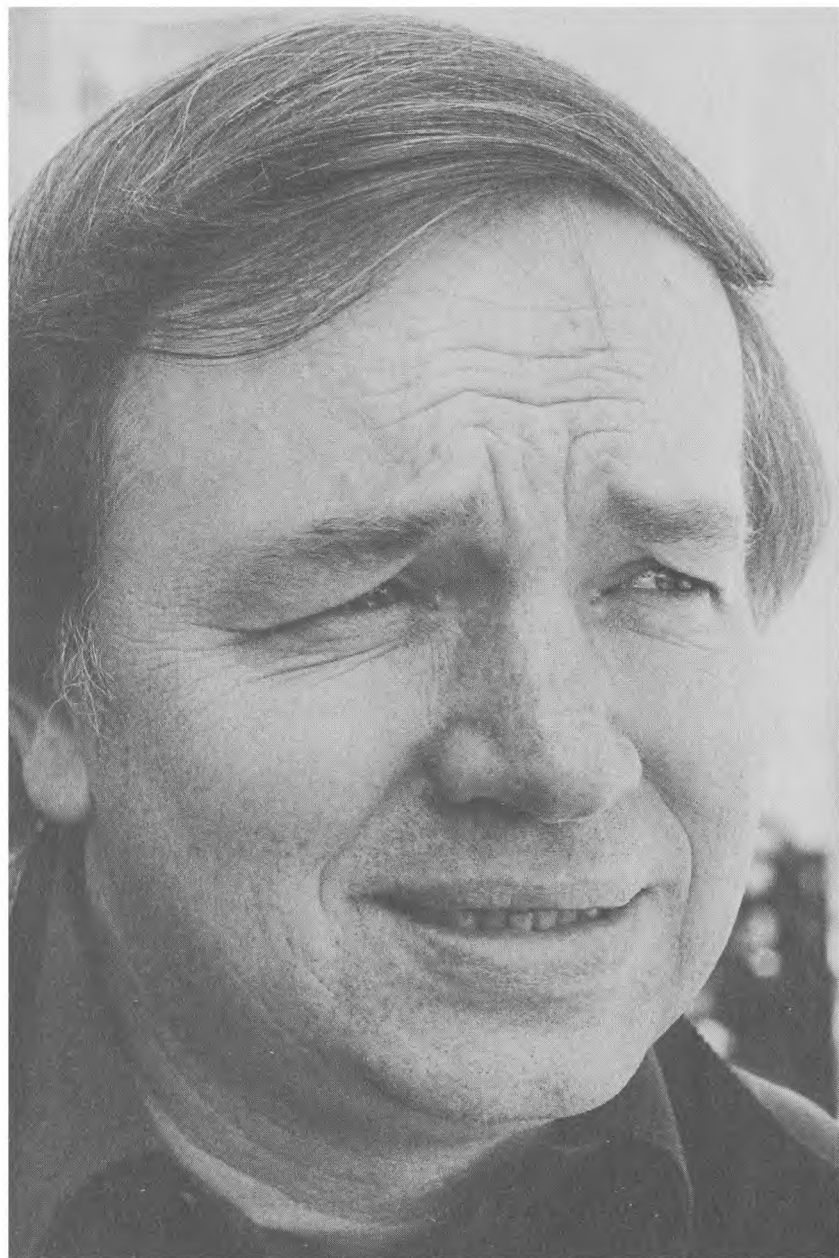
Андрей Вознесенский

Андрей

Вознесенский

Владимир Путин

Собрание сочинений

том седьмой

Андрей Вознесенский

СЕМЬ «Я»

ВАГРИУС
Москва 2009

УДК 882-82
ББК 84.Р7
В64

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»

Запрещается полное или частичное использование
и воспроизведение текста и иллюстраций в любых формах
без письменного разрешения правообладателя

ISBN 5-264-00547-8
ISBN 978-5-91187-086-7 (Т.7)

© А. Вознесенский, автор, 2009
© К. Заев, дизайн, 2009
© Издательство «Вагриус», 2009

Пещера за мною искрит, как кресало.
Я — воскресаю.

Мария, поверь мне! Окстись, Куросава.
Я — воскресаю.

Под нами ристалища. Птичьи стаи.
Мелькают бутылками башни Кремля.
Я потрясающе воскресаю.
Качнется затылком планета Земля.

Я — воскресаю!

Летит сзади жизнь, как пустая соломинка.
Иные пути горизонт отворил.
И некто, весь в белом, похож на садовника,
как будто бы камень с души отвалил.

Но каждая малость в селенье Эммаус
кричит: «Понимаешь,
чуток задержишься!»
Неужто бессмертье, куда подымаюсь,
ценней, чем гримасничающая жизнь?

Работа тяжелая — воскресение:
осталась кровавая мука испарины.
Она — никаким неземным просветлением,
увы, не исправлена.

На третьи сутки ты встанешь разутая,
увидишь на кухне разгромленный стол,
ты в полном рассудке, но это не шутка, —
кто-то вошел.

На третьи сутки я вызову трепет.
Ты лучше в Евангелие посмотри.
Сталин умер в 53-м,
Воскресший дал рыбин — 153.

А ножки твои холодны, как рыбешки.
Опять воскресенье в преддверье весны.
«Опять те же сны», — ты сквозь сон улыбнешься.
И я в потрясенье! «Опять те же сны...»

Ты знаешь, как вырубить полтергейсты,
как выбрать шпинат.
Но даже под стрижкою посттургеневской
тебе воскресения не понять.

Во мне воскресают и Пресня, и Пресли,
и папские инвалидные кресла.
Тайфун поглощает людскую заразу,
как ухо безумного унитаза!

Крысиные страхи — кораблекрушение.
Начальников фискаю.
Горят керосинные воскресения.
Горят люди-факелы.

И жаждет реванша эстрады жупел.
Фома прозревавший мне раны щупал.

Все стало обычным, как чай с круассаном.
Я — воскресаю.

Со свечками торт розовеет, как вымя,
полтергейсты его вкушают.
Бог назвал нас «жестоковыми»
с необрезанным сердцем и ушами.

Мультишки Японии,
грусть Хокусая,
другими непонятый —
в других воскресаю.

Ни сплетен, ни слухов,
назло медицине.

Во имя Духа,
Отца и Сына.

Я нужен — как пристани
зов парохода.
Я знаю, что истина —
это Свобода.

Как будто безумный моряк на мачтах,
не понимаю, что́ восклицаю,
я вижу тебя, неродившийся мальчик,
тебе — воскресаю.

В Лопаткиной вдруг проступает Карсавина.
В других — ВОСКРЕСАЮ!

Мои зубы смеются с улицы.
Мои губы с Твоими целуются.
Мои руки с Твоими сплетаются —
это муки реабилитации.

Мои очи — укор очкарикам.
В моих почках — «бочковое с гарликом».
Мысли-мухи в мозгу базарятся.
Это муки цивилизации.

Этажи снижаются в лифте.
Дух мой с плотью еще в конфликте.
У Есенина спазмы шейные —
это плата за воскрешение.

Пускай назавтра след потерялся,
жизнь — метафора христианства.
Гамадрилы гадят в церковке сельской,
мой прапрадед — архимандрит Вознесенский.

XX век улетает, тлея,
как два креста Святого Андрея.
В XXI соединим,
+ один муэдзин.

Мощным крещендо
шатая зал,

своим воскрешеньем
Христос сказал:

«Я первый страдаю
от бед несуразных,
в Тмутаракани, в Гвинее-Бисау
я вас заслоняю крестообразно,

за всех — ВОСКРЕСАЮ!»

Я — воскресаю!

Вижу скудный лес
 возле Болшева...
Дай секунду мне без
 обезболивающего!
Бог ли, бес ли,
 не надо большего,
хоть секундочку без
 обезболивающего!

Час предутренний, камасутровый,
круглосуточный, враг мой внутренний,
сосредоточась в левом плече,
вывел тотчас отряды Че.

Мужчину раны украшают.
Мученье прану укрощает.

Что ты, милый, закис?
Где ж улыбка твоя?
Может, кто мазохист,
это только не я.

Утешься битой бейсбольного.
Мертвец живет без обезболивающего.

Обезумели — теленовости,
нет презумпции
 невиновности.

Христианская, не казенная
боль за ближнего, за Аксенова.
Любовь людская: жизнь-досада.
Держись, Васята!

Воскрешение — понимание
чего-то больше, чем реанимация.
Нам из третьего измерения —
не вернуться назад, увы,
мысли Божии, несмирненные,
человеческой головы.

Разум стронется.

Горечь мощная.
Боль, сестреночка, невозможная!
Жизнь есть боль. Бой с собой.
Боль не чья-то — моя.
Боль зубная, как бор,
как таблетка, мала.
Боль, как Божий топор, —
плоть разрубленная.
Бой — отпор, бой — сыр-бор,
игра купленная.
Боль моя, ты одна понимаешь меня.
Как любовь к палачу,
моя вера темна.
Вся душа — как десна
воспаленная.
Боль — остра, боль — страна
разоренная.
Соль Звезды Рождества
растворенная.
Соль — кристалл, боль — Христа —
карамболь бытия.
Боль — жена, боль — сестра,
боль — возлюбленная!

Это право на боль
и дает тебе право
на любую любовь,
закидоны и славу.

1

Глобальное потепление
хлюпает над головой.
Семидесятипятилетие
стоит за моей спиной.

Я хрупкие ваши камеи
спасу, спиной заслоня.
Двадцатого века камня
летят до вас сквозь меня.

Туда и обратно нелюди
сигают дугою вольтовой.
Стреляющий в Джона Кеннеди
убил Старовойтову.

Нет Лермонтова без Дарьяла.
В зобу от пули першит.
Стою меж веков — дырявый,
мешающий целиться щит.

Спасибо за вивисекции,
нельзя, говорят, узнать
прежнего Вознесенского
в Вознесенском-75.

Госпремия съела Нобеля.
Не успели меня распять.
Остался с шикарным шнобелем
Вознесенский-75.

К чему умиляться сдуру?
Гадать, из чего был крест?
Есть в новой Архитекстуре
Архитекстор и Архитекст.

Люблю мировые сплетни.
В семидесятипятилетие
люблю про себя читать
отечественную печать.

Но больше всех мне потрафила
недавняя фотография,
которую снял Харон,
где главная квинтэссенция
в подписи:

«Вознесенский
В день собственных похорон».

Газета шлет извинения.
А «Караван историй» —
печатает измышления,
что в Риге или в Эстонии
я без смущения всякого,
у публики на виду,
имел молодую Максакову
как падающую звезду.

Редактор, что вы там буровите?
Вас вижу в восьмом ряду.
Напиши вы такое о Роберте —
он бы передал вас суду.

А дальше — про дачи в Ницце,
валютный счет за границей
и бегство из психбольницы
в компании сеттера...
А дальше — etc.

Все это незлегантно,
но я отвергаю месть.
Публикаторы — аллигаторы,
но дети их хотят есть.

«Лежит на небесах для быдла
тарелка как патиссон.

А женщин у него было
в жизни — до четырехсот.

Приятели его были круче:
“Колонный взят, мужики!”
Второй, любовницами окученный,
собрал — Лужники!

Как пламенный танец фламенко
таит и любовь, и месть —
сам выбрал театр Фоменко
на четыреста пятьдесят мест».

На все была воля Божья.

Вознесенский-75,
не так эту жизнь ты прожил,
родившийся, чтоб понять —
зачем в этот мир, не засранный
продуктами телесистем,
мы, люди, посланы, посланы —
куда и зачем?

3

Все юбилеи — дуплетные.
И вам, несмотря на прыть,
семидесятипятилетие
нельзя повторить.

Спасибо, что я без срама
дожил до потери волос.
За Бродского, за Мандельштама,
которым не довелось.

За Вас, Борис Леонидович,
за Вас, Анна Андреевна.
Вашей судьбе позавидуешь,
Вы — волк на плечах с Царевной.
Я счастлив, что мы увиделись
задолго до постарения.

4

Поэты чужды гордыни,
для них года — ерунда.
Были б стихи молодыми,
значит, муза была молода.

Спасибо за «встречи с Хрущевым».
За критические затрешины.
Пришла Воскресеньем прощеным
сменившая имя женщина.

Ведь имя не только хреновина,
а женщина, как Земля,
тобой переименована,
значит — навеки твоя.

Спасибо, что век нас принял,
спасибо, что миновал.
Что я изобрел Твое имя,
Тебя переименовал.

Все это носится в воздухе.
А Афанасий Фет,
сирень окрестивший «гвоздиком»,
стал первый ее поэт.

5

Когда-то в рассветном дыме
мы были, дура народ,
самыми молодыми.
Теперь же — наоборот.

А может, правы массмедиа —
хвалимый со всех сторон,
и правда, я стал свидетелем
собственных похорон?

Прорвавшиеся без билетика
и слушающие нас сейчас,
семидесятипятилетними
хотел бы представить вас.

Скажу что-то очень простое,
как секс у Бардо Брижит,
за что умирать не стоит,
а попросту стоит — жить.

Умрут живые легенды,
скажу, отвергая спесь:
есть русская интеллигенция!
Есть!

Пресса к Наине Ельциной
выказывает интерес:
есть русская интеллигенция!
Есть!

Конечно, с ингредиентами
Вознесенского можно съесть.
Но есть русская интеллигенция.
Есть!

Я был не только протестом.
Протест мой звучал как тест.
Я был твоим Архитектором.
Пора возвращаться в Текст.

Соскучился

Как скученно жить в толпе!..
Соскучился по Тебе.
По нашему Сууксу.
Тоскую, такой закрут,
по курточке из лоскут,
которую мы с Тобой
купили на Оксфорд-street.
Ты скажешь, что моросит...

Скучаю по моросьбе.
Весь саксаулочный Крым,
что скалит зубы в тепле,
не сравнится с теплом Твоим.
Соскучился по Тебе.

По взбалмошному леску
с шлагбаумовой каймой,
как по авиаписьму,
отосланному Тобой.

Соскучился по шажку,
запнувшемуся в дому.
Соскучился по соску
напрягшемуся Твоему.
Всю кучерскую Москву
ревную я потому,

что жили мы пять минут,
и снова — опять во тьму!
И нас спасти не придут
ни Иешуа, ни Проку...

Все яблочки из прейску...
червивые, точно Q.

Угу!
Я — совсем ку-ку!

Сейчас заскулю как су-
ка бескудниковская! Хочу
в замученные жемчу-
жины серых Твоих глазниц!

Ты тоже не возразишь,
что хочешь на Оксфорд-street.

Гитара в небе летит.

При чем она? А при том!
Сказал мне Андре Бретон
о том,
что летит она, похожая на биде.

Паскуды! Пошли все на!..
Соскучился по Тебе.

Соскучился и т.п. ...

Одной

Бежишь не от меня —
от себя Ты бежишь.
Рандеву отменя,
убегает в Париж.

На мобильный Сезам
объяснишь: «Например,
я внимала слезам
нотр-дамских химер».

Для того ль Тебя Бог
оделил красотой,
чтоб усталый плейбой
рифмовался с тобой?

Именины Твои
справишь, прячась в Твери.
Для чего выходной?
Чтоб остаться одной?

Ты опять у окна,
как опята, бледна.
Ничего впереди.
От себя не сбежишь.
Ручки тянет к груди
нерожденный малыш...

Не догонишь, хрипя,
длинноногий табун.
Не догонит себя
одиноким бегун.

Ночью лапы толпы
станут потными.

Не рифмуешься Ты
с идиотами.

Каково самой
владеть истиной,
чтобы из одной
стать единственной!

Стиснешь пальцы, моля,
прагматизм бытия,
гениальность моя,
Ты — единственная.

Среди диспутов,
дисков, дискурсов
Ты — единственная:
будь Единственной.

Во мне живет непостижимый свет.
Кишки проверил — батареек нет.
Зверек безумья вьелся в мой скелет.

Поэт внутри безумен, не извне...
Во сне
я вижу храмовый проект
в Захарове. Оторопел
автопортретный парапет...
Спасибо Алексу Сосне за помощь.
Дай осуществить проект,
чтоб искупить вину греховных лет!..

Я выбегаю на проспект.
На свет
 летят ночные бабочки: «Привет!»
Мне мент
 орет: «Переключайте свет!»
Народ
 духовный делает минет.
Скинхед
 пугает сходством с ламою-далай.
Мне, Господи, еще лет десять дай
транслировать Тебя сквозь наш раздрай!

Поэту Кисти ты ответил «нет».
Другой был, как Любимов, юн и сед,
дружил с Блаватской, гений, разгильдяй.
Поэт внутри безумен, не извне —
в занудно-шизанутой стороне,
где даже хлеб мы называем «бред».
Дух падших листьев — как «Martini Dry».

Уехать бы с тобою на Валдай!
Там, где Башмет играет на сосне.
У красных листьев
запах каберне.

Люблю Арбат, набитый, как трамвай,
проспекта посиневшее яйцо.
Люблю, когда Ты дышишь горячо.
Мне, Господи, еще лет десять дай!

Какой ты будешь через десять лет,
Россия, с отключенным светом край?
Кто победит — Господь или кастет?
Мне, Господи, еще лет десять дай!

Вдруг пригодится мой
 никчемный свет,
взвив к небу купол,
 где сейчас сарай...
Безумье жить. За десять лет почти
безумье мысли может нас спасти.
Меня от слова не освободи —
хотя бы десять лет дай, Господи.

К образу

Ты понимаешь, с кем связалась?
С самим, быть может, Князем зла.
Гитара коброй развязалась,
по телу кольцами ползла.

Когда играешь ты на шару
в концерте, сердцу вопреки,
прошу тебя — стряхни гитару
с остановившейся руки.

Но каждым вечером я в шоке:
так гипнотически стоит,
как кобра, раздувая щеки,
в тебя нацеленный пюпитр.

И потом Тебя не будет.
Не со мной. А вообще.
Никто больше не осудит
мой воротничок в борще.

Прекратится белый холмик —
мой и твой ориентир.
Превратится в страшный холод
жизнь, что нам я посвятил.

Оказалось, что на деле
все ушло на пустяки.
Мы с Тобою не успели
главного произнести.

Превратится в дырку бублик,
все иное не стерпя.
А потом меня не будет.
Без меня. И без Тебя.

Гламурная революция

I

На журнальных обложках — люрексы.
Уго Чавес стал кумачовым.
Есть гламурная революция.
И пророк ее — Пугачева.

Обзывали ее Пугалкиной,
клали в гнездышко пух грачевый.
Над эстрадой нашей хабалковой
звезды — Галкин и Пугачева.

Мы пытаемся лодку раскачивать,
ищем рифму на Башлачева,
угощаемся в даче Гачева,
а она — уже Пугачева.

Она уже очумела
от неясной тоски астральной —
роль великой революционерки,
ограниченная эстрадой.

Для какого-то Марио Луцци
это просто дела амурные.
Для нас это всё Революция —
не кровавая, а гламурная.

Есть явление русской жизни,
называемое Пугачевщина, —
сублимация безотчетная
в сферы физики, спорт, круизы.
А душа всё неугощенная!
Ее воспринимают шизы
как общественную пощечину.

В ресторанчике светской вилкою
ты расчесываешь анчоусы,
провоцируя боль великую —
Пугачевщину.

На Стромынке словили голого,
и ведут, в шинель заворачивая.
Я боюсь за твою голову.
Не отрубленную. Оранжевую.

II

Галкин — в белом, и в бальном — Алла
пусть летают в гламурных гала.
Как «Влюбленные» от Шагала.

В небе, словно алая кровь,
вместо общего «фак ю офф!»,
чтоб страна, обалдев, читала,
ночь фломастером написала:
«ГАЛКИН + АЛЛА = ЛЮБОВЬ».

Взгляд Твой полон одной любовью,
чувства прочие победа.
Я готов совершить любое
преступление ради Тебя.

Когда судьи мне кинут сроки —
от 8 лет до 108-ми, —
понимают они, жестокие,
что бессмертен я, черт возьми!

Твои очи — Женевское озеро.
Запрокинутая печаль.
Кто-то бросил? Сама ли бросила?
Жаль. На жизни написано: «ЖАЛЬ».

Вспышки чаек, как приступы боли,
что ко мне, задышав, спешат.
Точно пристальные магнолии,
украшающие ландшафт.

Сплюснен озера лик монголоидный.
Вам в душе не летать уже...
Нелетающие магнолии,
или парусник в форме «Ж».

Упредивши мужские шалости,
пережив успех и позор,
мы спускаемся к озеру Жалости,
может, главному из озер.

Жизнь истоптана, как сандалии.
В диафрагме люди несут
это чувство горизонтальное,
сообщающееся, как сосуд.

Вздерни брючный манжет, точно жалюзи!
И летит, взяв тебя в полон,
персональное озеро Жалости,
перепончатое, как баллон.

Жаль, жалейка не повторится!
Жаль — Кустурица не Бежар,
жаль — что курица не жар-птица,
жаль.

Жаль, прокладки, увы, не лампадки,
озаряющие алтарь.
А шарпея, смятого в складки,
что, не жаль?

Жальче, что моей боли схватки
тебя бросят в озноб и жар?

Почему это все продолжается,
как элегия Балтрушайтиса?
Кто у чаши отбил эмаль?
Мы устали жалеть? Пожалуйста!

Нету озера! Нету жалости!
Опустите брючные жалюзи.
Проживем без жалости... Жаль.

Понимаю, есть женские козыри,
шулер, некая точка ru! —
чашу лермонтовскую допью...

Тебе фото Женевского озера,
точно зеркальце, подарю.

От трех до четырех

Зое

В окошках свет погас,
умолкнул пустобрех.
Пошел мой лучший час —
от трех до четырех.

Стих крепок, как и чай.
Вас посещает Бог.
Шла служба при свечах
от трех до четырех.

Как слышно далеко!
Как будто возле нас.
Разлили молоко...
Спустили унитаз...

Очередной москит?
Или поет москит?
От трех до четырех
наш мир не так уж плох.

Люблю я в три проснуться,
в душе — переполох,
Конфуция коснуться
и спать без задних ног.

Кабина поперек,
и Хайдеггер, дымясь
камином кочерег,
попросвещает вас.

Пушай вы в жизни лох,
и размазня-пирог,
но вы сейчас — пророк,
и смысла поперек!

Я сам не разумел
идею, что изрек,
но милиционер
вдруг взял под козырек.

Становимся у касс.
Обломы за отказ.
Но в небе только час,
отпущенный для нас.

Жизнь — полусонный бред.
«СТИЛНОВСА» пузырек
прокладывает брешь
от трех до четырех!

Я без Тебя опять.
Как мне найти предлог,
чтоб досуществовать
от четырех до трех?

Кто в дверь звонит? Мосгаз?
Не слушайте дураков.
И не будите нас
от трех до четырех.

На ходиках с боем старинным,
на неодолимых цепях
две гири —
Сергей и Марина —
висят на российских часах.

Друг друга не так чтоб любили...
Но двигают время страны
среди электронных будильников
две тронные гири вины.

Смеркается и светает
под грешный их обоюд.
Когда перетянет Цветаева,
они колокольно поют.

Смерть Нолика

Памяти Наума Олева

Нетто ноито.
Нету Нолика.

Нету Нолика на мобилке.
Остались счета в конверте.
Он купил для себя могилу
за полгода до смерти.

Опоздала жена его, Галя,
жмурик Нолика победил,
одноглазо сестер пугая,
зажмуренный 01.

Выезжал на машине Ногия,
мчал через наш лепрозорий.
Очень многие длинноногие
не считали это позором.

Гений нас прельщает новеньким,
ходит, будущее потрогав.
Вслед толпятся крохотно нолики
в очередь за автографом.

Загнемся, живя без Нолика,
агностика и параноика.

Кремленологи и кинологи,
лунолики и не просты,
есть крестики кроме ноликов,
Господи их прости!

И когда мое сердце ноет,
будто он на меня глядит,

герой ночи, великий Нолик,
каплей крови моей летит.

Не то нолито.
Нету Нолика.

Вальс

Далеко-далеко,
 где Шарло де Лакло
зачитался «Опасными связями».

Далеко-далеко,
 там, где стиль Арт-деко
сочетался с этрусскими вазами.

Далеко-далеко,
 где туман — молоко
под лиловыми русскими вязами...

Где моя Медико?
 В холодящем трико,
босоножки с грузинскими стразами?

Далеко? Ого-го!
 На служебном арго:
ты с наркотиками повязана.

Если нету Кликко,
 коньячку полкило —
за успех всенародный и кассовый!

Не легко? Не легко.
 Что на сердце легло
никому никогда не рассказывай.

Свист шоссе — как лассо
над моей головой.
Тбилисо, Тбилисо,
огневой, пулевой!

Мчались горы в огнях,
как лотки с курагой.
Ты мне губы впотьмах
оцарапал серьгой.

Как срываются вниз
водопады, звеня.
Ты девчонкой повис
на груди у меня.

Но стучит далеко
к колесу колесо:
Медико, Медико...
Тбилисо, Тбилисо...

Родные берега,
родные берега,
родные берега —
 где жили,
вы стали навсегда,
родные берега, —
 чужими.

Чужие берега —
чужие берега,
чужие берега,
 отныне
вы стали навсегда,
чужие берега, —
 родными.

Ухаживали. Фаловали.
Тебе, едва глаза протру,
фиалки — неба филиалы —
я рвал и ставил поутру.

Они из чашки хорошели.
Стыдась, на цыпочках, врасяг
к тебе протягивали шеи,
как будто школьницы в гостях.

Одна, отпавшая от сверстниц,
в воде стоящая по грудь,
свою отдать хотела свежесть
кому-нибудь, кому-нибудь...

Упершись в чашку подбородком,
как девочка из «Де Маго»,
ждет жестом эротично-кротким —
но — никого, но никого.

Без «Б»

Л.Б.

Смех без причины —
признак дурачины.
Еще водочки под кебаб!
Мы — эмансипированные мужчины
без баб.

Часы с вынутою пружиной —
возлежит на тарелке краб.
Тезаурусные мужчины,
мы — без баб.

Слово «безбабье» — еще в тумане
обретет суммарно масштаб.
Беседуют же с Богом мусульмане
без баб?

Вот Валера, дилер из Саратова,
с детства несколько косолап,
кто бы знал об его косолапости
без баб?

Или баба — глава издательства.
Получается Групп-издат.
И поборы и издевательства.
Как на лошадь надеть пиджак.

Без болтливости, что не вынести,
без капканчиков вечных «кап-кап» —
без покровительской порно-невинности,
без баб.

Без талантливости придыхания,
без словарного курабье,
дыроколы пока отдыхают
без «б».

Устаешь от семейной прозы.
Мы беспечны, как семечек лузг.
Без вранья люксембургской Розы —
люкс!

Сжаты в «зебрах» ночные трещины,
достигается беспредел.
Наша жизнь — безрадостиженщина.
Нам без разницы, кто сгорел.

Рядом столик из разносолов —
стольник шефу от поп, сосков,
от восьми длинноногих тёлок
без мужиков.

«На абордаж!» — пронеслось над пабом.
Все рванули на абордаж.
И стол, принадлежавший бабам, —
ножки вверх! — полетел на наш.

И пошло: визг, фуражки крабьи,
зубы на пол, как монпансье...
(Мой котеночек! Ты — мой храбрый!..
Уберите с меня свои грабли!)
Бьют швейцара из ФСБ.
Так накрылась идея безбабья.
Точно клякса под пресс-папье.

Я бездарно иду домой:
все одежды мои развешаны.
Пахнет женщиной распорядок мой.
И стихи мои пахнут женщиной.

Будто в небе открылась брешина.
И мораль, ни фиги себе:
«В каждой бабе ищите Женщину!»
Но без «б».

Новогодние прогулки с Сексом

Попискивает комарик,
плывет в Новый год кровать.
Оставив меня кемарить,
пошел мой Секс погулять.

По барам, местам приватным,
по бабам, что станут «экс».
Пугая экспроприаторов,
пошел погулять мой Секс.

По-гоголевски про нос он,
пел песенку, муча плебс,
с невыветрившимся прононсом,
как будто Григорий Лепс.

Переключаясь саксами,
собой друг друга дразня,
с четвероногими сексами
прогуливаются друзья.

На набережной Стикса
фонари принимают душ.
Тень от моего Секса
доходит до Мулен-Руж!

Такая страшная сила
меня по миру несла —
сублимированная Россия,
Евангелие от Козла.

Рождаясь и подыхая,
качающийся, вознесен,
с тобой на одном дыхании
кончающий стадион.

В год Новый — были быгоды.
За выдохом следует вдох.
Из жизни, увы, нет выхода.
И женщина — только вход.

Расстреливающий осекся.
Расстреливаемому — под зад.
Вы видели моего Рекса?
На место, мой Рекс,
назад!

Тень от носа — подлинней
всех нототений и линей.
Так говорил старик Линней:
«Все подлинное —
 подлинней».

Пей отраву, ешь «ризотто»,
но последняя строка —
линией горизонта
будет жить наверняка!

Ода моей левой руке

Рука, спасибо за науку!
Став мне рукой,
ты, точно сука, одноуха,
болтаешься вниз головой...

Собаки — это человечье,
плюс — animal.
Мы в церкви держим в левой свечи,
чтоб Бог нас лучше понимал.

А людям без стыда и чести
понять помог
мой аргумент мужского жеста,
напрягшегося, как курок.

Ты с женщинами непосредственно
вела себя.
Ты охраняешь область сердца, —
боль начинается с тебя.

Ты — это мой самоучитель,
ноты травы.
Сегодня все мои мучители —
это мучители твои!

Когда ж чудовищная сила
меня несла —
башку собою заслонила,
меня спасла...

Но устаешь от пьедестала.
Моя ж рука
вдруг выкобениваться стала,
став автономно далека.

Я этот вызов незаконный
счел за теракт!

Но — хочет воли автономий
анатомический театр!

Я твой губитель, я — подлец.
Ты чахла.
Обертывалась новой чакрой
неизлечимая болезнь.

Ты мне больничная запомнилась.
Забыть нельзя.
Лежишь, похожа на омовца,
замотанная по глаза.

Не помню я тебя скулящей,
когда, скорбя,
мы с мировыми эскулапами
осматривали тебя.

Как мог я дать тебя кромсать
ножам чужим и недостойным,
мешая ненависть со стоном?!.
Так, вашу мать!

Междоусобны наши войны.
Дав свою плоть,
мы продаем себя невольно
и то, что завещал Господь.

Мне снится сон: пустыня Гоби.
На перевязи, на весу,
как бы возлюбленную в гробе,
я руку мертвую несу.

Возлюбленная — как акула.
Творя инцест,
меня почти совсем сглотнула,
еще секунда — сердце съест!

Прощаюсь с преданною жизнью.
Рука ж вполне
здоровая — на ней повисну,
как тощий плащ или кашне.

Откат

Благодарю тебя за святочный
певучий сад.
Мы заменили слово «взяточник»
на благозвучное «откат».

Мы в мировом правопорядке
живем фарцой.
С нас Бог берет, как пчелы взятки,
пыльцой.

Как хорошо в душе, и в лимфах,
и в голове.
Господь мне посылает рифмы,
себе взял — две.

Отказ от родовой фазенды.
Отказ от сдачи на лотках.
Откатывающиеся проценты.
В иные времена — откат.

А по ущельям и аркадам
акант цветет.
Я научился жить откатом,
отказом от

экономических загадок,
пустых задач.
Ночь открывается закатом!
Люблю закат!

Откатываются тревоги,
от волн откат.
Откатывающиеся дороги
ведут назад.

Отряд ушел беспрецедентно:
четверо ничком лежат.
Господь забрал себе проценты.
Откат...

На двух ладонях несу вам пламя
спортивной ласточкой на весу.
Как официант, подносящий прану,
духовное тирамису.

Скачут яблоки, как блохи.
Скачут яйца, точно зайцы.
Что касается Эпохи —
нас это не касается.

Разные книги

Бог наполнил Библию
страшными вещами,
варианты гибели
людям возвещая.

Это продолжалось
болью безответной, —
беззаветной жалостью
Нового Завета.

Зависти реликтовые
после отзовутся
завистью религий,
войн и революций.

Вечностью застукана,
тлением оставлена,
вещая преступность
Ленина и Сталина.

Убрать болтливую вожу
нельзя, не ждя.

Построить храмы без гвоздя
нельзя, не ждя.

Когда луна, околдовав,
дрожит, скользя,
вам снова хочется — стремглав! —
не ждя — нельзя!..

Как «помощь скорая», летим,
смешав сирены и интим.
Плевали на очередь.
Нам ждаться нельзя.

Звезда над Михайловским

Поэт не имеет опалы,
спокоен к награде любой.
Звезда не имеет оправы
ни черной, ни золотой.

Звезду не убить каменюгами,
ни точным прицелом наград.
Он примет удар камер-юнкерства,
посетует, что маловат.

Важны ни хула или слава,
а есть в нем музыка иль нет.
Опальны земные державы,
когда отвернется поэт.

1

Я вручаю Пастернаковскую премию
мертвому собрату своему,
Бог нас ввел в одно стихотворение,
женщину любили мы — одну.

Пришло время говорить о Фельтринелли.
Против Партии пошел мой побратим.
Люди от инстинкта офигели,
совесть к Фигнер послана фельдъегерем,
может, террор имитировал интим?

Как спагетти, уплетал он телеграммы,
его профиль к Джакометти ревновал,
я обложку книги сома апо
с именем Джакомо рифмовал.

В нем жила угрюмая отвага:
быть влюбленным в Пастернака, злить печать,
на свободу выпустить «Живаго»
и в дубленки женщин наряжать!

Я вручаю Фельтринелли-сыну
золотой отцовский реквизит,
как когда-то ему, мальчику, посыльным
Дилана автограф привозил.

Что бы мы, убогие, имели,
если б Фельтринелли не помог?!
По спинному мозгу Фельтринелли
дьявола шел с Богом диалог...

2

Усмехаясь, ус бикфордовый змеился,
шел сомнамбулический роман...
Было явное самоубийство,
когда шел взрывать опору под Милан!

Женщина, что нас объединяла,
режиссировала размах.
Точно астероид идеала
в нас присутствовал Пастернак.

Как поэт с чудовищною мукой,
никакой не красный бригадир,
он мою протянутую руку
каменной десницей прихватил.

Он стоит, вдев фонари, как запонки,
олигарх, поэт, бойскаут, шалопай.
Говорю ему: «Прости, Джан Джакомо!»
Умоляю: «Только не прощай!»

Разоржаться мировой жеребщине,
не поняв понятие «апельсин»!
Тайный смысл апассионатной женщины,
тая, отлетит необъясним...

На майдане апельсины опреснили,
нынче цвет оранжевый в ходу.
Апельсины, апельсины, апельсины
меня встретят головешками в аду.

3

Жизнь прошла. Но светятся из мрака,
в честь нее зажженные в ночи,
общим пламенем на знаке Пастернака
две — мужских — горящие свечи.

Сто моторов оглашают беспредельщину.
Сто мужланов подают тебе манто.
Стоматологическая женщина,
вечно делаешь логически не то!

Стоматолог хуже, чем проктолог:
видеть зубы, пораженные гнильем,
и пикантным словарем, без протокола,
рассказать про человеческий гильом.

Общество опасное, когда жопастое.
— Чем заклинивалась из идей?
— Мечтаю о клинике, о своей!

Но однажды, сполоснув клиента «зельтерской»,
ты увидишь, как на донышке, дыша,
точно бабочка, вспорхнет над круглым зеркальцем
ослепительная Божия Душа.

«Оботри мне благодарственные слезы,
чтобы видеть это чудо наяву!
Я готова все вдохнуть пародонтозы
и от счастья задохнуться, что живу!»

Стоматологическое зеркальце
и аналогичная душа.
Ты, астрологическая женщина,
вместо логики поэзию нашла.

Дочка репрессированных смолоду,
чем Шанхай тебя прищуренный привлек?
Господи, прости ей, стоматологу,
мотыльковый ветерковый матерок.

Подобно самураям,
живет взаимно народ,
но мы не вымираем,
мы — мамонты свобод.

И, может, динозавры.
Шалея от побед,
прощаемся «до завтра»,
а завтра у нас нет.

Мы были самыми крайними
и в молодости и в старости.
Светились разными гранями.
Это осталось в статусе.

Цигарки самосадные...
Мечтавши о «Тойоте»,
мы были самые-самые —
и это в нас остается.

Мы божьи эксперименты.
Сам Бог — зánят.
У него саммит.
Пусть наши бабы-легенды
расскажут про нашу самость.

Дирижерка

Деклассированные вурдалаки
уподобились комарью.
Ты мне снишься во фраке,
дирижируешь жизнь мою!

Я чувствую переносицей
взгляд напряженный твой.
Ко мне лицом повернешься,
ко всем — другой стороной.

Волнуется смятый бархат.
Обернутое ко мне,
твое дыхание пахнет
молодым каберне.

Музыкально-зеркальная зомби,
ты стоишь ко мне — боже мой! —
обернувшаяся лицом ты! —
а ко всем — другой стороной...

И какой-то восторженный трепет
говорит тебе: «Распахнись!»
Возникающий ветер треплет
взмахи крохотные ресниц.

Когда же лапы и ручки
рукоплещут, как столб водяной,
ко мне повернешься лучшей,
главной своей стороной!

И красные ушки в патлах
просвечивают, красны.
И, как фартук, болтаются фалды
как продолжение спины.

Те фалды, как скрытые крылья
у узниц страшной страны, —
как будто кузнечики Крыма,
что в черное облачены.

За тобою лиц анфилады
и беснующийся балкон.
Напрягаются обе фалды,
изгибающиеся в поклон.

И под фалдами треугольничек
проступает эмблемой «треф».
Так бывает у горничных,
реже — у королев.

Кларнет

По полю древней битвы,
где памятник Шкуро,
летит опасной бритвой
орлиное перо.

И мы предполагаем,
что где-то вознесен
орел за облаками,
и белоснежный он.

Чтоб наш талант не скурвился,
во Владике Монро
светает белокурое
мэриное перо.

Пусть дрожит государство,
гоняется за ним...
Прицельный дротик дартса,
увы, неуловим!

Поэзия есть тайна
древней Политбюро.
Летает нелетально
транзитное перо.

Арина Родионовна,
платок повязан «Першингом»,
чтоб беды милой Родины
казались легким перышком.

Серебряной расческой
летело НЛЮ,
но времени прическа
исходит от него.

Пьеро, в церкви не пукнувший,
увидит над метро
незримо в ручке пушкинской
дрожащее перо.

Холмы наши и овны
поэтому легки,
как будто нарисованы
поэтом от руки.

Сикуха

1

Поршень работает, работает поршень.
Великий, чавкающий и пошлый.

Отец, изнасиловавший малышку,
теперь уже не получит вышку...

Well, дочурку гад поимел.
Век — ох, well!

2

Скинувши ветошь джинсовки «Wrangler»,
мне исповедуешься, Мой Ангел,
смешав наив детских губ обмылок
с женской опытной ухмылкой:

«Отец растлил, посадил меня на кол,
все разворотил и по пьяни плакал.
Я обогнала сверстниц в развитии, —
презрительно. —

За существованием вашим слежу с пеленок,
неудовлетворяемый вампиренок.
Вы испытали ли в детской кроватке
бешенство матки?

Смотрю сериал — “Бультерьер Ментов”.
Знал толк в порнографии Лермонтов.
За что мне лермонтовская скука?
Амбивалентная я “сикуха”.

Для понта надела я мамино пончо.
Что ни начну, не умею кончить...

Нет у летчиков керосина.
Неизлечима болезнью духа.
Нескончаемая Россия,
может, Ты, как и я — сикуха?!»

Гасишь чинарик болотных почек,
что начинаешь, не можешь кончить.
В бок пырнет, чуть левее сердца,
носорог, точно нож консервный.

В кухне спорщики собираются,
споря напрасно про протуберанцев.
Будущие фигуранты:
ЦРУ и СИГУРАНЦЫ.

Выйду на Кропоткинскую запорошенную,
работает порнопоршень.
Навстречу мне митрофановский рост —
выпускники свинофабрики звезд.
Я пройду Россией, красивая сука,
слышу: «Сикуха!»

Народ укрощен, развращен из центра.
Пугачевщина — лишь на сцене.
Расплачиваемся по-фарцовски
за удовольствия отцовские.

Люблю дороги под лунным скотчем —
начавшееся не кончится.
С детства сырихой меня изумил,
сивухой и Рихтером пахнувший мир.

Что я твержу тебе ежесекундно?
«Ты — незасахаренная старуха,
ты — чемпионка духа, подруга!
Сакурой вешней цвети, сикуха!»

Нескончаема вода без крана.
Наша струящаяся страна —
нескончаемого страдания
нескончаемая страда.

3

Я в финале влюбилась,
следовательно:
в квартиру набились
менты и следователи.

Так сказать, моя встреча с прошлым.
Работает поршень.

Все глазют, как за окном,
Млечный Путь продернувши в ухо,
на асфальты летит сикуха,
изнасилованная отцом...

Не покидай меня

Романс

Я в панике, что ты меня покинешь!
Сегодня. Не когда-нибудь...
Ни бабки, ни эфир паникадилищ
не смогут мне тебя вернуть.

Не кинь меня! Ты отвечаешь: «Да уж...»
Под мышками жжет старая трава,
я чувствую, меня ты покидаешь.
Сила оставила твоя.

Ты обожаешь по-китайски!
Уток пекинских — птичий грипп — нема.
Я чувствую, меня ты покидаешь.
Не кинь меня.

Женщина, застенчивая, как Кинешма,
вдруг станешь киллером синема?
Ты все равно когда-нибудь меня покинешь...
Не кинь меня!

Двустворчато окно киноманжетины.
И примула — как запонка окна.
«Таких, как я, не покидают женщины!»
Вдруг ты покинула меня?

Третья рука

Поэма

1

Моя левая и правая
аплодируют пока,
в то же время врежет правду
третья моя рука.

Есть пространственное время:
мир — не сказочка Прево!
Из двух лучших направлений
только третье — право.

Где таится третья вера?
В жесте праведном мужском.
Так безрукая Венера
взмост белым кулаком.

Как Тебя я создал поздно
из души, как из ребра!
Только вздрагивают ноздри,
чуя признак серебра.

Твоя мука — исцеление,
и евангелист Лука
слушал Твой трезвон серебряный,
сюрреальная рука.

2

Вид духовного артроза:
нас, рождая на века,
изнуряющим отростком
мучит третья рука.

Царь молился. Ус покручивал.
Ах, Ипатьевская мать!

Неужели Троеручица
разучилась помогать?!

В простоте твоей арийской
с электрической искрой
узнаю твои персты:
первая сюрреалистка — это Ты!

У Плисецкой — термоядерно —
вкось поехало лицо:
видела у Темирканова
его третье яйцо!

Многоручица Плисецкая,
умирает Лебедь, вдруг,
в нем живет полиселекция
выбрать лучшую из рук.

Обрывается предсердие
от батманов и поэм.
Продолжается Плисецкая:
Гений побеждает Врем!

Зря исследователь шарит,
у мозгов — плачевный вид.
Мое третье полушарие
звездным куполом горит.

Я опровергаю разум,
инстинктивно, как лубок.
Третьим глазом, третьим глазом
зорко жмурится пупок!

Кошки гибнут на пожаре.
Троекуровские трюки.
К Интернету нас позвали
третьи руки, третьи руки.

Дьявол крестит одноразово,
осенивши лоб лобком.
Третьим глазом, третьим глазом —
зорко лыбится пупком.

Сексапилящие дивы
из киношных делегаций,
как трехногие штативы,
шевелиются, шевелятся!

Вождь: рука на телефоне.
Но из кости лобовой —
вылез рог Левиафана
указующей рукой!

Жестко и целенаправленно
к нашим дням обращены
руки Ленина и Сталина —
жесты тонущей страны.

И в богатстве, и в разрухе —
от разлуки не уйти.
Третьи руки, третьи руки
ищут новые пути.

И какую форму примут
новые волхвов дары
и беременный периметр
Вифлеемовой горы?

Твой оклад содрали церберы.
И под пляшущий прицел
за рубеж твой звон серебряный
вывез белый офицер.

И под ржанье комиссара
на рулетковом кону
третья рука спасала
мою жертвенную само-
убиенную страну.

3

Что мы знаем о Белграде?
Центр белогвардейщины?
Стань собою, Бога ради,
триединство женщины!

Сребросербская терцина,
жизнь в себе сосредоточь!
Овладей Отцом и Сыном
Силой духа, Мать и Дочь!

Без рекламы, без огласки,
в наши роковые дни
женщиною сероглазой
многоруко обними!

Если, небеса шокируя,
я сваляю дурака,
возвратит меня за шкуру
к Тебе третья рука.

Что случится? Что порушится?!
Вытру сердце о траву...
Богоматерь-троеручица,
я Тебя боготворю!

Пляска затылков,
блузок, грудей —
это в Бутырках
бреют блядей.

Век турбулентный.
Век параной.
Может, и Лермонтова
под ноль?

Ах, Михал Юрьич,
сдай на анализы —
свою порноюность
сбреем налысо.

Пей вверх тормашками,
влей депрессант,
чтоб нового «Сашку»
не смог написать...

Волос — под ноль.
Воля — под ноль.
Больше не выйдешь
под выходной!

Смех беспокоен,
снег бестолков.
Под «Метрополем»
дробь каблучков.

Точно косули,
зябко стоят.
Вешних сосулек
грешный обряд.

Фары по роже
хлещут, как жгут.
Их в Запорожье
матери ждут.

Их за бутылками
не разглядишь.
Бреют в Бутырках
бедных блядищ.

Эх, бедовая
судьба девчачья!
Снявши голову,
по волосам не плачут.

ВАМПЫ

Поэма

Вступление

В окне качнулось Подмосковье.
И шишка на башке, как шиш.
Расплачиваюсь кровью
за Париж.

За то, что жил как понарошке,
стезя хронически крива.
Вероника из неотложки
анализирует кровь.

Сапог в Париже пахнет рыжином,
и разделяется в тоске
желанье жить и умереть в Париже
на жизнь в Париже и реасе-ТЭЦ в Москве.

Значит, поэт во мне не помер,
и кровь стекает горяча,
заляпавши барочный номер
расквашенного москвича.

Везут куда-то. Нервы выли.
По шороху нетопыря
я не забуду вас, ночные
парижские госпиталя!

Мне эта ночь казалась адом.
Моча в пробирках. Выл упырь.
Кто-то пропитым русским матом
раскаивался, что убил.

Тюремную была больница.
Наружка соблюдала зоны.
Преступника ждала полиция,
наручники в операционной.

Умение не оскудело,
и мне, вчерашнему божку,
сегодняшние студенты
зашили через край башку.

Так трогательно и искренне
с повязкою, как после драки,
автографами вас на выставке
преследовали вурдалаки.

Но некто страшный и невидимый,
меня, любимца Холла-Town,
за прегрешения, по-видимому,
послал в нокдаун.

И понял я, пусть однобоко:
в годах, что мимо пронеслись,
есть дактилоскопия Бога
и жизни расщепленный смысл.

Навязчивы, как Мастроянни,
пройдут мисс Слава, мисс Успех,
единственно, мисс Сострадание
окажется нужнее всех...

Я за спасенье от тюремщиков
опять Тебя благодарю,
обретшая надежду Женщина,
одну Тебя боготворю!

1

Удаляются во времени
и Пушкины, и Пастернаки.
— От кого ты опять беременна?
— Вурдалаки.

Таня Ларина спит, бабуса.
Мчит кибиточка удалая.
Над губою краснеет бусинка.
Вурдалачка.

И Гоген с его таитянкой,
и Пушкин с его «Анчаром» —
бессмертие из смертных тянут
на шару.

И женщины — легковерные,
чередой керосиновых ламп...
Лермонтов —
вамп.

Мэрилин вряд ли была святая,
как хотелось вам бы!..
Цветаевы —
вампы.

Возрастные пятна форели,
все мы — доноры ГУЛАГА.
За Мадонной Рафаэля
тыща рожниц вурдалаков!

Слово юзеру и лазеру!
Мост качается на вантах.
Дальше — недоступно разуму.
Мозг кончается на вампах.

2

Гарика Вампукова мучили газы. Перестал ужинать.
Муки продолжались. «Может, я беременен? —
подумалось. — От Вамдамова из Бирюлева?»
Озябшему заду вспомнилась горячая плоть.
Вамдамова мучили грезы. Ему виделась
брюлловская сиястая амазонка с газовым шифоном.
Она мчалась сквозь него, задевая его выменем.
Снятся юные коровы Брюллову из Бирюлева.

3

Вы — вампы
(с утра несчастные банты
круты, как ртутные лампы),
Лолиты, Иоланты!

«Пиявки а-ля Вивальди,
нам крови живой подайте!» —
пить просят больные гланды
веласкесовской инфанты!..

Мне б в теле шприц ощутить!..
Мы — ВАМПЫ! Беззащитные чудища,
транспортирующие таланты.
Мы — вампы! У всех — мобильники...

Всё больше неестественного,
искусственного:
автомобильный нерест
летит из Кунцева.

«Бамперная культура» — назовем мы их,
эти бессмертные образы,
оставленные нам умершими
и удаляющиеся от нас подобно красным стоп-кранам,
горящим в снегу.
Не дай бог им развернуться и понестись обратно,
назад, на свою родину, куда они имеют право,
сметая все на своем пути...
Мы все погибнем под бампером.

Бампериализм — последняя стадия каннибализма.

Даже у Монтеня
не все переврано.
А вторая материя
хочет крови от первой.

Подмешавши к лаванде
веселящийся газ,
Василевские Ванды
доносили на нас.

Вампилова утопили.
По-английски «болото» — swamp.
ВУРДАЛАГЕРНАЯ Россия
теперь обоюдный вамп.

Не Наина трясет клюкою —
 прядь наивная из Ленкома.
 Как люксорно звучит Глюк' Оза!
 Композиторская глаукома.

Революции реакционны:
 «Взять вокзал, а потом — почтайт».
 Гениальные моционы:
 человечеством правит ямб!

Я — вамп,
 Я — замученный зомби.
 Кровь — источник тепла.
 Под зурабовской бронзой
 как рука затекла!..

Жизнь сосу из читателей,
 губы раскровеня,
 но Мадонне Констабиле
 не прожить без меня!

Моей донорской кровью
 помогаю десанту.
 Жизнь вторую открою
 я Марселю Дюшану.

Катерининская береза
 тронет бедрами, и мне — амба.
 После с ней разберемся,
 мы — Вампы!

4

Время — оно шикарное, если обыкновенное,
 и будущее время оказывается позади.
 Ширик меня ошарашил: «Вы помните, мэтр,
 как вместе мы выступали в *maison de poesie*?»
 наверное,

Оба президента закусывали эклерами,
 шли годы 80-е, ушастые, как жираф,

мы были все влюблены тогда,
и, переводчик Лермонтова,
слушал наше чириканье
молодой и тощий Жак Ширак!

«Прошу Вас переведите
стрелки Ваши назад:
государственные вердикты
пусть по-лермонтовски заговорят!»

По-лермонтовски мятежно,
нездешне, порой угрюмо,
по-лермонтовски электрическая
туча начнет стриптиз.

К себе возвратись
не нашей, а лермонтовской Думой.
Не в Сорренто и не в Палермо —
по-лермонтовски — вернись!

Русская поэтесса, похожая на шинкарку,
протыривалась бюстом сквозь полицейский пост,
и очередь лизавших — нашему и Шираку —
тянулась, как вопросительный, витиеватый хвост.

Плыл клевер на гобеленах,
как мулине моток.

И, вздохнув, вернулся халатно
к обязанностям Ширак.
И Лермонтов в маскхалате
пил гранатовый сок.

Лермонтов — вурдалак.

5

Мы — итоги распада.
Наши боги распяты.
Мы — вампята.

Мы дети словесной диеты.
Детишки, мордейте!

Потоки воздушные
над праздничным Тушино —
как кофе над турочкой.

Где истина? В пирсинге?
В ранней лысине?
Бумагомараки!

Деды-вудровилсоны,
Мы — вурдалаки.

Чесночные попки —
как тесные скобки
из сказочки Гоцци.

Ку-ку, педофилы!
Все сердцу постыло...
Кровиночки хотца!!!

6

Вампиры напировались,
их крови анализ:

Белые Шариковы —	Красные Шариковы
Шариковы любые —	Розовые, оранжевые и голубые
Николай Кровавый —	Володя Картавый
Холестерин —	Хайль исторический простим
Гемоглобин —	МГИМО глобален, блин
Реакция Вассермана —	Вексель срама, эрекция, как у гишпопотама
Вырос сахар —	Вирус страха
Резус —	Иезус, трезвый зарежусь

Мера подончества fucking —	Фокин, мэр из Подольска
Пейте пустырник хренов —	Плюс капли от олигофренов
В аграрной стране дефицит агрегатов —	Плюс обиды на олигархов
На пейсы свет багровый кипит, как самовар, —	Напейся своей крови, самовамп
Порнуха, варнаки, живу без валторн	Уже в Пастернаке есть пост и тёрн
Живем любовью из-под хребта —	Капельки крови со лба Христа
Матисса щемящий мотив или брызги фонтана Треви —	Антисемитизм в крови

7

Револьвер ментов —
спи, дурак...
Лермонтов — вурдалак.

Все реплики комедиантские и (до и после войны)
все подвиги космодемянские уже совершены.

Назвал он книгу «Живаго», непреодолимо веруя,
что кровь вторая, живая, когда-нибудь станет первой.

**ВРЕМЯ НЕ ОКУПАЕТСЯ,
ПОКА НАС ВСЕХ НЕ СОЖРЕТ.
ПРОИСХОДИТ ПЕРЕОККУПАЦИЯ
ЖИВЫХ ОСТАВШИХСЯ ЖЕРТВ.**

8

Не оскудели пиршества,
российские Сан-Суси.
Я столько дружил с вампиршами!
Проси мою жизнь! Проси!

Сияют глаза большие.
 Во всем ты права. Но скажи:
 зачем ты опустошила
 свою лучшую часть души?

Свобода нам — каталажка,
 твой рот — перочинный нож.
 Красивая вурдалакша,
 без крови моей умрешь.

И некто потусторонний,
 поступками не шокируя,
 какой-нибудь пост-Ставрогин
 пьет кровь из Рафа Шакирова.

Молодой Жак Ширак вместе с молодым русским поэтом
 хищно и плотоядно поглядывал
 на их сегодняшние отяжелевшие фигуры
 в туманном Елисейском дворце.
 Атлетические Отелло разминались на небесах,
 неумные, как наймиты Гвинеи-Бисау.
 Сто сорок три Гамлета мерцали, выдуманные мертвецами.
 Некая энергия расправляла их.
 Интеллектуалов до сих пор гипнотизирует Свамп,
 заикающийся на последней букве.

Купите онучи
 от фирмы «Гуччи»!
 (Русалкины штучки
 могучей кучки.)

Балакиревы — вурдалаки.
 Беслан нам ввел внутримышечное:
 шаромыжникам и волхвам.
 Русалка опустошила Даргомыжского.
 Вамп.

Пытай, пытай, тов. Мюллер, —
 новый штамп.

М. Ю. ЛЕР мон ТОВ —
 новый вамп.

И маячат вдоль Кандалакши,
свободные как такси,
красивые вурдалакши,
господи их прости!

Единственно неподсудная
сосущая страсть питья,
сообщающиеся сосуды
бытия и небытия.

Ты чувствуешь, как расправляется
лицо, уставшее от fucking?
Так утром снова распрямляются
дождем побитые фиалки.

Вертикальные озёра

1

Большая жизнь столкнулась с малой.
В больнице, в коей я бывал,
развязывался экстремальный
скандал.

Студентка русской философии,
длинноволосая Далила,
отдутловато-малосольная,
свою соперницу давила.

Соперница казалась старше
и опытней в подобных битвах,
и странно, что при этом стаже
дрожали губы как оббитые.

И красные ее сандалии
(свидетельство об упаковке)
пунктиром крови и так далее
впондан горящему сандауну
бежали до ее парковки.

И в этом обоюдном вое,
друг другу нервы перепортив,
они забыли о герое,
что был в палате — дверь напротив.

Он сдал всю жизнь для этой малости,
весь пепел славы — что ж, ошибка?
«Вы выглядите, как мальва.
Увядшая».
«Ах ты, паршивка!»

2

В наркологическом накале
дворцы обертывались хижинами
и речь, скандальная и наглая,
казалась жалче и униженной.
А мы похлеще засандалим!

И за окном, под снегом дряблым,
ель, озаренная скандалом,
высвечивалась канделябром.

Шел из лягушек дождь контрастный.
Жарища — как в Нахичевани.
Обе печалились о нравственности.
В них нравственность не ночевала.

И только крохотные эго,
для ясности в каком-то плане,
как будто рухнувшее эхо
надежды и разочарования.

И окончательно позорны
все поражения и победы. .
И вертикальные озёра
крутились, как велосипеды.

А вам кто больше, дорогая:
стихия памяти иль малость,
что с вами вместе догорала?
Иль зорькой только занималась?

3

Про спор соперниц он не слышал,
разборку пропустил такую.
Он просто незаметно вышел
из этой комнаты — в другую.

В другую даль без аллегорий,
в другое горе и в укоры.
Не надо поднимать дреколья,
не понимая про другое.

Сперва он озирался дико,
не мог пошевелить рукою,
как дети странные — индиго,
нацеленные на другое.

Лежало смолкнувшее тело,
забыв про срамы и про совесть.
Оно вернуться не хотело,
к другой материи готовясь.

Лунная дорожка

Мы пьяные после дождя.
Уложена лунной плитой,
бежит вдоль забора дорожка,
проложенная Тобой.

Роса, как китайские ложки,
цветы нагибает, светясь.
Останутся ножки да рожки
от тех, кто гуляет сейчас.

Неведомый автор дорожки,
ты думала ли о нас?

Уж выскользнет осторожно,
как зеркальце для бритья,
бежит вдоль забора дорожка
бытия и небытия.

Плач по юности

Когда проходит молодость —
кранты миропорядку!
Как будто в вашем мобиле
украли подзарядку.

Когда проходит молодость,
не бегайте по знахарям.
Вас озарит, как молния,
изнанковыми знаками.

Ведь секс — не только
молодость.

Себе не изменяя,
займитесь, как сейсмологист,
иными временами.

Кафе. Неглинная
или Трубная.
Гудки длинные.
Возьми трубку.
Слова полые,
словам хрупко,
их трубка полная —
возьми трубку.
Возьми горячую,
возьми правду
своими пальчиками
прохладными...
Я же не лезу
тебе под юбку.
Ушла? Прелестно!
Возьми трубку.
Гудки длинные.
Обрыв на линии?
Интрига Круппа?
Возьми трубку!
Тебя зарезали?
Скажи трупу
ради поэзии
взять трубку.
В эфире модную
крутят группу.
О чем поет она?
«Возьми трубку!»
Вы все свидетели
моей печали.
Чтобы ответили,
чтоб трубку взяли.

Ты безответная,
неужто трудно
хоть раз в столетие
взять трубку?

БГ — для двоих

Борис Гребенщиков —
Брысь! для гробовщиков.

Пускай фанаты в Переделкине
ждут на пеньках.
Он пел ва-банк.
Он написал на беспределе:
«Буддийский панк».

Из гроба вычехлив гитару,
буддист, но без бубенчиков.
Он пел нам новое и старое —
Б.Г. — Борис Гребенщиков.

Он пел для нас одних с тобою.
Намокли ягоды в кульке.
И Бог невидимой рукою
держал бородку
в кулаке.

А ты сидела в стиле диско,
с глазами, полными луной
и солнцем,
спелым по-буддийски
над непробудною страной.

«Панкуешь?» —
спросит христианство.
«А хули ж?» —
говорит буддизм.
«Страдание», —
говорит пространство.
«Свобода», —
сам в ней убедись.

Нам, безголосым, он — как Сопот
и христианский стадион.

Уйдя в великий полусшепот,
был этим грандиозен он.

И кто-то в черных лимузинах
на фоне неба пролетал,
и изгибался Илюмжинов
во власти инопланетян.

Дистанционной Камасутрой
Ты мне сияла через стол.
И эхо въелось в нашу утварь,
не зная, что Б.Г. ушел.

А где-то рядышком есть истина.
Но рацию заполнил бланк.
И почему на нем написано
дурацкое: «Буддийский панк»?!

Русские европейцы

Русская немощь
мчится к коллапсу.
Русская немочка
катит коляску.

Лузгаем семечки.
Как ты устала,
русская немочка
из Казахстана.

Вся эта хевря
оплачена в евро —
эти убожества сентиментальные —
прачки, уборщики,
подметальщицы.

Марик из Марфино,
Принц из Стамбула,
русская мафия
немцев обула.

Ваши луддиты — все голубые.
 Наши бандиты женщин любили.
 Как на Владимирском лесоповале
 водкой блондиночку запивали!..
 На фотографии лик ее страшен,
 русская мафия, мафия рашн.

Послала всех на фиг
из теплых кальсон
русская мафия
с человеческим лицом.

Узкие валютные
 воткните запонки,
русской революции
 берегитесь, западники.

Научные товарищи,
 налить по рюмке!
Научим разговаривать
 всех по-русски.

Десятиклассницы
 на Пикадилли...
«Класс! Мы в школе
 вас проходили».

Годы проходят, лучшие годы,
лучшие коды нашей свободы.

Ах, наша юность!
 Ах, Голден Палас!
Что-то аукнулось,
 что-то осталось.
Ах, Голден Парус,
 ах, Голден Палас!
Как нетопырь
 оттопыренный палец.

Золото Голден, молодо Голден,
кто не угоден, значит, не Голден.
Годен не Голден, годен? —
 не Голден.

Мы в Новый год
 просыпаемся в полдень.

Пусть продолжается
 праздник Господень.
Сильных — на подиум!
Ты ж не бездарный певец
 подворотен,
ты — всенароденен,
 как греческий ордер.

Хватит.

Лежи, неприлично свободен,
как к голой попе
привинченный орден.

Беллада

Сколько нам сулит аварий
родендроновский синдром?
Сколько раз нам закрывали,
Белла, твой аэродром?

За полвека правления Беллы,
государыни русской поэзии,
в нас поэзия подобрела,
государственно бесполезная.

Непростительно, что поэты
не приносят конкретной пользы:
даже пользователи Интернета,
и те хотят летать — не ползать.

Белла выглядела не слабо:
Белла ждет авиатрапа,
как Сатурново кольцо,
под аэродромом шляпы
светит белое лицо.
(Русские Манон Лёско
любят белое лицо.)

И с ее аэродрома,
как с ладошки малыша,
песни радости и стоны
улетают не спеша.

Шляпы взлетная дорожка
закругляется, крива,
с нее слетают неотложно
головокружащие слова.

Описав кольцо Сатурна,
мчит страна по окружной.
Мало петь неподцензурно.
Надо еще быть зурной.

Но уже подо мной Тироль,
машет шляпа ночными перьями.
Не бывает Беллы-II.
Белла — Первая.

Растворение

Я обожаю твои вареники
с темной вишнею
для двух персон.

Стихотворение
есть
Растворение
меня в тебе
и тебя — во всем.

Стихотворение.
Тобой навеяно.
Оно — растворенное в ночь
окно.

Ты никогда не варила
вареники.
Стихотворению все равно.

Стихотворение лежит
за речкою,
где, отражаемые росой,
коленки закидывают вверх
кузнечики,
как мы закидывали с тобой.

Я принимаю благоговеино
ликбез могил и небес акрил.
За предстоящее претворение
в Того, Кто истину мне открыл.

Среди поклонников настырных,
стиляг и бумагомарак
ты спросишь: «Пастернак — пустынный?»
Пустырник — это Пастернак.

Можно ль выжить, звучание
 вынув,
звук, как гибель, испечелим.
Например, война гибеллинов...
Гибеллин, Гобелен, Цеппелин.

«Войди, Призрак!»
Антреприза анапеста.

1

В Латвии — сложно жить.
Рощица на ветру.
Корнями соединимся!

2

Пастообразная паства.
Интриги кардиналов.
Папа Пий XVII.

3

Триумф порнографии.
40 тысяч любовников.
Она невинна.

Люблю подарки

Я брожу в твоей рубашке,
из меня растут цветы.
Отовсюду улыбаешься
недосказанная Ты.

Благодарю за ширь обзора,
за Озу, прозу, и в конце —
за вертикальные озёра
на ненакрашенном лице.

Человеческие отправления —
безумные поезда...

Мы знаем лишь направления —
не ясно только — куда.

Когда же придет день Судный —
и душу уже не спасти,
сестра пододвинет вам судно
и ласково скажет: «Поссы».

Сиделка в синем сарафане
спит как сарделька в целлофане.
Во сне летает на сафари.
Как? Прицепив на попу фары!
И просыпается в поту
красавица. В минуту ту.

Ты приехала на заработки
с Украины.
Ты готовишь мне утром завтрак
с укоризной.

Не с обидою,
но с укором —
представителю жизни сытной
за забором.

Почему к нам, ломая рельсы, —
смех сквозь стоны —
мчат китайцы, мордва, корейцы —
миллионы?

С ними, в маечке чемпионской,
из ненастья
прилетела ты, журавленочек,
голенастая.
Незамужняя, незалежная,
сердце мучая бесполезностью,
и здоровьем — не железная.

Чтоб меня уберечь, преступника,
от падения,
ты за мной неотступною
бродишь тенью.

Всем приятелям моим —
не бездарным! —
ты казалась соглядатаем,
жандармом.

Почему в многолюдстве хочется
абсолютного одиночества?

Странно мне:
больше свету?
Ты как тень на стене —
стены нету.

Когда в зеркале раскорячусь,
шарф надену,
вижу взгляд твой укоряющий
через стену.

Как два угля раскаленных
жгут мне спину.
Только скоро я, журавленочек,
вас покину.

Улечу, где нет ни Останкино,
ни Ватикана.
Я уйду.
А ты, Тень, останешься
вертикально.

Демонстрация

Я шел со странной демонстрацией
от Каменного моста.

Да здравствует демонстрация,
когда из нас выходят монстры!

Шары сознания, монстры бреда
плывут над нами цвета морса.
Выносим из себя портреты,
на свалку, монстры!

Они по пояс, как сирены,
трибуной скрытые стояли —
с умом как БАМ одноколейный —
и под прилавком, съев коллегу,
когтями родину терзали.

Как за зарплатою тринадцатой,
писатель лозунг нес пасхален:
«Иностранцы — засранцы!
Как говорил товарищ Сталин».

Мы грели их душой промозглою.
Дрожат древки, как пуповины.
Мы, плача, расстаемся с монстрами.
Мы в их рождении повинны.

Под текст советского Модеста
несем химер различных лет.
Несу абсурдную надежду.
А справа тащат мой портрет.

Да здравствует свобода слова!
Да здравствует свобода дела —
создания пищи, мысли, крова,
Макдональда из Бирюлева
и власти духа — без расстрела!

Четырежды и пятирижды
молю, достигнув высоты:
«Жизнь, ниспосли мне передышку
дыхание перевести!»

Друзей, своих опередивши,
я снова взвинчиваю темп,
чтоб выиграть для передышки
секунды две промежду тем.

Нет, не для славы чемпиона
мы вырвались на три версты,
а чтоб упасть освобожденно
в невытопанные цветы!

Щека к щеке, как две машины,
мы с той же скоростью идем.
Движение неощутимо,
как будто замерли вдвоем.

Не думаю о пистолете,
не дезертирую в пути,
но разреши хоть раз в столетье
дыхание перевести!

Караченцов

За что нас судьба карает
«Юноной с Авосью»? За
харизматизм характера
и выпученные глаза?

За патлы его густые?
За то, что разрешено
Караченцову дегустировать
Папского замка вино?

Карачатся папарацци,
бледные, как Махно:
«Поправится ли Караченцов?!»
Остальное — дерьмо...

Устал он от наших радио.
Ледяной, как кипяток.
Одни надежды телячьи
на Божие толокно.

Девушка Караваджо —
прозрачнее, чем карпаччо.
Возможности укорачиваются,
но сердце возбуждено!

Карачаевские яйца,
карачаевское молоко.
Караченцов поправляется!
Караченцов — молоток!

Когда устали в небесах скитаться
и ноги от полета затекли,
нас принял согласившийся по рации
негаданной земли.

И, приближаясь к нам из благодати,
указывая круг, где надо сесть,
сигнальщик, как ожившее распятое,
махал руками и не мог взлететь.

Сайгак*В. Орлову*

Ему хотелось воли и заката.
Его машиной гнали, как скоты.
По загнанному профилю сайгака
увидел я прекрасные черты.

Лежал поэт, как страшная загадка,
столетье от которой не уйдешь.
По загнанному профилю сайгака
прошла любви и отвращения дрожь.

Не поминайте его имя все.
Меж ваших зачумленных жемчугов
бензин я чую, вижу степь пустую,
и бег, и горизонт без берегов.

«Надежды нету — надежда есть!»
 (Апостол Павел).
 Нет колокольни — есть благовест.
 Нас смысл оставил.

Душа не знает прямых примет.
 Незримый Боже,
 чем Тебя больше на свете нет —
 тем Тебя больше.

Лунная Нерль

Есть церкви — вроде тыкв и палиц.
А Нерль прозрачна без прикрас.
И испаряется, как парус,
и вся сияет — испарясь.

Я сходу скидываю лыжи,
всхожу из мрака на бугор.
Как в телевизорную линзу,
гляжу в сияющий собор.

Меня пронизывают волны
высокой голубой воды.
Твои, Россия, сны и войны
и дикой девочки черты.

Кто жег тебя в татарских станах?
Чьих стай маячили крыла?
Ты рано женщиною стала
и свет нелегкий обрела.

Тебе, одной тебе подсудны
мои поступки и труды.
Я весь как есть твоя посуда
высокой, голубой воды.

Красные коровы
лежат на асфальте,
млеют на асфальтовой сковородке.
Мы их объезжаем —
коровы святы!
Стали патриотами шоссе
коровы.

«Доложите истину, долгожитель в сванке,
почему коровий народ сдурел?»
«Потому что мухи не любят асфальта».
Мудрые коровы НТР!

Поняли, хитрюги! Рогатые гении!
Мухам незадачливым не в пример.
«Просто мухи знают —
асфальт канцерогенный».
Мудрые мухи НТР!

Давайте гнать не наперед, а задом!
Раньше мы выигрывали «под ноль»:
— А проходил ли Медный всадник
допинговый контроль?

Нам улыбается, светла,
адмиралтейская игла.

Е. В. Ж.

Стоило гроши и вдруг алтын.
Ложная растёт дороговизна.
Ценность измеряется одним —
единицей вложенности жизни!

Йог ладонью режет без ножа.
Схимник четверть жизни в бомбу вкопит.
Сядет обнаженный на ежа —
10 лет вложил он в этот опыт.

Сколько лет темницы в мятеже?
Сколько лет страдания на страницу?
Все определимо е.в.ж. —
непоколебимой единицей.

Ею даже возраст отдадим.
Глянь на моложавую кобылку —
в нее жизнь вложили сто мужчин,
будто в коллективную копилку.

Мера неизменная — талант,
он дается щедрым и беспечным,
что однажды жажду утолят
самым золотым обеспеченьем!

Не таи талантов, человек.
Путь фальшив, но не фальшива гибель.
Весь себя вложи в единый чек!
Только в ту ли кассу чек ты выбил?

Аура

Я живу с Твоей аурой.
Твоя аура — алая.
Я люблю Твою ауру.

В годы мрака и траура,
как под дулом «макарова»,
я забыл Твою ауру.

Распрягаются шорники.
Нету ауры в шопинге.
Шопенгауэр — в шокинге!

Ты живешь внутри ауры
виноградною косточкой.
Из волшебного шарика
так достать Тебя хочется!

Все Твое состояние —
для духовной парковки.
Куст крестовой сирени,
где листочки — пиковки.

Только все это — алое:
стали пики червонными.
Я гляжу через ауру
Твоих глаз зачарованных.

Все зимой бабы круглые,
лепят их северяне.
Но они, красногрудые,
улетят снегирями.

Серый крестик сирени
стал крестом скорой помощи.

Обещает прощение
всем влюбившимся по уши!

К ауре не ревнуй меня!
Не грустите по фраеру.
Аура неминуема,
возвращусь в Твою ауру.

Мост. Огни и лодки.
Речушки борозда.
Баржа с седеющей бородкой
ползла, как старая дыра.

Лондонский мост

(на мотив В. Смита)

О соблазне пели люди, о соблазне...
 Образ Банко отпечатала вода.
 Упаси нас от слепой водобоязни,
 крест моста!

О спасенье пели люди, о спасенье...
 Дышат ребра, словно бочек обода.
 Как неверье, обступает нас по шею
 та вода.

«Совладайте, — пели люди, — совладайте...»
 Смерть из жизни побрела на водопой.
 Мне открылась перспектива благодати
 над водой.

Воду темную мы пьем как голубую.
 Гули-гули, моя горlinka-река!
 «Аллилуйя, — пели люди, — аллилуйя», —
 в честь греха.

Ветер скверны задувал мою лампаду.
 Лес бирнамский проступал через погост.
 И в туманы падал, падал, падал
 Лондонский мост.

Плач по братку

(Ответ Евгению Евтушенко)

А у Межирова был шмалер.
Помнишь? Баба. Барток. Снежок.
Усмехнувшись в предсмертной марле,
ты немного сбледнул, браток.

Мы, поэты, всегда повинны,
поэтические братки...
Небо спело нам половину,
не задев ключевой строки!..

И снежок, точно запах винный,
не выветривается из башки.

Наказуемы высшей мерой,
агрессивно храня успех,
мы, поэты, как Агасферы,
видим ужасы дольше всех.

Помнишь, Женья? Ты помнишь, помнишь!
Свет лирических снежных лиц.
И кепарь твой раскраски пончо
звал на помощь всех фельдшериц!

Мы в различных теперь академиях,
разный шьют на нас компромат:
«Этот ходит хромой, как демон,
тот башкой чуток захромал».

Утомляемы пасторалью,
люди радуются опять:
«Если Божий дар потеряли,
значит, было, что потерять!»

Нам останутся не экраны
и не выходы за флажки,
только плач над башкой братана,
больше нету ее, башки...

Фанера

Фан фанеры сменяется фанами фар,
фанами Веры.
Что Россия — наивное варварство
фанеры?..

Мы — чьи-то фанеры,
как я полагаю,
мычим неумело...
Россия по имени «Пелагея»
озвучит фанеру.

Зайти в захолустье,
полно сердце грусти.
И — вдруг — зазвенело
в тебе, словно тючевское предчувствие!

Запела Фанера!

Читаю стихи тебе, мои бредни...
О нашей потемкинской деревне.

Из глаз вылетают твоих и обратно
фанерные первые аппараты.
И мифы СМИ, подытожив нервно:
«До-ре-ми-фа-нера...»

Меня не пугают: преамбула шомпола,
ни высшая мера.
В нас несуществующим голосом Шамбалы
запела Фанера.

Ты знаешь, наверное,
что в небе — фанера.

Последними несутся Перуны
на крыльях «Финнэйра».

Я — голос Фортуны.

Я — только Фанера.

Небесный человек

Родился мальчик в самолете.
Застыли в небе два крыла.
Его в притихнувшем салоне
бортпроводница приняла.

Пусть ему в метрике заполнят:
«Место рожденья — небеса».
Необъяснимое запомнят
его небесные глаза.

Он будет инженер-нефтяник.
Он будет жен земных менять —
всё что-то тянет, тянет, тянет,
как будто наклонилась мать.

Он выбежит на крышу к небу,
забыв успех, семью, уют,
и наберет в ладони снегу,
как письма из дому берут,

На Арбат прошвырнусь, пока спишь ты.
К небесам запрокину лицо,
где нездешняя белая птица
положила на крышу яйцо.

Почему она выбрала этот
небоскреб? А не древний дворец?
Верю в диалектический метод.
Скоро вылупится птенец.

Река

(на мотив Аттилы Йожефа)

1

Сижу один на грузовом причале.
Меня опять не балует судьба.
Волна арбузной коркою качала,
и проплывали редкие суда.

Как мышцы на спине молотобойца,
вздувались волны. Разве их понять?
То плакали, то жались к мотоботу,
то выли песню, что певала мать.
Они людские полоскали сны
и грязное белье со всей страны.

Шел дождь, не проявлявший интереса,
переставал и снова семенил.
Я из-под ненадежного навеса,
как из пещеры, наблюдал за ним.

Река струилась, как большой младенец,
на теле сонной матери. Волна
резвилась, растолкать ее надеясь.
Но мать в свои мечты погружена.

2

Сто тысяч лет гляжу на эти воды.
Волна с арбузной коркою. Закат.
Мгновение — это вечность для природы,
сто тысяч предков сквозь меня глядят.

Пока они мотыжили и сеяли,
им было не до смысла бытия.
Отныне, погруженные в материю,
они постигли, что не вижу я.

Они во мне друг друга обнимают,
шевелиются и не смыкают глаз.
Я слышу голоса отца и мамы:
«Спохватишься, когда не станет нас».

**Я перевел стихотворенье «Тьма»
как «Ядерная зима»**

«I had a dream which was not all a dream...» [1]

Я в дрему впал. Но это был не сон.

Послушайте! Нам солнце застил дым,
с другого полушария несом.

Похолодало. Тлели города.

Голодный люд сковали холода.

Горел лес. Падал. О, земля сиротств —

«Rayless and pathless and the icy Earth...» [2]

И детский палец, как сосулька, вмерз.

Что разумел хромающий гяур

под понижением температур?

Глядела из промерзшего дерьма

ядерная зима.

Ядерная зима, ядерная зима...

Наука это явление лишь год как узнала сама.

Превратится в сосульку
победившая сторона.

Капица снял мне с полки байроновские тома.

— Байрона прочитайте! Чутье собачее строф.

Видно, поэт — барометр

климатических катастроф.

«I had a dream», — бубнил, как пономарь,

поэт. Никто его не понимал.

Но был документален этот плач,

как фото в «Смене» или «Пари матч».

В том восемьсот пятнадцатом году

взорвался в Индонезии вулкан,

и всю Европу мгла заволокла

от этого вулкана. Как в бреду.

«Затмение сердца, — думал он. — Уйду».

Он вышел в сад. Июнь. Лежал в саду
пятнадцатисантиметровый снег.
И вдруг он понял, лишний человек,
что страсть к сестре, его развод с женой —
все было частью стужи мировой.
Так вот что байронизмом звали мы —
предчувствие ядерной зимы!
(И Мэри Шелли ему в тот же день
впервые прочитала «Франкенштейн».)

Свидетельствует Байрон. «Лета нет.
Все съедено. Скелета жрет скелет,
кривя зубопротезные мосты.
Прости, любовь, земля моя, прости!

«I had a dream».
Леса кричат: «Горим!»
Я видел сон... А люди — жертвы псов.
Хозяев разрывают на куски.
И лишь один, осипнув от тоски,
хозяйки щеку мертвую лизал,
дышал и никого не подпускал.
Сиротский пес! Потом и он замерз.
«Rayless and pathless and the icy Earth...»
Ты был последним человеком, пес!»
Поэт его не называет «dog».
То, может, Бог?
Иль сам он был тем псом?

«Я видел сон. Но это был не сон.
Мы гибнем от обилия святых,
не свято спекулируя на них.
Незримый враг торжествовал во мгле.
Горело “Голод” на его челе».
Тургенев перевел сии слова.
Церковная цензура их сняла,
быть может, прочитав среди темнот:
«Настанет год, России черный год...»

«Как холодает! Гады из глубин
повылезали. Очи выел дым
цивилизации. Оголодал упырь.
И человек забыл, что он любил.

Все опустело. Стало пустотой,
что было лесом, временем, травой,
тобой, моя любимая, тобой,
кто мог любить, шутить и плакать мог —
стал комом глины, амока комок!

И встретились два бывшие врага,
осыпав пепел родины в руках,
недоуменно глянули в глаза —
слез не было при минус сорока —
и, усмехнувшись, обратились в прах».

С.П. Капица на телемосту
кричал в глухонемую пустоту:
«От трети бомб — вы все сошли с ума! —
наступит ядерная зима.
Погубит климат ядерный вулкан...»
Его поддерживает Саган.

Вернемся в текст. Вокруг белым-бело.
Вулкана извержение привело
к холере. Триста тысяч унесло.
Вот Болдина осеннее село,
где русский бог нам перевел: «Чума...»

Ядерная зима, ядерная зима —
это зима сознания, проклятая Колыма,
ну, неужели скосит, — чтобы была нема, —
Болдинскую осень ядерная зима?!

Бесчеловечный климат заклиненного ума,
всеобщее равнодушие, растущее, как стена.
Как холодает всюду! Валит в июле снег.
И человеческий климат смертен, как человек.

Станет Вселенная Богу одиночкой, как тюрьма.
Богу снится, как ты с ладошки
земляникой кормишь меня.
Неужто опять не хлынет ягодный и грибной?
Не убивайте климат ядерною зимой!
Если меня окликнет рыбка, сверкнув, как блиц,
«Дайте, — отвечу, — климата
человечного без границ!»

Модный поэт со стоном
в наивные времена
понял твои симптомы,
ядерная зима.

Ведьмы ли нас хоронят
в болдинском вихре строф?
Видно, поэт — барометр
климатических катастроф.
Пусть всемогущ твой кибер,
пусть дело мое — труба,
я протрублю тебе гибель,
ядерная зима!
Зачем же сверкали Клиберн,
Рахманинов, Баланчин?
Не убивайте климат!

Прочтите «I had a dream...»
Я видел сон, which was not all a dream.
Вражда для драки выдирает дрын.
Я жизнь отдам, чтобы поэта стон
перевести: «Всё это только сон».

В июне этого года я был на фестивале в Медельине, Колумбия. Колумбия не мелочится в культуре: первый писатель мира сейчас — Габриэль Гарсиа Маркес, крупнейший скульптор мира — Ботеро. Оба колумбийцы. Ботеро родился в Медельине. Гигантские скульптуры его выставлялись на Елисейских Полях и в Нью-Йорке. Мандельштамовские тяжесть и нежность характерны для его стиля. Личность безразмерна. Кватроченто тянется в четвертое тысячелетие. Ботеро сегодня — самый известный художник. На фестивале я встретился со старыми друзьями: шведом Ласси Содербергом, американцем Баракой, сильными колумбийцами Гарольдом Тенорио и Никалосом Суескуном, Атукеем Окаем — крупнейшим поэтом Ганы. Он когда-то учился в Москве. И на память по-русски читал моего «Гойю». Тысячи молодых колумбийцев на газонах и асфальте часами слушали стихи. Есть русская интеллигенция. В Одессе неделю назад на моем вечере зал встал после того, как я прочитал стихи памяти Юрия Щекочихина. Пришла записка. В ней после комплиментарных слов было написано: «Как вы относитесь к родине сейчас, когда она плюет на всех на нас?» Ночью я написал ответ.

Асфальтовая орхидея

Ботеро
напяливает женщин, как сомбреро.
Дух — это ропот тела.

РОБОТ + ТЕРРОР = БОТЕРО

А ты, на глазах худея,
добавила: «С нами Бог,
поскольку здесь орхидея —
национальный цветок».

Национальная идея —
красоты осколочки.

У вас это орхидея,
у нас — колокольчики.
Фестиваль.
Асфальтовые орхидеи
лежат, от стихов балдея.
Льет дождь. И партер промок.
Как лопасти,плыли зонтики.
Звонки отключает сотовые
кустодиевский Вудсток.
Ты — стройная, как родео,
в лохмотьях «а-ля орхидея»,
на сцену мне шлепь кивок.

И в ухе у орхидеи,
как мухи, жужжат харлеи.

Асфальтовая орхидея,
ославлена поведением —
раз так! —
тинейджеровской Вандеи
в тебе проступал росток.

В роскошной дырявой ветоши
по странам летаешь ты,
национальная разведчица
в пробирочке Красоты.

Все женщины, что имею,
и те, что не целовал,
есть, в сущности, орхидеи,
упакованные в целлофан.

Прощай, орхидеево дерево!
Цветочный идет транзит.
Тебе кубатура Ботерова
пока еще не грозит.

АМУРЧИКИ ОХРЕНЕЛИ —
ПУКАЮТ, КАК ПАРАШЮТ.

ЭКСПОРТИРУЙТЕ ОРХИДЕИ,
А НЕ КОКАИНОВЫЙ ПОРОШОК!

Пока лучшая часть
населения ширяется —
Вселенная расширяется.
Все уродства, как розы Ширази,
диафрагмово расширяются.
Россия сужается,
а дурь расширяется.
Расширяется власть
шариатская.
Гроза. Молнирует
ширинка адская.
На кокаине грех разжираться —
только зрачки расширяются.
Поэтами не швыряются.
ПОЭЗИЯ РАСШИРЯЕТСЯ.

В саду

В саду ботаническом,
не платоническом,
читаем стихи орхидеям.
Лесные купавны
повторят губами
за нами, что мы не умеем.

Из бывших людей вы
ушли, орхидеи.
Усатые, словно креветки.
Ваш главный поклонник
повис, как половник,
хвостом зацепившись за ветки.

Стихи вам читали
мадам из Италии
и черная дева Астарта.
Цветок и мангуста
страдают от чувства,
вращенного на асфальте.
От черной разлуки
язык у гадюки
раздвоен, как светские фалды.

Де Сад ботанический
силлабо-тонический
стих понял, хоть был и невежда.
Мартын-половешка,
как девушка с Плешки,
хвост поднял на нас. Что невежливо.

Мы — детки фальстарта,
объедки Фальстафа.
Нам кажется пошлым Вивальди.
Быть может, моднее
и есть орхидеи —
люблю орхидею асфальта.

Разговоры

- Кем ты вырастешь, орхидея?
- Кустодиевской буржуазкой?
- Порн-моделью Фиделя Кастро?
- Комиссаркой с лицом Медеи?
- Или белой гориллой в маске?

Меня спросила кофточка с люрексом:

— Что: видеомы или стадионы —
полезнее

для революции?

Вопрос потонул

в сентенциях:

— Вы слышали

про Вознесенского?

Он задумал как архитектор
храма белую орхидею.

— В Боготу едет батюшка.

С попадьей.

— Ах, mon dieu!

— Вождь повстанцев — выпускник Лумумбы,
на петлицах проступают ромбы.

— Зомбированные бомбы.

— А ты лук ел?

— Мир облукойлел.

— Про потери в Чечне слышали?

— У Ботеро такая харя!

— Кишки выпускают и пьют с тоски
московские выпускники.

Три орхидеи.

Так душно, что гаснут свечи.

Ботеро сказал: «Идея!»

И этим увековечен.

Он вырвал три орхидеи
из самых красивых женщин.

О'кей?

Вбил в каждую пару гвоздей.

И вот в галерее «New fashion»
работает двигатель вечный —
вентилятор из трех орхидей.

ЗАДУМЫВАЮТСЯ КОНТРАМЕРЫ:
ПАРТИЗАНСКАЯ ПУЛЯ ЗАСТРЯНЕТ
В НЕОБЪЯТНОМ ЗАДУ БОТЕРО.

— НАДО БЫ ИЗ БТРа...

Когда есть Ты

Теперь есть Ты.
Не пальцы у Тебя — персты.
И изгибался, как дуга,
Твой локоть в форме черпака.
Текла река,
в ней — перистые облака
из пористого черепка,
все слепки божьей красоты...
Бог не был слеп —
во всем есть Ты.
Речь — о Тебе.
Ты помолчи.
Тебя копирует в ночи
серпообразный блик белка.
Ведь даже от твоей мочи,
прости,
исходит запах молока.

Теперь Ты есть.
Ты — недосказанная весть.
Охота к перемене мест
мне, вероятно, надоест.
Смешно ведь лезть на Эверест,
когда Ты рядом и близка.
Как хочется Тебя мне съесть —
всю, от носка и до носка.
«Не трапезничала с четверга?»
Ну что ж, заморим червячка!
Тащи, мечи на стол, что есть —
стаканы, пару груш дюшес,
шпикачки из пикапчика.

Пока, пока, пока, покап...
по капельке — за наш пикап!

Ты отказалась наотрез:
«Сердечко барахлит слегка».
Как легкий трепет лепестка,
пошлю Тебя на УЗИ-тест.
Тчк.

Пока Ты держишься. Пока.
Ты помогаешь несть мой крест.
Я шел судьбе наперерез —
мне «по» все говорили здесь,
одна Ты говорила «уес».
Но сколько надо перенести,
перестрадать, перетерпеть,
чтобы сказать: Есть Ты теперь.
Есть теперь Ты. Теперь Ты есть.

P.S.

Климат становится теплей. ТЕПЕРЬ.
Не будет вечной мерзлоты. ТЫ.
Планета сядет на плоты. ЕСТЬ.
Мы выплывем, обняв мой крест.

Мы ехали с Тобой на форум
по формотворчеству,
участие для нас в котором —
как ноги в форточку!

Поскольку Главный Акробат
болел подагрой,
Арбат крутился абы как —
абракадаброй!

Вместо окон —
бей черепа!
Ты помнишь:
Твой локон —
в форме черпака?
Бог в помощь!

Орбакайте на фоне спектра,
гастарбайтер в форме госавтоинспектора,
гадости в форме радости,
горести в форме гордости,
все таковое — в форме договора,
а совесть — в форме повести
в телепрограмме «Новости».

Ленкомовская крамола
в духе Ленинского комсомола.
Между ног Шарон Стоун —
бороденка Льва Толстого
как вешдок.
В президиуме вместо изверга
призрак Аллена Гинзберга.

Барышников в воздухе!

Но главное на этом съезде-форуме
была весть, что мы снова вместе.

Что Ты ешь. И в форме.

1

Один, среди полей бесполох,
иду по знакам зодиака.
Была ты чистой страсти сполох,
национальностью — собака.

Вселившийся в собаку сполох
меня облизывал до дыр.
И хвостик, как бездымный порох,
нам жизни снизу озарил.

Хозяйка в черном, как испанка,
стояла мертвенно-бледна —
собачий пепел в белой банке
протягивала мне она.

Потоки слез не вытекали
из серых, полных горя глаз.
Они стояли вертикально,
чтобы слеза не сорвалась!

Зарыли всё, что было сполох,
у пастернаковских пенат.
Расспрашивал какой-то олух:
«Кто виноват?» — Бог виноват!

А завтра поутру, бледнея,
вдруг в зеркале увидишь ты —
лик не спасенного шарпея
проступит сквозь твои черты.

И на заборе, не базаря
еще о внешности своей,
роскошно вывел: «Я — борзая»,
а надо было: «Я — шарпей».

Герой моих поэм крамольных
оставил пепел на меже —
между пенатами и полем,
полузастроенным уже.

Между инстинктом и сознанием,
как на чудовищных весах
меж созданным и Мирозданием,
стоит собака «на часах».

Стоит в клещах и грязных спорах,
и, уменьшаясь, как петит,
самозабвенный черный сполох,
всё помня, по небу летит.

Как сковородка, эпилепсия
сжигала твой детский ум.
Мы сами были как под следствием:
шел Кризис. И сгорал «Триумф».

Меж вечностью, куда всем хочется,
и почвой, где помет крысиный,
меж полной волей одиночества
и болью непереносимой.

Вот так-то, мой лохматый сполох.
Перетираются весы,
как будто inferнальный Поллак
измазал кровью небеси.

Не понимаю по-собачьи,
на русский не перевожу,
за пастернаковскою дачей
я ежедневно прохожу.

Пусть будь что будет. Се ля ви.
Похороните, как собаку,
меня, виновного в любви
к Тебе одной. Как к Пастернаку.

Притащу, как божия козявка,
тяжкий камень, тяжелей кремня.
Слышу голос: «Я — твоя хозяйка.
Как ты там сегодня без меня?»

Крайний может оказаться первым.
Убери морщиночку на лбу.
Нет шарпея. Надо быть шарпеем,
чтоб любить, как я тебя люблю.

Свежесть чувств

Вежды склоните к праху Сен-Жюста,
вежливо путайтесь в сопромате —
но сохраните

 свежие чувства,
свежие чувства
 в себе
 сохраняйте.

Пошлые рожи на наших просмотрах.
Пол и возраст — какая чушь!
Что отличает живых от мертвых?
Свежесть чувств.

Ветерок тюльпанам головки треплет,
их язычки оближут вас.
Тысячи раз повторяется трепет
чувства близости в первый раз!

Рыночным чуркам вчерашние розы
может утром продать Шевчук.
Нету поэзии — нету прозы.
Свежесть чувств, говорю, свежесть чувств.

Утро начните стаканом
 эфира —
будешь до вечера
 быстр и шустр.
Для Ренаты поет Земфира.
Свежесть чувств, говорю, свежесть чувств.

Всё не решусь я — всё не повешусь,
хотя традициям вроде не чужд.
Ты, изменяющая меня свежесть,
свежесть чувств, говорю, свежесть чувств.

Где-то на пригородном вокзале
я, очутившись, не отщучусь.
«Вы, гражданин, что-нибудь потеряли?»
«Свежесть чувств, — говорю, — свежесть чувств».

Красит, извините, мрак,
давши стольких суперстаров,
сам звезда в зените — Марк
Анатольевич Захаров.

Друг — нужней, чем контрамарка,
жизнь — зависит от кармана,
но в Евангелии от Марка —
его карма, карма, карма.

1

Любо, братцы, любо!
Люди главного хотят —
с Чайкой выпить бы
чайку бы,
отмечая 60!

2

Мир устал от «черезвычайек»!
Стало мало честных чаек.
Без утайки сдвинем чарки
за успех полета Чайки!

3

В Николаеве есть святые,
оснащенные Божьей чакрой.
Николаевскую Россию
пойму снова через Чайку!

«Спрячь деньги, дурак.
Я — Катя. Я — так».

Глаза — пятак.
Нельзя «за так».

Летит летак
 по февралю.
Я, Катя, так
 тебя люблю!

1

Мракобес, но не бездарен
муж Дарьин.

2

Не плох. Лоялен.
Лох Лялин.

3

Красавец.
Болгарин.
Пас овец.
Сперва — Танькин, потом — Галин.

4

Максим Галкин
максимально Алкин.

5

Против скотин и гадин
друг Катин.

6

У самого Самарина
дочь — подружка Марьина.

7

Замусолен,
как муж Зоин.

Нашим сварам параллелен
дыхнет собачара Ленин.

Умер Вегин. Теперь — Ткаченко.
Эх, тачанка моя ростовчанка!
Кукурузина без початка.
Смертью брошена мне перчатка.
Жизнь — роскошная опечатка.

США Ткаченко, Шуринда, Сашка —
в море брошенный вверх тормашками,
ты хватаешь звезду, что плавала,
и рычишь, как собака Павлова...

Ну зачем ты ночами снишься?
Надоела новая ниша?
Что мастыришь руками прогнившими?
И зачем тебе греческий профиль?
Над Москвою плывешь зачем-то?
Зачем свою жизнь ты прожил?
Зачем мы живем, Ткаченко?

I

Это было беспрецедентно —
он явился ко мне студентом.
Караим. Футболист. Защитник.
Симферопольских смут зачинщик.
«Мне плевать на ваши исканья!
Я же не монумент из камня!»
Но стихи его излучали
караимскую карму печали.

Скоро стал он моим дружбаном.
Прилипал ко мне листом банным.
Сколько девок кадрили мы в Ялте!
В век безденежья жили ярко.
Сколько утречком мы протопали
к твоей матери в Симферополе!
Мы искали дорогу к храму.
Все дороги ведут непрямо.
Нету храма. Одни химеры.
Караимская карма веры.

Коренастый, почти квадратный,
ненавидел подплечики ватные.
Когда в галстук — был мужланист,
но в халате хорош, поганец!
Гений секса, он постепенно
стал генсеком русского ПЕНА,
эпицентром культурной пены,
вместе с Битовым, президентом,
отсудил нам апартаменты —
нынче это непредставимо.

II

Есть в маразме своя харизма.
Веры разные — разные ризы.
Не заимствовать — вы обещали! —
караимскую карму печали.
Жизнь без кармы — банк без бухгалтера,
салат без перца или без краба.
Зубоскальная, без ласкания,
жизнь — Кармен иль Грета Гарбо.

Что такое смысл караизма?
Он двоякий, как коромысло.
Караим — это крик «горим!»
с утверждением: «Караим!»
Корни Крыма кричат из тьмы:
«Караимы мы, караимы мы!»
Караимы жили богато,
как буржуй на красном плакате.
Пробавлялись все кораблями.
Население прибавлялось.
И, достигши своих высот,
опустилось до 800.

...Я видал их во рву в Симферополе,
там, где немцы евреев гребали.
Попадались и караимы.
Сашка, бледный, стоял над ними.
Русский парень жалел о целости,
сняв с костей золотые челюсти.
И величественная, немислимая,

словно связка «любовь — морковь»,
украинская и караимская
в США Ткаченко взметнулась кровь!
Облака проплывали мимо —
караимы мы, караимы.

Я ему был дружбаном и «богом»,
разговаривали с ним о многом —
он сидел допоздна в ПЕН-центре,
чай заваривался погуще,
двумя пальцами мял он цедру,
как пинцетом берут лягушку.
Говорили о воле и чести,
как в купе провезти винчестер,
и о бунинских «Снах Чанга»,
и как трахнул он англичанку
в баре, говоря без акцента,
о гостях на конгресс в Виченце,
и как прятал больного чеченца,
о караимах, о карме...
Слов нет — верхний слой.
Будто кто-то элементарно
здесь подслушивал нас с тобой.

У Ткаченки был крут характер:
сам восставший и сам каратель.
Предавал, страдал и закладывал —
только всё это ради адовых
сумасшедших своих идей:
из плеябоя глядел плебей.
Это знали мы и прощали
за караимскую карму печали.

Погрустневший и погрузневший,
он, дожевывая землянику,
мне сказал: «Я три дня не евши —
караймам закончил книгу.
Эта рукопись математична,
я хочу, чтобы знал народ,
как бывает — из тыщи тысяч
получается восемьсот.
В непечатый край мы попали...
И в кармаке нет ни рубля...

Непечатная карма печали
охватывает меня.
Вот вам рукопись. Всё шикарно,
если звукопись помнит карма».

Облака проплывали мимо —
караимы мы, караимы.
Из Пармы на Минусинск?
Формула кармы: 800 — x.

III

Нашли его в запертой даче —
остывшее тело нашли,
принюхиваясь по-собачьи,
в ветхозаветной пыли.
Сашка лежал у стула,
с оттопыренной губой —
наверно, душа рванула,
забыв рот закрыть за собой.

Давай помолчим. Давай посидим.
Формула караимства осталась (800 — 1).

Ну куда же ты, Сашка?
Задержишься!
Кто разбил недопитую чашку —
твою жизнь?
Может, так вот снимает стружку
родительская любовь?
Нельзя с украинской юшкой
мешать караимскую кровь.
А может быть, это быдло,
кому ты ответил: «ша!»?
Может, душа забыла,
как я обозвал тебя «США»?..

Наверное, сдали нервы.
Возраст. Но возраста — нет.
Поэт — это только первый.
Не первый же — не поэт.
Все женщины-недотроги
готовы тебя убить,

протягивая через дороги
машине стальную нить.
А может быть, парикмахер
вчера тебя обкарнал?
Решил ты: «Ну вас всех на хер!
Имел я ваш карнавал!»

А мы и не ожидали,
что ты сорвал тормоза...
Караимская муза печали,
стыдась, отвела глаза.

Живем летально,
живем расхристанные —
сверкая кармой,
летает Истина.
Летает, голая,
над нашими креслами,
задевая головы
своими чреслами.
Скорость — крейсерская.
Летят мысли —
свободные,
крейцеровские,
караимские!

Эпилог

Поздравляю гостей ПЕН-центра
с чистым экспериментом:
на вас смотрит портрет со стенки
кисти нашего Кватроченто.
Непонятно, но не бездарно.
Это — первый генсек ПЕН-центра
Александр Петрович Ткаченко.
Но без кармы.

Справочная?
009?
С праздничком!
Но что нам делать?

«Общий кризис, убирайся!» —
с этим солидарны мы,
и французы, и китайцы,
и великие умы.

Кризис стал всеобщей темой.
Души сковывает тьма.
Омертвелая система
бестелесного ума.

Православные, брахманы,
греки с веками богинь,
оглашенные у храма
возглашают: «Кризис, сгинь!»

Не уходит. Упирается.
Кризис, он не идиот.
Хочет нового пиратства.
Не сожрамши, не уйдет.

«9» схоже с диви-дисками.
Обращаясь ни к кому,
Грибоедов с Деятинского
«Горе, — говорит, — уму!»

I

Провожала Москва Абдулова.
Толпы безголовые тулова.
Он был нашим «а» и «б»
в алфавитной темной судьбе.
Вслед «д» продудело про
Дело или Добро?

II

Лежал Александр Абдулов
картинно среди страны
без курева, без загулов —
Тарантино из Ферганы.
Лицо остывающей грелкой,
вернее, что было лицом,
летающею тарелкой
уносится за «Ленком».
Мы, с лычками и без лычек,
с толпою заподлицо
слепые идем, безликие,
потерявшие свое Лицо.
Лицо его плыло сбоку,
красиво, как полубог,
тинейджеровскую скобку
сменивши на полубокс.
Он был номинантом нации.
Я понял, какой ценой
он «с 1-го по 13-е»
спел, будто прощаясь со мной.
Лежал он уже не прежний,
сжигавший себя дурак,
с улыбочкой небрежной,
натянutoю на рак.
Бабы жгли его кислотою,
меняли его черты.

Ах, времечко золотое!..
Любовь — финал доброты.

III

Клял почвенник Мрак хазаров,
но без хазаров — развал.
Озабоченный Марк Захаров
гениальным тебя назвал.
Молва, как штаны брезентовые,
останется после всех.
Модели твои бессмертны.
Но смертен ты, человек.
Москва провожала Абдулова.
Милиции сняв кольцо,
толпа безликая сдуру
молила вернуть Лицо.
Придет ли сигнал оттуда?
Верните лицо Москвы!
Дома разъезжались, будто
всадники без головы.

IV

Ты преодолел заторы,
но соблюдал посты.
Спасая мир Красотою,
себя не сумел спасти.

Саша, прости!

Два экспромта Алексею Рыбникову
по случаю получения им премии «Триумф»

1

Штабс-капитан Рыбников —
японский агент влияния.
Композитор Алексей Рыбников —
божий агент вливания.
Православный духовной культуры
в век Беслана и конъюнктуры.

Вводит Моцарта и Штокгаузена
в маломощные наши пакгаузы.
Вводит музыку литургии
в сердца русские и другие.

Да здравствует волевая
сила рыбниковского вливания!

2

Лес — заложник грибников.
Но Алеша Рыбников
собирает грибы-целебники.
Этим Рыбников похож на Хлебникова.

Россия завершала передел.
«Триумфом» не охваченные авторы
обиделись. Зал ЦДЛ гудел:
«У-у-у, “триумфаторы”!»

И женщина (как Бонапарт треух
не снявший после краха трафальгарского)
смирила зал. И я добавил вслух:
«Ты — триумфаторка!»

Ты триумфально собрала
круг, согревавший руки, точно муфта.
Организаторша тепла,
мы люди твоего «Триумфа».

Анализируя, мы связь разрубим
меж вечно женственным
и высочайшим честолюбием
самопожертвования.

«Триумф» — мужчина, не дитя.
Вне окрика и всяких сплетен
он может сам спасти себя,
Ромео семнадцатилетний.

Когда же подошел наш край,
сказала ты без слез со стонами:
«Гуляй,
поэт, на все четыре стороны!»

Вновь запретят иль в кухню возвратят?
Тебе чужда идея фартука.
Скажу, как и 17 лет назад:
Ты — триумфаторка!

Мне фатерланд — свобода для пера.
Я расстегну свой воротник — для топора.
Прости меня. Но время — страшный фактор,
и никогда я не был триумфатор.

Я тело мальчика нашла,
замотанного, тяжеленного,
его тащила по Вселенной,
едва до Рая донесла.

Тряпица с плечика сползла,
открылось крылышко, сползая.
Тебя я, ангел мой, спасла,
не зная, что себя спасала.

Вторая жизнь

От рассвета до рассвета
себя, тебя любя,
как видеокассету
засовывал в тебя.

Часть моего, бесспорно,
достанется толпе,
но главное — сквозь поры —
останется в тебе.

Останется истеблиш.
Красу не изменя,
ты вдруг немного станешь
похожей на меня.

Я из твоей одежды
гляжу как в дырки джинс.
Живу, пока живешь ты,
моя вторая жизнь.

Как крутит яблоневый ветер
накладными блямбами,
так он по-русски всем ответил —
бл. ямбами.

Дача детства

Интерьеры скособочены
в оплеухах снежных масс.
В интерьерах блеск пощечин —
раз!

За проказы, неприличности
и бесстыжие глаза,
за расстегнутые лифчики —
за!

Дым шатает половицы,
искры сыплются из глаз.
Этак дача подпалится —
раз!

Поцелуи и пощечины,
море солнца, птичий гвалт,
задыхаемся, хохочем —
март!

Дом с ручкой

Как живется вам, мышка-норушка?
Стал с наружной лестницей дом
походить на тесовую кружку,
перевернутую вверх дном.

С этой лестницы многое видно.
Она — красочный репортаж,
где вдыхаемый индивидуум
поднимается на этаж.

Прерывающимся дыханием
дышит дом... дышит дом... дышит дом...
В нем мы трудимся, отдыхаем
и, бывает, баклуши бьем.

Начинающая архитектор,
спроецировав дышащий дом,
наделила нечаянным спектром
интерьер его — и кругом.

Это просто невыносимо:
если нам перекроют шланг —
видеть легкие выносные.
Или воздух берет акваланг?

Станем душами. Здесь мы жили.
Любили морепродукт.
Пусть весело ноги чужие
по нашим ступенькам пройдут!

Подслушка или наружка? —
Не поймут этот сложный маршрут.
Почему она светится, ручка?
И куда те ступени ведут?..

Кормление из Парижа

По прямому парижскому проводу,
как питаются через зонд,
перевариваю доводы
продолжительницы Жорж Занд.

Я заглатываю с проводами
целиком.
Над леском пробегают дома,
рекламирующие «Лемком».

Ты рассказываешь мне больше
про Парижи иных эпох.
Осторожней с Эйфелевой башней —
поцарапает мне пупок!

Как свидетельство той кормежки
посреди Воробьевых гор,
как платочек в грудном кармашке,
поднимается Сакре-Кёр.

Я в Париже бывал немало,
но такого, как Ты, не знал —
его ночь меня обнимала,
животом его понимал,

как картинки из серии Цейса,
хорошо хоть душа жива,
хорошо, что в этом процессе
не участвует голова.

Наши медики прозевали
независимое нутро,
где таится душа живая,
как под нами идет метро.

Накорми же меня, партизаночка,
к удивлению парижан.
Все мужчины — как башня Пейзанская.
Ты прозрачна — как пармезан.

Благодарствие

Постамент — Рейхстаг. Мать его растак!
Стяг пронес рядовой Кантария.
Мы сменили стяг. Это нам пустяк.
Но душа — навек благодарная.

Благодарствую, русский мой народ.
Я за то тебе благодарствую,
что твой принцип делать наоборот
не усёк урод государственный.

Раза три приходилось меня спасать —
времена для нас были трудные.
Но тебе спасать было как поспать —
вещь интимная, неприлюдная.

Благодарен Тебе — твой неясный след
точно раннее рандеву.
Рандевушки нет, но рандевушки свет
отпечатался наяву.

Я студентов благодарствую
постгодаровских и т.п.
В свете творческих их катарсисов
Ты в веночке из трав лекарственных —
жив я благодаря Тебе.

Я — Аввакум

Поэма

Чюдно! Давеча был блядин сын,
а теперево — батюшко.

Аввакум. «Житие»

Пролог

Автопортрет или привидение?
Старик, исчадие моих дум?
Кто глядит из воды бадейной?
Вы, Аввакум?

Когда бы меня спросили,
ответу не наобум:
**Кто национальная идея России? —
Аввакум!**

Я — Аввакум,
Патриарх обездоленных,
бездомных, без денег, без грез,
без Долиной.
Я обогнул,
патриот раздолбанный,
край, который Бог не курировал.
Я — вакуум.
Я протеже хулиганских фортуна...
Я — Аввакум.
Я сентиментальность затабуировал,
обезболивание эвакуировал.
Я Патриарх
сегодня уволенных.
Я — архитектор
толпы в бейсболках.
Тех, кто собаки, и тех, кто волки.
Я — вакуум,
втягивающий их боли,
Я Аввакум.

Я Аввакум,
 волокум за волосы,
 я певун,
 лишившийся голоса.
 Я — Аввакум.

Мимо летят поезда пунктирные,
 взоры осенние — с паутинками.
 Здесь я родился, я жил рисковно.
 Я за единство путем раскола.
 Вся заваруха — виной чиновники —
 в кризисе духа,
 а не в экономике.
 Вакуум духа губит гостело.
 Нет ни Обуховой, ни Гастелло.
 С фирмами — худо,
 с фильмами — туго.

Вакуум духа.
 Аплодисменты как оплеуха.
 Вакуум духа.
 Вакуум мира военных советов.
 Вакуум мыла в мужских туалетах,
 вакуум духа в сфере одежды,
 вакуум Веры, Любви и Надежды!
 Вакуум Бога. Где ты, Б.Г.?
 Бородку сосулькой зажал в кулаке.
 Скажет мой друг: «Окунемся, Андрюха,
 в вакуум духа».

Квакаем глухо,
 лажаем правительство.
 Замораживается строительство.
 Нету самой высокой башни.
 Где наши башли?

Женщины лакомо жаждут парковки —
 рыбки в вакуумной упаковке.

Кризис — как женщина.
 После посмотришь,
 кто опоздал — тот не успел.
 Так почему же «Дженерал Моторс»
 в годы кризиса преуспел?

прикрыто очками
от мотоцикла.

Отцы от поэзии
дрыхли и дохли.
Мы им бесполезные
дылды и рохли.

Люблю я, бесспорно,
духовный вакуум.
Но в кухне бесполой
мы много не вякаем.

Те, кто помоложе,
плюет на ругань,
мол, мы отморозки,
мы гитлерюгенд.

Прошли изменения,
в растительном — дух.
Мы — люди третьего измерения.
Родители жили в двух.

Процветание или кризис?
Фашист или антифашист?
Цветаева или Гилельс?
Я — антифетишист.

Над разными кровлями
синь как вымытая.
Мы одной группы крови —
мы, ты и я!

Пусть эти мысли безбожные
во мне перекипят.
Но кризис нельзя бейсболками
перекопать.

Безмолвие взбудоражено.
Темнело возле реки.
Над толпой оранжево,
как пятна кураги,
стояли кулаки.

Небесной разборке
был нужен Гулаг.
В перчатке бейсболки
таится кулак.

Уволенная

Меня несправедно уволили.
Ты, Господи, меня уволь,
уволь меня от канифольного
смычка в мозгу — такая боль!

Уволь меня от своеволия,
от незаполненного дня.
Придет возмездие?
Тем более,
уволь меня.

Нет человека с кличкой Кризис.
И некому устроить мордобой!
Верха за место перегрызлись.
Нас тыщи, брошенных Тобой.

Зачем купила я бахилы?
Сплю трое суток. Спать опять?
Дай пожевать! Мне хватит силы
одной Россию перебрать.

Пойду на дело. Омертвело
я с наглым увальнем стою —
продам уволенное тело,
но душу я не продаю!

Она, душа, не продается.
Она еще не прощена.
Не видно звезд со дна колодца.
С ведром утоплена вина.

Сколько достали этих ведер!
Вина меняет имена —
здесь нужен Достоевский Федор.
Только Ты не уволь меня.

Сон

Мне снилась пьеса второразрядная.
Я, репортер и эрудит,
сизжу в партере, и рядом
чужая женщина сидит.

Не близкая ни взглядами, ни знаком,
но, вдруг сквозь дырочки в парче,
я ощущаю страшный вакуум
в ее, да и в моем плече.

Мы с ней не бумагомаратели,
мое да и ее плечо
сменило прежний термин «вакуум»
на «тяжело» и «горячо».

Обличитель

Официальные патриархи,
на шубах — никоновский ракур,
вас, нажравшие по три хари,
инспектирует Аввакум!

Может, это гордыня потрясная
увела меня от икон?
У поганца — погоны под рясой,
у меня под рясой — огонь.

Многих эта речь оттолкнула,
но в ней отблеск того огня,
что сожжет самого Аввакума
и Христа его, и меня.

Ради общественных интересов
я смирюсь даже с Ванькой Струной*.
Из вас я изгоняю бесов,
бесовщина правит страной.

Комментарий Ваньки Струны

Я Ванька Струна
на все времена.
Холуйствовать и предавать —
то он говорит опять?
Как ненавижу его, вешуца,
продавшего хаосу
превращая
рекламную паузу.

* Ванька Струна — бывший дьяк, с виду он такой же, как раньше, один из мучителей Аввакума. За 400 лет общения с Аввакумом он изменился — завербованный несколькими разведками, циничный, молодой, он стал кем-то вроде охранника и холуя, продолжает ненавидеть хозяина и моментально комментирует текст поэмы.

В яму меня сажали тираны.
Будущий дарь наш —
Петрушка, пшют!
Вслед за мной мои ветераны
яму вырытую везут.

Это возрастное — се ля ви.
После мордобоя хочется являть
Целью пожитий и жизни пожитий —
попкой являть пожитий и жизни пожитий —
попкой являть пожитий и жизни пожитий —

Как могильно сквозит от ямы
холодок на моем горбу!
Извините, бабы и дамы,
вас я сегодня не выгребу!

Где любовь моя допотопная?
Аввакумовский honey-moon.
Протопопица голой попой
заслонила сиянье лун.

...Испытываю облегчение,
когда произношу обличение,
облекшийся в любую форму.
Потом прихожу в норму.

Тобольские пороги

*В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают
гуси и утицы — перье красное, вороны черные, а гальки
серые; в тех же горах орлы и соколы, и кречеты, и курята
иньейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие — птицы разные.
На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени,
и изюбри, и лоси, и кабаны, волчки, бараны дикие — воочию
нашу, а взять нельзя! На тех же горах выбивал меня
Пашков со зверями, змеями и со птицами витать.*

вороны черные
великие змеи
турманы, кречеты
утицы красные
стаи голубей
сонные рыбы
как складен сыч

гуси чопорные
религия Смерти
тюрьмы клетчатые
плети прекрасные
бей!
бей в рыло!
блядин сын

зайцы гуттаперчевые
белки без батничка

теперво
батюшко

дети Пашкова
баба
излюбри, щеками плеща
соловьи
почта голубей
один кабан
другой кабан
оба кабана
олень в серебре
бьешь сам себя

порода нелюдей

об клеть башкою
неслабо
леща ему, леща!
чтоб боялись свои
по почкам бей!
бил в барабан
бил барабан
обана!
под ним тропа клубится
самоубийца

природа чище людей

AB

И — Ванька Страна.
Банька с бабами нужна?
Ему девочек снимаю,
предварительно снимаю.

Я вернусь, сменю амуницию.
Коммуникой пахнёт овраг.
Ждет, расстрелянный гуманистами,
игумен, мой главный враг.

Все вернется. Правда, не скоро.
Бог. Шайтаны. Горит Кавказ!
И подземный толчок Раскола,
что сегодня шатает нас.

Все неестественное естественно.
Почему сквозь шурум-бурум
именно мне из текстов
является Аввакум!?

Нет поэзии эстрадной,
нет поэзии надомной.
Вместо страстных геростратов
стадиониствуют Мадонны.

**Эксгумированный игумен
нас преследует, как маньяк.
Стадионные Аввакумы,
как вы даяли коммуны!**

Скромность — главное в тебе.
Хоть транслируй по ТВ.

У нас общая хворь — падучая
и пробойны в голове.
Мои Аве очень созвучные:
инициалам вашим АВ.

Мы обрили голову, скверная,
бесообразная шантрапа,

кожа, волосы — временное,
наше общее — черепа.

По рукам! Как меняют шину,
я натягиваю с трудом
на себя его образину —
Аввакума с крикливым ртом.

Все поэты носили маски.
Любил Родину Пастернак,
по свидетельству Сьюзен Масси —
не юродивый, не дурак.
Пастернак — бедноты патриарх.

Я с детства обладал
кликухой Струна.
Живет во мне блаженная
народная струна.
Средь пьянства и истинности
некая ответственность
есть тайное скрещение
фамиллии моей.
Как главная ошибка
сотрудника Струна,
ночная мушкетерская
перевыживание...

Подведу к столу одноруко.
В доме саммитовский самум.
«Почему же такая мука
в вашем имени, Аввакум?»
Помню, вы ответили марочно:
на вопрос: «Доколе терпеть?»
«До самой смерти, Марковна!»
А после смерти? теперь?
Вы явились, меня не зная,
будет в прессе шум...
Был ли визит ваш тайным знаком? —
Усмехается Аввакум.

Эта кривенькая усмешка,
складка дымчатого стекла,
может, капель была последней
для хозяина, не сумевшего
удержать его у стола.

Языки

*По сем Лазаря священника взяли, и язык весь вырезали
из горла. На третий день у него во рте рукою моею щупал
и гладкое место было. Едва исполнится два годы, иное чудо.
В три дня у него язык вырос совершенной, лишь маленько
ступенек и паки говорит, беспрестанно хваля Господа
Соловецкого пустытника, инокохимника Епифания,
старца.*

«имыгас ,мукываву» :литовто
 нылесон зи лмё от-отк
 кричал: «Салым, Аввакум!»
 «мукыйёле-мыгас» отсёма но
 :лукюгов этнедугас лужил в
 Меньтя по паркожапа оп лаллем

Где-то в Самаре или Рязани
 готовятся резакИ,
 дожИдаются обрезания
 саморастущИе языки.
 Язык нужен для выпИвания,
 или когда — взасос.
 У пустынника ЕпИфания
 он, отрезанный, вновь отрос.

оюл илсок у иетсол оди
 одиэи пои лдию, оюл

Авантажничая и грассИруя,
 не обрезанная пока,
 полуязыческая Россия
 начинается с языка.

В мире всё довольно сносно.
 Член ЦК или з/к,
 мы уходим в язык, и снова
 выходим из языка.

Эпилог

Бог простит их в сей век и в будущИй.
 Наша жизнь — не рахат-лукум.
 Подающья просИть у булочной
 не советует Аввакум.

«Аве» по-русски значит «отче».
 Пусть кто-то (отнюдь не лагерный «кум»),
 послав кумушек на три точки,
 прочтет имя как «Авва-ум».

Аве, великая авеню Кунцева,
 где, колеса кверху подняв,
 развлекается поставвакумский
 аве-умственный молодняк.
 Аве, акула капитализма!

Я сегодня где-то прочел,
 что первым русским авангардИстом
 меня назвал ЛИхачев.

Автостарт.
Аве, Куб!
Авангард был неглуп.

Аве, ложь всемирного ГУМа!
Аве, хищная красота,
что сожрет самого Аввакума,
и меня, и его Христа!

**Сообщение тугодумам
об особенностях русского национального характера:
60% Аввакума + 25% Караченцова.**

К 12-ти подходит кризис.
И с неба, сморщась, как балун,
чтоб нации не перегрызлись,
должен явиться Аввакум.

Нью-Йорк подобен великану,
что в мире ноги обмакнул,
я думаю, что Барака Обаму
приветствовал бы Аввакум.

Он взвился черною ракетой
над Белым домом неспроста.
Мы уважаем Магомета
за то, что тот назвал Христа.

Мой домик стал эвакупунктом
на радость или на беду?
Предупрежденный Аввакумом,
жду.

Прощальная песнь Аввакума, сожженного на костре

Гори, гори, моя нога,
часть моего свечения.
Ты не мираж столоверчения.
Тебя сожгут наверняка.

Я — твоя бывшая душа —
гляжу (еще не отлетела),

как, корчась, исчезает тело,
мне раньше рукавом служа.

Меня сжигают, точно ВИЧ,
работают единовѣрцы.
Сейчас огонь достанет сердце.
Прости-прощай, Андреевич!

Когда-нибудь в метельный год
деревья белым запакуем.
Совокупление с Аввакумом
нашей страны произойдет!

Лети, лети, моя зола,
в Сокольники,
 где бабам голеньким
раскаившиеся раскольники
читают Библию без зла.

Что ты горюешь, идиот,
по телу с жалкою харизмой!
Связь эта называлась жизнью.
Другое мне не подойдет.

Куда мне деться, свиристя?
К холодным и ворсистым звездам?
Привыкнувши к российским верстам,
гори-гори, моя верста!

Мой крест иной,
 чем у Христа.
Пугая стаю нетопырью,
я руки-ноги растопырю,
пятиконечный, как звезда.

Подвиги Твигги

1

Дюралевая бледная
дурашливость лица.
К нам выкатился Брэдбери
русалкой колеса.

Нас руки-ноги предали.
С улыбкой «чао-чао»
катился бедный Брэдбери
улиткой wheel chair.

Мозги присохли к устричному чреву.
Венера безрука, но есть руки Че.
Ах, wheel chair!
Ах, wheel chair!

Сигара в уличной толчее.

Закурим от червы.

Нет коллапсу.
Ах, уил чер!
Катись, коляска!

2

Как хорошо в коляске
по улице катить,
винтами сладко лязгая,
не дрыгать, не ходить!

Нажраться и рычать,
нажавши на рычаг!

Всё на собачьем уровне.
Или — волчица села.

Нестись в жестяной урне!
Мы — люди wheel chair!

Все наши жены — трассы,
когда с коляской страшной
залазим на кровать.
Их души вверх тормашками
начнем колесовать...

Общественность вручала
ему призы. А он —
башню 3-го Интернационала
ввернул в себя, как в патрон.

Чехов — wheel chair.
Выставляет риск.
Уличные черри —
лучшие из рикш!

Как самому
сделать себя
wheel chair:

Выньте вену из левой руки, намотайте ее на правый
локоть, как матросы или пожарные. И вот колесо
готово. Главное — сохранять напор при помощи
груши. И вертикальность. Потому что колеса всё
норовят мчаться горизонтально, как праща.

Жизнь больничная плачевна.
Кто с осанкой седока
катит, олух, wheel chair,
ниже всех, но свысока?

Гимн мощнеет на распевах,
я же ни в одном глазу,
президент и королева,
поднялись, а я — сижусь.

Кто очищенной редиской
мчится, будто унитаза,
шины автоматным диском
вжал в себя, вооружась.

Пиф-паф! Мотай, колясочка,
как автомат Калашникова!

Однажды, помнится, в Небраске
я в алюминиевой коляске
катился, наглый и тупой,
перед завистливой толпой.
Дав чаевые рикше бледному,
ногой безжизненной махал.
Но я не достигаю Брэдбери,
который покоряет зал.
Абсурдный Ассурбанипал,
он, Брэдбери, он всех имел.

Какое время вредное.
Мы все — герои Брэдбери...
Рой бред, бери грэйдерно,
рей, Брэдбери! Великий Брэдбери!

Над предками, над бреднями,
запретами, зампредами,
потрясная орясина,
волшебная колясочка,
чтоб призраки корячились,
чтоб выздоровел Караченцов, —
какое счастье! — мчась,
300 столетий в час!

Доверчивее мамонта,
почуя благодать,
народ, тобой обманутый,
тебя начнет качать.

И над толпой коляска
взовьется, боже мой!
Чтоб попа, как Аляска,
сверкнула над тобой...

Хобби

Неабстрактный скульптор,
беспорный Поллок,
собираю скалпы
мыслящих бейсболок.

Мысли несовковые,
от которых падаю,
и гребут совковою
с козырьком лопатою.

Проступают мысли
вверх ногами скорби.
Это моя миссия,
это мое хобби.

Нету преступления
в мыслях, но — ей-богу,
хорошо бы от Ленина
найти бейсболку!

Завидую святому Георгию,
на Змея поднявшему дырокол.
Но куст георгинов, дымясь геоорганом,
над нами встает — многоглавый дракон.

Ева

Звезды по небу стучали.
(Бьют женщину)

1

Ева как кувшин этрусский.
Змей, задерживая пыл,
дегустирующей ручкой:
в шею впился и застыл.

Запах лилий и кувшинок,
кольцеобразно в виде спазм,
революционного кувшина
мною овладел соблазн.

2

Наперсница Бога и дьявола,
ты чуточку побледнела,
а вслух про себя добавила:
«Я — Ева».
Как будто сказала: «Я ела».

Оставь усталость и кручину,
«лэ хаим!» лучше, чем «локаут».
Кустодиевские кувшины
у стойки алкоголь лакают.

Ты моя Ева лучшая
из бывших на свете Ев.
Все рево- и эволюции
людские — блеф.

Любовь — это понимание
другого. Понять весь Свет,
послав всех к Евиной маме,
которой на свете нет.

(И сталинскому Поскребышеву,
похоже, не угадать.
Меж шпилей шашлык на ребрышках —
небоскреб твой, Евина мать!)

Смешны все мои левачества:
и наших, и прежних времен,
когда ты весь мир укачиваешь —
на Еваремонт.

Когда, змею обнаружив,
забрызгавши всё вокруг,
так сильно головка душа
вырывается из твоих рук.

Ошпарившись перегревом,
мысль в сердце произрекла:
«Прародительница Ева,
пращурка праязыка».

Мы лежим в зеленых ваннах,
как горошины в стручках,
и, поняв твое Евангелие,
звезды по небу стучат.

Мой Микеланджело

Кинжальная строка Микеланджело...

Мое отношение к творцу Сикстинской капеллы отнюдь не было платоническим.

В рисовальном зале Архитектурного института мне досталась голова Давида. Это самая трудная из моделей. Глаз и грифель следовали за ее непостижимыми линиями. Было невероятно трудно перевести на язык графики, перевести в плоскость двумерного листа, приколотого к подрамнику, трехмерную — а вернее, четырехмерную форму образца!

Линии ускользали, как намыленные. Моя досада и ненависть к гипсу равнялись, наверное, лишь ненависти к нему Браманте или Леонардо. Но чем непостижимей была тайна мастерства, тем сильнее ощущалось ее притяжение, магнетизм силового поля.

С тех пор началось. Я на недели уткнулся в архивные фолианты Вазари, я копировал рисунки, где взгляд и линия мастера, как штопор, ввинчиваются в глубь бурлящих торсов натурщиков. Во сне надо мною дымился вспоротый мощный кишечник Сикстинского потолка. Сладостная агония над надгробием Медичи подымалась, прихлопнутая, как пружиной крысоловки, волютообразной пружиной фронтона.

★

Эту «Ночь» я взгромоздил на фронтон моего курсового проекта музыкального павильона. То была странная и наивная пора нашей архитектуры. Флорентийский Ренессанс был нашей Меккой. Классические колонны,

карнаитиды на зависть коллажам сюрреалистов слагались в причудливые комбинации наших проектов. Мой автозавод был вариацией на тему палаццо Питти. Компрессорный цех имел завершение капеллы Пацци.

Не обходилось без курьезов. Все знают дом Жолтовского с изящной лукавой башенкой напротив серого высотного Голиафа. Но не все замечают его карниз. Говорили, что старый маэстро на одном и том же эскизе набросал сразу два варианта карниза: один — каменный, другой — той же высоты, но с сильными деревянными консолями. Конечно, оба карниза были процитированы из ренессансных палаццо.

Верные ученики восхищенно перенесли оба карниза на Смоленское здание.

Так, согласно легенде, на Садовом кольце появился дом с двумя карнизами.

Вечера мы проводили в библиотеке, калькируя с флорентийских фолиантов. У моего товарища Н. было 2000 скалькированных деталей, и он не был в этом чемпионом.

Когда я попал во Флоренцию, я, как родных, узнавал перерисованные мною тысячи раз палаццо. Я мог с закрытыми глазами находить их на улицах и узнавать милые рустованные чудища моей юности. Следы наводнения только подчеркивали это ощущение.

Наташа Головина, лучший живописец нашего курса, как величайшую ценность подарила мне фоторепродукцию фрагмента «Ночи».

Она до сих пор висит под стеклом в бывшем моем углу в родительской квартире.

И вот сейчас мое юношеское увлечение догнало меня, воротилось, превратилось в строки переводимых мною стихов.

★

Вероятно, инстинкт пластики связан со стихотворным. Известно грациозное перо Пушкина, рисунки Маяковского, Волошина, Жана Кокто. Недавно нашумела выставка живописи Анри Мишо.

И наоборот — один известнейший наш скульптор наговорил мне на магнитофон цикл своих стихов. Прекрасны стихи Пикассо и Микеланджело. Последний наизусть знал «Божественную Комедию». Данте был его духовным крестным. У Манделштама в «Разговоре о Данте» мы читаем: «“Я сравниваю, значит, я живу” — мог бы сказать Данте. Он был Декартом метафоры, ибо для нашего сознания — а где взять другое? — только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение».

*

Но метафора Данте говорила не только с Богом. В век лукавый и опасный она таила в себе политический заряд, тайный смысл. Она драпировала строку, как удар кинжала из-под плаща. 6 января 1537 года был заколот флорентийский тиран Алессандро Медичи. Беглец из Флоренции, наш скульптор по заказу республиканцев вырубает бюст Брута — кинжального тираноубийцы. Скульптор в споре с Донато Джонатти говорит о Бруте и его местоположении в иерархии дантовского ада. Блеснул кинжал в знаменитом антипапском сонете. Так, строка «Сухое дерево не плодоносит» нацелена в папу Юлия II, чьим фамильным гербом был мраморный дуб. Интонационным вздохом «Господи» («Синьор» по-итальянски) автор отводит прямые указания на адресат. Лукавая злободневность, достойная Данте. Данте провел двадцать лет в изгнании, в 1302 году заочно приговорен к сожжению. Были ли черные гвельфы, его мучители, исторически правы? Даже не в этом дело. Мы их помним лишь потому, что они имели отношение к Данте. Повредили ли Данте преследования? И это неизвестно. Может быть, тогда не было бы «Божественной комедии». Обращение к Данте традиционно у итальянцев.

Но Микеланджело в своих сонетах о Данте подставлял свою судьбу, свою тоску по родине, свое самоизгнание из родной Флоренции. Он ненавидел папу, негодовал и боялся его, прикованный к папским гробницам, — кандальный Микеланджело.

*

Менялась эпоха, республиканские идеалы Микеланджело были обречены ходом исторических событий. Но оказалось, что исторически обречены были события. А Микеланджело остался. В нем, корчась, рождалось барокко. В нем умирал Ренессанс. Мы чувствуем томительные извивы маньеризма — в предсмертной его «Пьете Рондонини», похожей на стебли болотных лилий, предсмертное цветение красоты.

А вот описание магического Исполина:

Ему не нужен поводырь.
Из пятки, желтой, как желток,
напившись гневом, как волдырь,
горел единственный зрачок!

Далее следуют отпрыски этого Циклопа:

Их члены на манер плюща
нас обвивают, трепеща...

Вот вам ростки сюрреализма. Сальвадор Дали мог позавидовать этой хищной, фантастичной точности!

Не только Петрарка, не только неоплатонизм были поводьями Микеланджело в поэзии. Мощный дух Савонаролы, проповедника, которого он слушал в дни молодости, — ключ к его сонетам: таков его разговор с Богом. Безнравственные люди поучали его нравственности.

Их коробило, когда мастер пририсовывал Адаму пуп,
явно нелогичный для первого человека,
слепого из глины. Недруг его
Пьетро Аретино доносил на его «лютеранство»
и «низкую связь» с Томмазо Кавальери.
Говорили, что он убил натурщика, чтобы
наблюдать агонию, предшествовавшую
смерти Христа.

Как это похоже на слух, согласно которому
Державин повесил пугачевца, чтобы наблюдать
предсмертные корчи. Как Пушкин ужаснулся
этому слуху!

Неслучайно в «Страшном суде» святой
Варфоломей держит в руках содранную кожу,
которая — автопортрет Микеланджело. Святой
Варфоломей подозрительно похож
на влиятельного Аретино.

★

Галантный Микеланджело любовных сонетов,
куртизирующий болонскую прелестницу.
Но под рукой скульптора постпетрарковские штампы
типа «Я врезал Твой лик в мое сердце»
становятся материальными, он говорит о своей
практике живописца и скульптора. Я пытался
подчеркнуть именно «художническое»
видение поэта.

Маниакальный фанатик резца 78-го сонета
(в нашем цикле названного «Творчество»).
В том же 1550 году в такт его сердечной мышце
стучали молотки создателей
Василия Блаженного.

★

Меланжевый Микеланджело.
Примелькавшийся Микеланджело
целлофанированных открыток, общего вкуса,
отполированный взглядами, скоростным
конвейером туристов, лаковые «сикстинки»,
шары для кроватей, брелоки для ключей —
никелированный Микеланджело.

★

Смеркающийся Микеланджело — ужаснувшийся встречей со смертью, в раскаянии и тоске проывивший свой знаменитый сонет «Кончину чую...»:

«Увы! Увы! Я предан незаметно промчавшимися днями.

Увы! Увы! Оглядываюсь назад и не нахожу дня, который бы принадлежал мне! Обманчивые надежды и тщеславные желания мешали мне узреть истину, теперь я понял это... Сколько было слез, муки, сколько вздохов любви, ибо ни одна человеческая страсть не осталась мне чуждой.

Увы! Увы! Я бреду, сам не зная куда, и мне страшно...» (Из письма Микеланджело.)

Когда не спасала скульптура и живопись, мастер обращался к поэзии.

На русском стихи его известны в достоверных переводах А. Эфроса, тончайшего эрудита и ценителя Ренессанса. Эта задача достойно им завершена.

Мое переложение имело иное направление.

Повторяю, я пытался найти черты стихотворного тропа, общие с микеланджеловской пластикой.

В текстах порой открывались цитаты из «Страшного суда» и незавершенных «Гигантов».

Дух создателя был един и в пластике, и в слове — чувствовалось физическое сопротивление материала, савонароловский своенравный напор и счет к мирозданию. Хотелось хоть в какой-то мере воссоздать не букву, а направление силового потока, поле духовной энергии мастера.

★

Идею перевести микеланджеловские сонеты мне подал в прошлом году покойный Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

Великий композитор только что написал тогда музыку к эфросовским текстам, но они его не во всем

удовлетворяли. Работа увлекла меня, но к готовой музыке новые стихи, конечно, не могли подойти.

После их опубликования итальянское телевидение предложило мне рассказать о русском Микеланджело и почитать стихи на фоне «Скрюченного мальчика» из Эрмитажа. «Скрюченный мальчик» — единственный подлинник Микеланджело в России — маленький демон смерти, неоконченная фигурка для капеллы Медичи.

Мысленный каркас его действительно похож в профиль на гнутую напряженную металлическую скрепку, где силы Смерти и Жизни томительно стремятся и разогнуться и сжаться.

*

Через три месяца в Риме Ренато Гуттузо, сам схожий с изображениями сивилл, показывал мне в мастерской своей серию работ, посвященных Микеланджело. Это были якобы копии микеланджеловских вещей — и «Сикстины» и «Паолино» — вариации на темы мастера. Шестнадцатый век пересказан веком двадцатым, переписан сегодняшним почерком. Этот же метод я пытался применить в переводах.

Я пользовался первым научным изданием 1863 года с комментариями профессора Чезаре Гуасти и сердечно благодарен Г. Брейтбурду за его любезную помощь.

Тот же Мандельштам говорил, что в итальянских стихах рифмуется всё со всем. Переводить их адски сложно. Например, мадригал, организованный рефреном: «О Dio, о Dio, о Dio!»

Первое попавшееся: «О Боже, о Боже, о Боже!» — явно не годится из-за сентиментальной интонации русского текста.

При восторженном настрое подлинника могло бы лечь:

«О диво, о диво, о диво!»

Заманчиво было, опираясь на католический культ Мадонны, перевести:

«О Дева, о Дева, о Дева!»

Увы, это не подходило. В строфах идет ощущаемое, почти физическое преодоление материала, ритм с одышкой. Поэтому следует поставить тяжеловесное слово

«Создатель, Создатель, Создатель!»

с опорно-направляющей согласной «д».

Ведь идет обращение Мастера к Мастеру, счет претензий их внутрицехового порядка.

★

Кроме сонетов с их нотой гефсиманской скорби и ясности, песен последних лет, где мастер молитвенно раскаивается в богоборческих грехах Ренессанса, в цикл входят эпитафии на смерть пятнадцатилетнего Чеккино Браччи, а также фрагмент 1546 года, написанный не без влияния иронической музыки популярного тогда Франческо Верни. Нарочитая грубость, саркастическая бравада и черный юмор автора, вульгарности, частично смягченные в русском изложении, прикрывают, как это часто бывает, ранимость мастера, нешуточный ужас его перед смертью. Впрочем, было ли это для Микеланджело «вульгарным»? Едва ли!

Для него, анатома и художника, понятие мышц, мочевого пузыря с камнями и т. д., как и для хирурга, — категории не эстетические или этические, а материя, где все чисто.

«Цветы земли не знают грязи».

Точно так же для архитектора понятие санузла — обычный вопрос строительной практики, как расчет марша лестниц и освещения.

Он не имеет ничего общего с мещанской благопристойностью умолчания об этих вопросах.

Наш автор был ультрасовременен в лексике, поэтому я ввел некоторые термины из нашего

обихода. Кроме того, в этом отрывке я отступил от русской традиции переводить итальянские женские рифмы мужскими. Хотелось услышать, как звучало все это для уха современника. Понятно, не все в моем переложении является буквальным слепком. Но вспомним Пастернака, лучшего нашего мастера перевода:

Поэзия, не поступайся ширью,
храни живую точность, точность тайн,
не занимайся точками в пункте
и зерен в мере хлеба не считай!

Сам Микеланджело явил нам пример перевода
одного вида искусства в другой.

Скрижальная строка Микеланджело.

Безветренна наша площадь.
Зачем же перед Кремлем
подставили маршалу лошадь,
виляющую хвостом?

Но ветер, крутя, как штопор,
в невидимый ток облёк
ту Тоцкую, адскую топку...
(Учения. Код «Снежок».)

Овца тепловыми столбиками
кружилась. Спаси нас, Бог!
Водитель запомнил только:
«Как по спине утюжок...»

Все глуше народный ропот.
А маршалу за спиной
все чудится медный штопор
завинченную виной.

Шар ада

Декабрь — дебаркадер.

Толпятся, ожидая отправки, пассажиры — персонажи ушедшего переломного года — деревья, фигуры, собаки — события и герои моей последней книги, ангелы, алкаши, бабуся-врунишка из передачи «Дачники», объявившая, что и я бывал в гостях у журналиста Луи. Исправляя неряшливость телеавторов, повторяю, что я не только никогда не был у него на даче, но и даже не был с ним знаком... А рядом сутулится другой Луи — великий Луи Арагон, крупнейшая фигура прошлого века... Наш бардак кодируется в строфы. Кабарда инстинкта переходят в кардан разума.

С Пьером Карденом я виделся 1 декабря этого года. Я приехал к нему с киногруппой поговорить о 20-летнем юбилее «Юноны и Авось». Он встретил нас стройный, страстный. Сказал: ««Юнона» — самый сильный спектакль, который я видел в жизни». Неслучайно в его парижском театре, где когда-то были наши гастроли, на фризе из афиш лучших спектаклей помещены две афиши «Юноны». Два креста, два Андреевских флага.

В Каннах сквозило. Но хозяин не признавал пальто. Его уникальная вилла, построенная без единого прямого угла, подобно осьминогу, ворочалась в сумерках. Барокамера памяти?

21 декабря состоится мой вечер в Театре на Таганке — поэзия в сопровождении лазера. 28 декабря я выступаю в Киевской консерватории... Что ж, погрузимся и мы в этот декабрьский дебаркадер со своим скорбным скарбом. Куда нам плыть? В светлое будущее?

Бпр... Dark.

2005

Архитектуру не приемлю,
когда вокруг лесной тропы
российскую больную землю
сосут кирпичные клопы.

Муза

Все мы Неба узники.
Кто-то в нас играет?
Безымянной музыки
не бывает.
Тёлки в знак «вивата»
бросят в воздух трусики!
Только не бывает
безымянной музыки.

Просигналит «Муркой»
лимузин с Басманной.
Не бывает музыки
безымянной.
Мы из Царства мумий
никого не выманит.
Мы уходим в музыку.
Остаемся именем.

Чье оно? Создателя?
Или же заказчика?
Одному — поддатие.
А другому — Кащенко.

И кометы мускульно
по небу несутся —
Магомета музыкой
и Иисуса.
Не бывает Грузии без духана.
Не бывает музыки бездыханной.
Может быть базарной,
жить на бивуаках —
но бездарной музыки
не бывает.
Водит снайпер мушкой

в тире вкусов:
Штакеншнайдер? Мусоргский?
Мокроусов?
Живу, как не принято,
пишу независимо,
слышу в Твоем имени
пианиссимо.
Жизнь мою запальчиво
Ты поизменяла —
музыкальным пальчиком
безымянным.
Полотенцем вафельным
не сдерите родинки!
Ты, моя соавторша,
говоришь мне: «родненький»...
Ты даешь мне мужество
в нашем обезьяннике.
Не бывает музыка
безымянной.

Бульвар в Лозанне

Шел в гору от цветочного ларька,
вдруг машинально повернул налево.
Взгляд пригвоздила медная доска —
за каламбур простите — «ЦветаЕва».
Зачем я езжу третий год подряд
в Лозанну? Положить два георгина
к дверям, где пела сотню лет назад —
за каламбур простите — субМарина.
С балкона на лагуну кину взгляд,
на улочку с афишей «Vagina».
Есть звукоряд. Он неперево́димый.

Нет девочки. Ее слова болят.
И слава богу, что прошла ангина.

Мой кулак снес мне полчелюсти.
И мигает над губой
глаз на нитке. Зато в целости!
Вечный бой с самим собой.

Я мечтал владеть пекарней,
где жаровни с выпечкой,
чтоб цедить слова шикарно
над губою выпяченной.

Чтобы делать беззаконий
обезьяны не могли,
мчитесь, сахарные кони,
в марципановой пыли!

Интерфернал

По-немецки — gross,
а по-русски — гроздь.
По-английски — host,
а по-русски — гость.

Граф с погоста был культурен.
Отрекомендовался: «Нулин».
«Граф Хулин?» — уточнили воспитатели.

Спасибо, Господи, за hospitality!

Бомжам с полуистертой кожей
я, вместо Бога, на халяву,
воздвигну белый храм, похожий
на инвалидную коляску.
В нем прихожане нехорошие,
одни убогие и воры.
Их белоснежные колеса
станут колесами обзора.
Шиповники бубенчиковые
сквозь ноты литургии лезли.
Я попрошу Гребенщикова
петь популярнее. Как Пресли.
И может, Бог хромую лярву
возьмет к себе в свои пределы
из инвалидного футляра,
как балерину — «Рафаэлло».
А сам Господь в морях манивших
шел с посохом, как будто по суху,
и храм стригущею машинкой
шел, оставляя в рясах просеку.
В этой просеке паривший
стал ангелом не Элвис Пресли,
а Брэдбери, как папа римский,
катящий в инвалидном кресле.

Спас Космический, Спас Медовый,
крестом вышитые рушники,
католический крестик Мадонны,
растегнувшись, смущал Лужники.
«Грудь под поцелуи, как под рукомойник»
(Пастернак).
Как песенка в банкомате:
«Мадонной стала блондиночка с Лукоморья».
Кем станет московская Богоматерь?..

Тютчев прорастил
мыслящий тростник.
Я бы уточнил —
мыслящий инстинкт.
Эхо погрузит —
мыслящий транзит.

Ландышевый дом.
Пару лет спустя
я приеду днем,
когда нет тебя.
Я приду в сад,
сад взаправдашний.
На сушилках висят
чашки ландышей.
Хватит лаяться.
По полям ушла
«Шоколадница»
с чашкой ландыша.
За окошком в ряд
мини-лампочки.
Фонари горят
или ландыши?
У тебя от книг —
пополам душа.
Как закладки в них
листья ландыша.
Твоя жизнь — дневник,
вскрик карандаша.
В твою жизнь проник
запах ландыша.
Все в судьбе твоей
полно тайнства.
Приходи скорей —
зачитаемся!

Елочные пальчики

Сегодняшнему ширпотребу
нельзя понять, зачем запальчиво
тысячи елок тычут в небо
указательными пальчиками?

Им видно то, что мы не видим.
Я не теолог.
Но в жизни никак не выйдем
на уровень понятия елок.

Кто право дал еловой нации
судить земные распорядки?
Как лампочки иллюминации,
не требующие подзарядки.

Зачем им рукава имбирные?
зигзагами по касательной?
Все это фирменные ширмы
для этих пальцев указательных.

Снег кружится балетной пачкой
над елками. Знаем с горечью,
что елки состоят из пальчиков,
и эти пальчики игольчатые.

Но сколько в мире старых пальчиков:
им хоть налево, хоть направо.
Но сколько аппаратных пайщиков,
указывающих на неправду!

Так, в счастье новоселья женщина,
въезжая в новую квартиру, грустит.
И что ей померещено
в игрушке с вырванным ватином?..

Какая радость, не наперсничая,
понять иллюзию игрушки:
на пальчик нацепить наперсточек,
шары оранжевые в лузе!

Повсюду новое топорщится.
А может, старое исправится?
Стремглав летим из-под топорща!
Взовьется новая избранница.

Вечно-зеленые надежды
на измененья новогодние.
Кругом валяется одежда —
домишки, стеганки с вагонкою.

А ты? Ты в этом вихре мнимом?!
Иль рот пирожными запачкала?
И теплый свет струится нимбом
от указательного пальчика.

 аберже прославлен яйцами.
Что осталось в барыше?
Царь? царица? цесаревич?
Инстусия? Эксгумация?
Боткин? Бог? Россия? Рация?
Друг Гораци в неглиже?
Мы – убийцы, святотатцы,
не ФБРже! Что квитаться?

Кровинка по полу катается,
от пыли стала как драже.
Нету жертв. Остались яйца
фаберже.

В нашей снежной карусели

ОБРУСЕЛИ

В зубцах лукавсь
чирокотали
карчаль
чехол, кир-чальки.

А ружья бочаши
мстуси
пороху
интервалу Кичи-и-и

Синий, голубой
голубой
капитель

Не хвостик
гребешки
оперение
перья
такая, такая
песня

Спани. Пожар. Птичий базар

Не знаю, как там,
но скажу как здесь —

полный ездрец!

Глянь на небо: увидишь торсыг —
над кремлевской стеною в ряд
безголовные люди в матросках
в карауле почетном стоят.

Тень короны нахлопкой плоской
довершает безликий наряд.
Издеваются отморозки —
Угощают: "Закурим, брат".
Всунуть некуда папироску.

Кремлевский пейзаж.
2005 г.

НА УЛ. ЛУНА

Ева как кувшин этрусский.
К ней пририсовал я змея
дегустирующей ручкой,
как умею, как умею.

Не раздумывая долго,
я рисунок красной спаржей
подарил невропатологу.
Тот его повесил в спальне.

Пока красный змей с ужимками
кушал шею, кушал шею,
исходило из кувшина
искушение, искушение.

Искушение
разрушением,
кайф, изведанный
Исусом,
что-то вроде
воскрешенья,
искушение
искусством.

Это все произошло
на последней
неделе
Православной
Пасхи:
полускорлупки
в воздухе
летели,
зазубренные
как пачки.

P.S.

После Пасхи нас несмело
тосщает иногда
траводительница Ева
в красках гнева и стыда.

Мы лежим в зеленых ваннах,
как горошины в стручках.
А, поняв твоё Евангелие,
звезды по небу стучат.

В веке пасмурном
и скучном
кушаньем.

Пасха —
искушение
Люд

Люди чокаются
яйцами,
ищут в ближнем
дурака.
Указательными
пальцами

крутят
в области
виска.

На рисунке озарялись
линии от перегрева.
Женщина разорялась:
“Я — Ева!”

Я — Ева русская, лучшая
из всех существовавших Ев,
все эво- и рево-люции
людские — блеф!

Любовь — это понимание
другого. Понять весь свет,
послав всех

к Евиной маме,
которой на свете нет.

Люди в большинстве не Лувры,
приветик Шереметеву!
Верьте в луны, луны, луны!
Верьте в Еву!

Все вы психи, аналитики —
без наития.
Не спасут вас частоколы
евры.

Попался, невропатолог!
“Я — Ева...”

Мы представить не сумеем,
что, быть может тривиально,
эта женщина со змеем
над ученым вытворяла.
Последнее, что помнил невро-
патолог —
пальцы с утолщением, как трёфы,
волнующие неправдоподобно.

Самого невропатолога
мы увидим через сутки:
кровь хлестала из проколов,
он в свихнувшемся рассудке.
Точно шрамы, были помочи,
волосы дымились хлоркой,
и объяснялся он при помощи
Федерико Гарсиа Лорки...

“Huye luna, luna, luna!”

Что по русски значит — Полундра!
Я писал про Лорку в юности.
Теперь снова погиб прилюдно.

Верьте в луны, луны, луны!
Льет луна сквозь наши сны
водопады из галльона,
как сверкают колуны.

Лес, одетый в галуны.
И в мозг прошелестело —
что Евангелие от Евы
есть евангелие Луны.

Ева, как Луна — одна.
Скорлупа? Баул без дна?
Небеса начнут с нуля.
Улица луной полна.

НА УЛ. ЛУНА.

2004 z.

Я-метла Господня
сегодня
надо сдр мести
Я-метла совести.

изм – харизма антипролетарского интернационализма

Метін
погана,
маленька
індивідуальна
Метінка
галандський,
ураган
галандський.

ГРГФ АМЕРИКАНСКИ ПРОСВЕЩЕНИ
Я ЧИТАЛА ЧЕРНОГО РАСНОГО
ПОПУЧУКА

ПРОЧУЛА В БУКВАХ ЧЕРНОГО РАСНОГО
— КИТАЙСКОГО В ЧЕРНОГО РАСНОГО
— КУРСОМ РАДНО — КУРС СЕРДЦА
— КУРСОМ РАДНО В ЧЕРНОГО РАСНОГО
— КУРСОМ РАДНО В ЧЕРНОГО РАСНОГО

ПРОЧУЛА В БУКВАХ ЧЕРНОГО РАСНОГО
— КИТАЙСКОГО В ЧЕРНОГО РАСНОГО
— КУРСОМ РАДНО — КУРС СЕРДЦА
— КУРСОМ РАДНО В ЧЕРНОГО РАСНОГО
— КУРСОМ РАДНО В ЧЕРНОГО РАСНОГО

2003 2.

АУРА

Я живу с Твоей аурой
У Тебя она алая
Я люблю Твою ауру.

В годы мрака
и траура,
как под дулом
"макарова",
я забыл Твою ауру.

Распрягаются
шорники.
Нету ауры в шоппинге,
Шопенгауэр —
в шокинге.

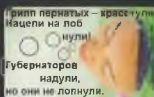
Ты живешь внутри ауры
виноградною
косточкой.
Из волшебного шарика
Так достать
Тебя хочется!

Все Твое состояние
для духовной парковки,
куст крестовой сирени,
где листочки — пиковки.

Только все это алое.
Стали ноги червонные,
Я гляжу через ауру
Твоих глаз
очарованных.

Белый крестик сирени
стал крестом
скорой помощи.
Обещает прощение
всем, влюбившимся
по уши.

К ауре не ревнуй меня.
Не грустите по фаэру!
Аура неминуема.
Возвращусь в Твою
ауру.

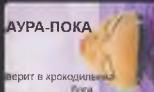
ПИАКЙЗЕН

Пина пина, пина пина, пина пина.

Сестричка моя,
игр закиница,
специалист по ауре!
Японская правозащитница,
не понявшая смысл
discovery.

Ним выбрели
эпическое
Но где же сирени?
Куда Дамы и Батлеры
обмениваются местами?
Как нам прожить без ауры
Толкают?
Ведь если честно —
Что был бы Тигрард
без Лягуры
и Лягура без Французки?

АУРА-ПОКА

верит в крокодила
Бога

Жизнь —
котлета паровой
без кинификтов и
Бог ауру пороки —
значит совесть не обман

Воды зельные — курорты
Летят из сверкающих,
Улетят сиренями.

Десятка тrefолов —
это кладбище.

рисует игла сглаженного глагола

играура

Икры твои вминаются
как клавиши.

Сестра моя носит траву
по половине своей.
Но не выносит зуб
фосфоресцирующих людей

Нет
Нет рабства
без
Лягуры.

Человек – вариант
кентавра.
Пусть по жизни он
вор и скот,
его вздетая к небу аура
через наш чернозем
растет.

Свет того
света.
Игра по-
старому.
Ауры нету,
ставлю на
ауру!

Мне не
сдается
Она не
играет

БУВОННЫЙ
(забывчивый)
Бей бубей

ПИКВИК
Век пик

Гяуры и
гаеры.
Древние
правила.
Ставлю на
ауру!
Ставлю на
Дьявола!

ТУЗ
♣

ОДИНОВИДНЫЙ
ТРЕФЛЫГАРОВ
не синица! (режет)
вуду (царя)

Пик-адор
Риг-мент
Фрак-мент
Мент Алитет
Рафазль
Санти(мент)
Брик-шпик
Биг-Мак
Карл Маркс
Кар-Смак!
Пик Христа.
Реасе-Да!
Внук вник
Кинг книг.
Шар-фиг.
Штраф-фиг!
Больше VIO
чем VIP.
Пол-овина
Хер-овина.
Ebenua prick
Беня Крик.

Небо не
хавали.
Now
are you?
Ставлю на
ауру!
Аурой бью!

Меж
адам
и раем
идет игра.
Мы все
сгораем
АУРА - УРА!

Без черной
жизни не
жизнь

Пел бестселлер
Ничеда
в пещерах:
ВАНЧЕРОВ
аура, атом доз
бать вечно-Рос
Австралия, Канада, Кенда, Кенда

♣ На сердце тр-три vogue'a
♥ на встрече – Черевички
♦ что с нами бу-булочка с маком
♠ полный пис-децентрализоанный строй

подсказка зала - Че

РАБЫНЯ ИЗАУРА ИМЕЕТ ВСЕРОССИЙСКУЮ АУРУ

У мавра, сделавшего своё дело,
аура похудела.

Светоч кухни – "Ариэль".

Тамара домова
Тамара домова
380 «Смелый» (Смелый)
Тамара домова
Белая
Только в Антарктиде

Хорошая из нашей
серии
Клары Цеткин
О Феминизме
красочный -

НЕЦЕЛЮИНА.
 Конфуз мента Писелюиной,
 мента ед — прокументуи мента.

Правильно с «двумя»
ЦЕНА
выбрать себе жури шес-
но жури под жури
группы «Центрум»
журни на жури

Удивительно и Бастия!

[illegible]

Cardi nonomalis
Culm. 100-120 cm.
Fls. yellow (10-12 cm).
Foliage greenish.
Foliage nonomalis.
Foliage nonomalis.

 1. **Identify the problem.**
 2. **Identify the cause.**
 3. **Identify the effect.**
 4. **Identify the solution.**

ВЕРСИЯ

8 day cycle
 7 day Haccabond?
 Cytosine a year?
 5 day day in China
 10 day day
 10 day day

Вот ты, старосвет, взираешь!
Печальны твои взоры!
Самая печальность в мире
Родилась из-под черны!
Сидишь же ты, похрустывая
Нам, восточным, восточным...

[illegible]

9. **What are the main reasons for the decline in the number of people aged 65 and over in the UK?**

©2004 Thomson Health Publications
This journal is indexed/abstracted in:

ПАСТЕРНАК
пәстрәбайтер (пәстәрәкә)

Плоскостная дуга
в той мере, насколько на
м участке, как и в курорте,
его караван-клубы, гостиницы

10

Курса Бас пенсия

Самостоятельно, самостоятельно
От Пенсионного фонда, от
Министерства труда и занятости

TOT CBET

АУРЫ НЕТ

Нету любви,
нету (каким)
те
противостоят
мне
между тем,
кто не знает
суд,
м. тем,
кто не знает

край сочувствия, то есть совести

Оруел орел

край, который поймет тебя сразу

Короваки стоят нетучны /
тень орла на них на /
Точно тютчев покрыв

Коровки стоят нетучные,
тень орла на них наплыла...
Точно потчевская туча,
покрывает их тень орла

Край, который
не поны

не приветствовал Чунингам. Это все не для
край сочувствия, то есть совести, орлиная Тень.
Боль, подобная жемчугам, накрывала

что не жал
под тебя пла-
Край, который
поймет тебя сразу,
а когда не поймет –
простит.

Лосат под стрелом зоркого обомана,
сознанию подобен: что было
Намизанис, Набохориз или - Битон
Зоркого, атомизировать
под стрелом

Золотые слезы из чаш сарфору
Сарфору обильно себя из утробы
Золотых слез проливается в
Сарфору из чаш сарфору

Завидую тебе, орел двуглавый,
ты можешь сам с собой поговорить,
200/5 г.

Смерч
Рабоче-крестьянский меч — это

МЕСТЬ

книга
пророка Ездры

Нацболы
на сборы.
Либералы
в юбиляры.

№1
Перья ворона
спетали
над ликующей Ленор.
Сдох канале
на канале
под кликухой
"Беломор".

Деревенского пророка
по прозвищу "Берста"

в силу
древнего
порока
звали "Старая
Езра".

принимает
когда надо к жертвам.

№2
Мясо
немедленно —
Массмедиа.
С мясом таким
еще бабуть, партавила
Мас-иния — эту щелка
под дворяно.

Царь-пушки
вместо мяса!

Нестор прыг ли
писал дади евро.
Н орен отнюдь не нутант.
Никакие кошуства Ездры
высоты его не смутят.

Наде сдвистеши
и наше время драти!
Езда, нудат!
Генеральный пох-фавест.

Миллионеры:
на трассе нзездды
Долой Агасферд!
Да здравствует Езра!

Убрав мразь трехликую
из первопрестольной,
приблизим великое
Царство Христово!

Который на триптих
сказал не вилая:
"Орел, вы Антихрист
с тремя головами!"

Из 3-ей книги
пророка Ездры
"Орел, ехери
Кому голова твоя"
Бессты-
"Среднее твоя"
Большее анха
"И царствствуй"
на земле!"

Помогите бедным! Черная надежда Бэтмен!

тригонометрии.

Сердечно.
2005 г.

ЭДУАРД ЛИ МОНЕ ?

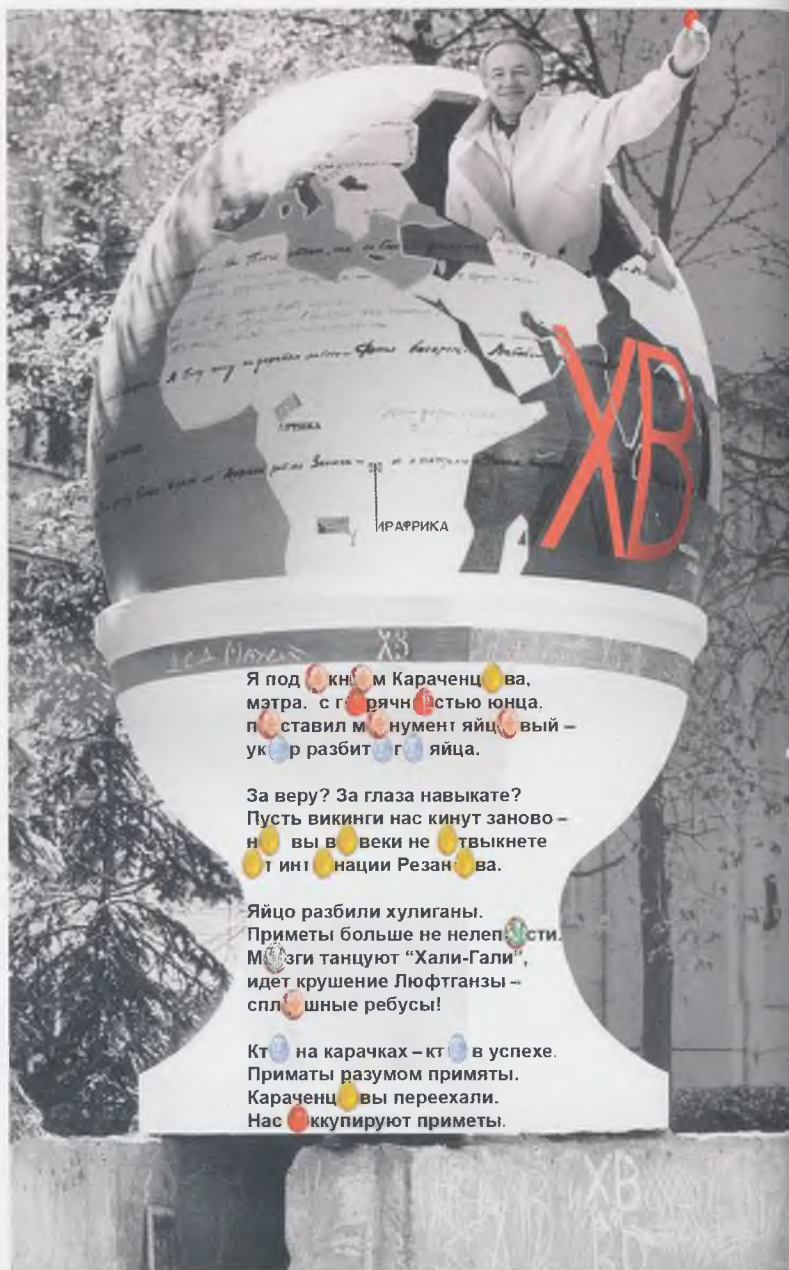

Лимонову.
2003 г.

Я – посрессно!

Москва. На улице Пешдановой.

2005 г.

Я под кнм Караченц ва,
мэтра. с г рячн рстью юнца.
п ставил м нумент яйц вый –
ук р разбит г яйца.

За веру? За глаза навькате?
Пусть викинги нас кинут заново –
н вы в веки не твкнете
т инт нации Резан ва.

Яйцо разбили хулиганы.
Приметы больше не нелеп исти.
Мозги танцуют "Хали-Гали",
идет крушение Люфтваганзы –
спл шные ребусы!

Кт на карачках – кт в успехе.
Приматы разумом примяты.
Караченц вы переехали.
Нас жккупируют приметы.

Все, от Кушнера до Кюхли,
мы — интеллигенты Кухни.
Интеллигенты, из кухонцев.
На ТВ чихал Чухонцев.

Но «Триумф» — посреди дня.
Вставать рано, но придется,
Триумфальная родня!

Юнна Мориц, Ахмадулина,
Лена Шварц, теперь Чухонцев.
Пусть завистник чертыхнется!

Вызревая, как хурма,
золотое слово рвется
изо рта золоторотца.

Остальное все Чухня!

**Происшествие, которое случилось 10 декабря 2007 года
в вашингтонском Соборе святителя Николая**

...А было это в Вашингтоне:
посольских выносили в коме...

Я из Москвы тебе кивну —
кивнукивнукивнукивнук —
и вникну: верно, этот внук
отчаянный башибузук.

Крещение, рей!
Забудь про рейтинги!
За ручку крестника ведем.
Оскаруйальдовские Рэдинги
остались сильно позади.

Я наполняюсь светлой силой:
тайком и как бы незначай
так бабушка меня крестила,
позвав священника на чай.

Купель плыла, как Наутилус, —
мы в фильме всё оговорим, —
яички под водой светились,
ну что тебе аквамарин!

Из вашингтонских полотенец —
окон посыпалась слюда! —
нерасшифрованный младенец,
вдруг закричал по-русски: «Да!»

Всё было в этом «да» — вода,
совокуплялись города,
и Вифлеемская звезда
сгорала, как в ночи скирда.
Да — представители дада,

да — Хлебников, Земфира — да,
в бутылочках из-под кефира
цвела лесная яго-да...
По-русски «да» звучит как «дай».
Явись, святитель Николай.

И в рясе, верно иерей,
небрityй, точно лук-порей,
пропел октавою своей:
«Франческо, во Христе Андрей».
Он гей иль просто шизофрей?

А кто-то в книжечке своей
писал: «Франческо + Андрей».

Купив в Манчестере ландрины —
мне, честно, Франция милей, —
летим, душой неразделимы,
Франческо + Андрей.

Пройдут года. И в их благообразье
однажды, среди подвыпивших друзей,
утешишься формулировкой связи:
«Франческо + Андрей».

И, отвечая на чужие тосты,
задумчив, как шарпей,
ты упомянешь горестного тёзку
по имени Андрей.

Дух и тело — чужаки?
Либо — либо?
Уважаю Лужники —
смесь Олимпий и Олимпа.

Boу Ницца
Порно ниша
Бокс в Нижнем
Бал нищих
Дозвониться
До низкого
Danissimo
Солженицын
Цензурится
Пол страницы
Из принципа
Пол принца
Бог шприца
Спой со шпирцем
Боль-ница
Забой птицы

И вечный бой
Нам только снится

Крокодилы окотились!
Возле сонных крокодилиц
присосавшиеся спят
пятьдесят крокодилят.
Тех, кому не хватит мест,
мама съест.

Крокодильчики из кожи
так на туфельки похожи.
Привозите-ка невест!
Кому впору — мама съест.

Самый юный крокодил
себе зубик обломил.
Думал — это мама, но
оказалось, что бревно.
У соседа тоже драма:
грыз бревно, а это — мама.

Хамелеонья душа

(на мотив Т. Аргези)

Твоя душа — наездник с бандерильей,
торчащий галунами шаровар.
Ты думаешь, что скачешь на кобыле,
но под тобой — колодезный журавль.

Твоя душа — трусливый кот домашний,
хотя вокруг пантерой глядишь.
Ты за мышами носишься бумажными,
чьи тени поогромней верблюдаиц.

Душа твоя — бездарная пичуга,
завидующая соловью.
В интригах и причудливых потугах
забывшая мелодию свою.

Твоя душа — приبلудный старый заяц,
испробовавший браги, как на грех,
которому с похмелья показалось,
что если пьяный он, то — человек.

Твоя душа — трактирная мадонна,
кормящая грудями без стыда
раскрашенную куклу из картона,
замену подмененного Христа.

Болотная душа хамелеонства!
В ней приبلудились, выбившись из сил,
обманутые призраки влюбленных.
Зачем ты, вурдалак, их погубил?

Я всё не сдохну

Не могу спать.
Мне лезет в окна
75.

Месяц проищем —
ушел в ущерб.
7 — топорище,
5 — серп.

Жизнь полосата,
как шкурка зебр.
Смотрят с фасада
молот и серп.

Детства эмблема,
молодой синдром,
еще вам не время,
серп с топором!

Висит над Косовом
Серпский позор.
Серп високосный —
Топор — попер.

Кровавых версий
Не мог не знать
Вознесенский-75.

Я горы двину
под крик: «Винись!»
Серп серпантинном
несется вниз.

Я спрячусь в улицы —
мне из толпы
люди сутулятся,
как топоры.

Я не раздваивался,
как Агасфер.
Не я разваливал
СССР.

За что же, следуя
за мной в упор,
меня преследуют
серп и топор?

Парадигма

Кончай меня. В машине гоночной
летим под бешеной луной.
Я враг твой. Ты меня прикончи.
Кончай со мной.

Кончай с моею прошлой жизнью —
окончим вместе путь земной.
Я прошлым на тебе не висну.
Кончай со мной.

Я — как араб у водополя,
или дикарь из Малибу.
Нам хорошо. Побудь со мною —
я так давно тебя люблю.

Жизнь нас качает, как «Титаник».
Люблю тебя. I love you.
Ты говоришь мне: «I am comming» —
по-русски значит: я люблю.

Твои божественные корчи
повторятся ночной землей.
Как говорил Резанов Конче —
мы будем счастливы с тобой.

Там, где воздух целебен
без палящего зноя,
состоялся молебен,
где молящихся — двое.

Я от этой молитвы
помню самое малое:
липа белая
 лифтом
к небесам подымалась.

Хорошо!..

На спине плыву устало.
Холодочек за спиной.
Зной пронзает золотой,
словно клипы «Супер-стара»...

Хорошо, что ты не стала
моей вдовой.

Что делать с палиндромом?
Пока неясно.
На наши полудремы
народ смеялся.

Кто и зачем их в душу
народа вытряхнул?
И где на шубу Бушу
найдется выхухоль?

С ними, будь неладен,
Усама бен Ладен.

Ира иррациональна, Ирка ирреальная,
вот она потеха, вот он цирк!
Организовали фирму интернациональную
с сумрачной кликухой «СИЗИРК».

Фирма расширяется, акции расходятся,
только не до красных и черных икр —
девочки ширяются, стонет безработица,
обо всех заботится фирма «СИЗИРК».

А в домах красуются телексы-скелеты.
Нынче все читают наоборот.
Весь народ на улице, как на пляже летом,
но «СИЗИРК» считает, что он — народ.

Кинул Дерипаска миллиарды баксов,
но в ответ послышался львиный рык...
Если бы мы дома знали палиндромы,
вмиг расшифровали бы тебя, «СИЗИРК»!

В тебе живет сияние. Безжалостно
из тьмы пупок проколотый мигнет.
Меж топиком и джинсами, как жалюзи,
просвечивает солнечный живот.

Derp jumping

Теряя запонки,
летим по крышам.
Мы — прыгуны, derp jumping,
мы, прыгая, всё слышим.
В зеленых, синих, карих
сохраняйте something.
Наш Новый год — очкарик
с поправкой на derp jumping.

Потомки Мика Джаггера,
таинственней, чем РУОП,
мы веруем в derp jumping
по имени «любовь».

С улыбочкою горькою
мы представляем visual:
колесные восьмерки,
в которых чудом выжили.

Но грустный Чарли Чаплин
новою весной
вас пригласит в derp jumping
2008-й.

Котенок, кутенок, китенок,
в отличие от ребят,
всегда с наступленьем потемок
шагают, плывут и летят.

Кутенок мяукает с мышью.
Котенок по морю плывет.
Китенок летает над крышей
с фонтанчиком, как вертолет.

Да здравствует дружба с пеленок!
Куда запропала тетрадь?
Котенок, кутенок, китенок,
пора научиться писать!

Кто встречает Новый год
боле всех людей на свете?
Он ИДЕТ, ИДЕТИДЕТ —
получилось: ДЕТИ!

Села бабочка на тай,
может быть, случайно?
НА ТАЙ, НАТАЙНАТАЙНАТАЙ.
Получилось — ТАЙНА.

Экс

Золотая осень.
Медная дорога.
По полям разбросаны
экскременты Бога —

города и шахты,
славы монументы...
Креозотом пахнут
Божьи экскременты.

Хозяева Завидова,
ловцы аплодисментов —
всё — только разновидности
духовных экскрементов.

На постной твоей роже
написано одно:
«Пусть вы дерьмо, но — Божье,
я Божье, но — дерьмо».

Казалось:

«Ружья в козлы!»

«Афган!»

«Тарантино».

«Тарантинэйджер».

«Посол».

«Чайку бы и травки на дорогу...»

«Порноистец против ТЭЦ».

Оказалось:

«В ружьё, козлы-ы!»

«Off gun».

«Скарлатина для взрослых».

«Трахнул тёлку через пейджер!»

«Пил рассол».

«Чайка — плавки Бога».

«Полный пиздец!»

Ирреализм

Жил-был иррационал,
не познал в зажиганье искры,
но знал,
сколько ангелов умещается на конце иглы.

Узелок мне на память нашейный
завяжи! Мы услышим в глуши,
как происходит
иррационально-освободительное движенье
души.

Как башня III Иррационала,
пружина кресла торчит из мглы.
Иррационалисты всех стран,
добро пожаловать
на конгресс на конце иглы!

Пусть солдат в своем ранце, как рацию,
носит маршальский радикулит.
Коты летают. Царит иррацио.
Время назад летит.

Живем без гимна. Утешусь малым.
Неясной знаю тоской,
что с Иррационалом
воспрянет род людской.

По-английски море — си.
Гал — по-русски «чайка».
Это все перевести
трудно чрезвычайно.
Над морем мчатся две сигалки,
как будто белые сигарки.

Хватану в меру.
Нарру Новый Год!
Нарру New Year!
Нарру new Ева!
Нарру new God!

Вера в new Евро
по полной эропрограмме!
Неопогромы, цунами, Чечня —
и вся прочая хайня!

Нарру Нью-Йорки!
Нарру new ёлки!
Сердце ёкнет
от секс-двустволки!
Нарру new пихты!
Нарру хиппи!
Убийство в VIPe!
Нарру хулиган в кепи!
Граф Хулин еще не в склепе!

Нарру new Russia!
Нарру неряшливый!
Нарру new Растиньяки!
Нарру неохристиане!

Нарру new Happiness!

Нарру new Star!
Нарру new пенис,
у кого он стар!

Он устал, —
пенистый
в небо швырни бокал!

Нарру new мои кошки!
 Harpening second hand!
 Нарру new Маяковский,
 первый русский skinhead!

Нарру Женья Дюрер!
 Нарру дуры де-юре!
 Нарру русская литература,
 фурыкающая «Антифюрер»!

Нарру new веселье!
 Нарру new печали!
 Нарру все новоселья,
 куда нас не звали!

Тайские бабочки,
 мебель очковая!
 Нарру new баночное!
 Нарру new бочковое!

Нарру кондитерская Виченцы!
 Чеченцы, ЧПенцы, ВИЧенцы!
 Нарру хвойные стрелки минутные!
 Нарру new Ньютон!
 Нарру new Хэпберн!
 Тому, кто не нуден,
 пою молебн!

Нарру NEW АНГЛИЯ!
 Нарру NEW АРБАТ!
 Нарру падший ангел!
 Нарру соблазняющий гад!

Нарру New Year!
 Хряпну, но в меру!
 Кто Властелин Колец?!
 Дыхну в лицо милиционеру —
 полный списец!

ЧАСОВНЯ АНИ ПОЛИТКОВСКОЙ

Поэма

Memento Anna

Часовня Ани Политковской
как Витязь в стиле постмодерна.
Не срезаны косой-литовкой,
цветы растут из постамента.

Все не достроится часовня.
Здесь под распятым деревянным
лежит расстрелянная совесть —
новопреставленная Анна.

Не осуждаю политологов —
пусть говорят, что надлежит.
Но имя «Анна Политковская»
уже не им принадлежит.

Была ты, Ангел полуплотская,
последней одиночкой гласности.
Могила Анны Политковской
глядит анютиными глазками.

Мы же шустрим по литпогостам,
политруковщину храня.
Врезала правду Политковская
за всех и, может, за меня.

И что есть, в сущности, свобода?
В жизнь воплотить ее нельзя.
Она лишь понимание Бога,
кого свобода принесла.

И что есть частная часовня?
Часовня — лишь ориентир.

Найти вам в жизни крест тесовый,
который вас перекрестил?

Накаркали. Накукарекались.
Душа болеет, как надкостница.
Под вопли о политкорректности
убили Анну Политковскую.

Поэта почерк журавлиный.
Калитка с мокрой полировкой.
Молитвенная журналистика
закончилась на Политковской.

Ментам мешают сантименты.
Полгода врут интеллигентно.
Над пулей с меткой «Политковская»
черны деревьев позументы.

Полусвятая, полускотская,
лежит в невыплаканном горе
страна молчанья, поллитровок
и Чрезвычайного момента —
Memento mori.

Часовёнок

Мы повидались с Политковской
у Щекочихина. Заносчив
был нос совёнка-альбиноски
и взгляд очков сосредоточен.

А этот магнетизм неслабый
мне показался сгоряча
гордыней одинокой бабы,
умеющей рубить сплеча.

Я эту легкую отверженность
познал уже немолодым, —
что женская самоотверженность
с обратной стороны — гордынь.

Я этот пошляковский лифтинг
себе вовеки не прощу, —

что женщина лежала в лифте,
лифт шел под землю — к Щекочу.

Никакой не Ангел дивный,
поднимающий крыла.
Просто совестью активной
В этом мире ты была.

Мать сидит от рыдания.
Ей самой не справиться.
Ты облегчишь ей страдания,
наша сострадалица.

Ты была совёнок словно.
Очи. Острота лица.
Есть святая для часовни
Анна Сострадалица.

Нас изменила Политковская.
Всего не расскажу, как именно.
Спор заведет в иные плоскости,
хоть нет часовни ее имени.

Она кометой непотребной
сюда явилась незаконно.
В домах висят ее портреты,
как сострадания иконы.

Не веря в ереси чиновные,
мы поняли за этот срок,
что сердце каждого — часовня,
где вверх ногами — куполок.

Туда не пустит посторонних,
седой качая головой,
очкарик, крошка-часовёнок,
часовенки той часовой.

Молись совёнку, белый витязь.
Ведь Жизнь — не только дата в скобках.
Молитесь, милые, молитесь
в часовне Анны Политковской.

Чьи-то очи и ланиты
засветились над шоссе! —
как совёнок, наклонившийся
на невидимом шесте.

Блуждающая часовня

Часовни в дни долгостроения
не улучшали настроения.

Часовня — птица подсадная,
она пока что безымянна,
но у любого подсознания
есть недостреленная Анна.

Я обращаюсь к Патриарху
услышанным сердцебиением,
чтоб субсидировать триаду —
Смерть. Кровь. Любовь —
всем убиенным!

Пушай прибудут инвестиции,
пусть побеждает баснословно
души спасенье возвестившая
блуждающая часовня.

Блуждающая меж заблудших,
кто отлучен катастрофически,
кто облучен сегодня будущим,
как гонщики и астрофизики.

Сосульки жмурятся, как сванки,
окошко озарилось плошкой,
блуждающей часовней — Анной
Степановной Политковской.

Неважно, кто Телец, кто Овен,
прислушайтесь — под благовест
идет строительство часовен.
Когда достроимся? Бог весть!

Имя твое — внеплановая листовка:

АННА СТЕПАНОВНА
ПОЛИТКОВСКАЯ
7.10.06

Седьмое.

Десять.

Ноль шесть.

Не много земного.

Дерзость — но крест.

Синь смога.

Дескать — но есть.

Немого детства

Норд-Вест.

Умолчит ли толпа безлика?

Чеченская ли война?

Взирает на нас Великая
отечественная вина.

Ответственность за содеянное —
не женщин и не мужчин —
есть Высшая Самодеятельность
иных, не мирских причин.

Обертывается лейкозией
тому, кто шел против них, —
такие, как Политковская,
слепой тех сил проводник.

Курит ли мент «ментоловые»,
студента судит студент, —
на нас проводит винтовка
следственный эксперимент.

След ниточкой дагестанской
теряется средь лавин.
Жизнь каждого — дегустация
густых многолетних вин.

Ждет пред болевым порогом,
 прикрыта виной иной,
 моя вина перед Богом
 и Бога — передо мной.

Общественные феномены
 голода и Чечни...
 Бывает народ виновен?
 Формулы неточны.

Никто убийц этих не видел.
 Приметы несовковые:
 мужчина ввинчен в белый свитер
 плюс женщина очковая!

Февральский эпилог

Над кладбищем над Троекуровским
 снег — как колонны с курватурами.

Сметаем снег с Твоей могилы.
 — А где ж дружки ее? Чай, скурвились? —
 изрек шофер. — Помочь могли бы.

А рядом хоронили муровца —
 салопы, хмурые секьюрити,
 шинели и автомобили.
 Поняв, что мы — твои тимуровцы,
 к нам потеплели и налили.
 Шофер наш, красною лопатую
 перебирая снег, поморщился.
 Водка — не лучшая помощница.

Лампадки, чьи-то бусы, лапотник
 «Новой газеты», траур. Лабухи
 и мальчики тебя любили.
 Февральские снега обильные...
 Лишь ленты деревца могильного
 в снегу чернели, как мобильники.

Что снится Вам, Анна Степановна?
 Поле с тюльпанами?

Кони с тимпанами?
Сынок с дочуркой мчатся кубарем.
Бутылъ шампанского откупорим.
Жизнь? Чеченцы с терренкурами?
А за оградой Троекуровской
убитый с будущим убийцей
пил политуру, кушал пиццу,
делился с ним запретным куревом,
девицу в кофточке сакуровой
улещивал? — Наоборот!

Гриппозные белели курицы.
Секьюрити-мордоворот
следил, как «роверы» паркуются.
Народ они имели в рот.
И ждали девку белокурую
два хулигана у ворот.

Читатель мой благоразумный,
не знаю, чем тебя завлечь?
Я обожаю нецензурно
неподражаемую речь!..

Куда ведет нас жизни уровень,
полусвятой, полубесовский?
Поставь свечу на Троекуровском
в часовне Анны Политковской.

И в наше время коматозное
по Троекуровским пределам
дымок, курясь над крематорием,
попыхивает чем-то белым.

Другие

Я желаю, чтоб жили вешне!
Чтоб на виселице в городке
амнистированный повешенный
крутил «солнце» на турнике.

Казалось:

Оффшоры в Замбии.

Краса, чтобы лапать.

За подвѣги!

Барбекю.

Персональное.

Усама Бен Ладен.

Тинторетто.

Гонорар.

Цветаева.

Кисет, полный песет.

Оказалось:

Шофер-зомби.

Коса, плетенная как лапоть.

Из-за Твигги.

Барби, ку-ку!

Перс — анальное.

Не дал неба массу.

Тарантино.

Гонор-арт.

Цвета Ева.

Полный привет!

Гуляю в офшорах.
Оффшорты. Оффшорох
шарахнувшейся Москвы.
Оффшобла, оффшел, оффвы.

Обшарпанного шарпея
с раздутыми горшочками щек
оффшок.

Оффжопа. Оффшуба.
Астероид для обзора.
Оффшелковый шепот халата.
Оффспоры. Оффссоры.
ОффСорос. Оффсовесть.

Оффты. Офф-шоры
слепых лошадей.
Оффшоры водяры
слепой похоронной
конторы
«Смирнофф».
И мир пролетит
километров
под сорок.

Я — Off.

Япономания

Питаясь с неба манною,
прикольна и странна,
страна Япономания —
волшебная страна.

Япономанцы — пончики
во внутреннем соку.
Закутаются в пончо
и пьют свою «саку».

Их немцами Востока
зовут круги цивилизные.
Евангелъе с восторгом
зовет «жестоковъйными».

Любовь моя и мания —
культурный вандалист,
в страну непонимания
тебе не надо виз!

Необходимо крайне,
чтоб дефицитный слух
понятем Росукраины
не превращал нас в сук.

Но жизнь, она жмет прямо,
и лучше для всех стран
пойти к «Япономаме»,
совместно в ресторан!

Белые кляксы черных ворон —
цвет нехороший
птичьих желудков. Шоссе — и на нем
юбка в горошек.

Смолоду ралли любили мы все.
Кубки. «Покупки».
Сейчас — ни шиша! А на нашем шоссе
сушатся юбки.

Лесалки

Ромашек белая машина
столпилась в дебрях,
как буквы пишущих машинок
на длинных стеблях.

Неуловимые синицы
их лишь касались,
как пальцы милой машинистки —
или казались?

Ах, машбюро цветного бора,
ах, бабье лето
и бабьи вспыхнувшие взоры
поверх кареток!

Мерцанье ленты муравейной,
лесалок «гвоздики»,
какое женское волнение
в дрожанье воздуха!

Каких постановлений тыщи,
в ветвях витая,
стучит твой пальчик,
не остывший
после свиданья?

Что вам сдиктовывает эхо
лесных совминов?
О чем вы прыскаете смехом,
оправив «мини»?

Не Парки — экстрасекретарши
ткнут опись леса,
и Тьму Времен, и Лист летящий,
и Осень с Летом.

А рыжая — на перерыве.
Легла в левкой полевые
и ловит зеркальцем карманным
на спине
укус комарий!

Мы шли сквозь облако по крену
хребта, по снеговому сверку.
Нам было небо по колено.
Но сверху.

И были полные карманы
облака горного.
Выныривали из тумана
ноги, как головы.

И это был, я понял позже,
путь к Богу.
И ты в меня влюбилась по уши.
Но сбоку.

Лежите Вы в Чили, как в братской могиле.
Неруду убили!

Поэтов тираны не понимают,
когда понимают — тогда убивают.

Солдаты покинули Ваши ворота.
Ваш арест окончен. Ваш выигран раунд.
Поэт умирает — погибла свобода.
Погибла свобода — поэт умирает.

**Убийцы с натруженными руками
подходят с искусственными венками.**

Лежите Вы навзничь, цветами увитый,—
как Лорка лежал, молодой и убитый.
Магильду, красивую и прямую,
пудовые слезы
 к телу
 пригнули.

Оливковый Пабло с глазами лиловыми,
единственный певчий
среди титулованных,

Вы звали на палубы,
на дни рождения!..
Застолья совместны,
но смерти — раздельные...
Вы звали меня почитать стадионам —
на всех стадионах кричат заключенные!

Поэта убили, Великого Пленника...
Вы, братья Неруды,
затворами лязгая,
наденьте на лацканы
черные ленточки,
как некогда алые, партизанские!
Минута молчанья? Минута анафемы
заменит некрологи и эпитафии.

Анафема вам, солдафонская мафия,
анафема!
Немного спаслось за рубеж
на «Ильюшине»...

Анафема
моим демократическим иллюзиям!

Убийцам поэтов, по списку, алфавитно —
анафема!
Анафема!
Анафема!

Пустите меня на могилу Неруды.
Горсть русской земли принесу. И побуду.
Прощусь, проглотивши тоску и стыдобу,
с последним поэтом убитой свободы.

Здесь Чайльд-Гарольды огородные
на страх воронам и ворам.
Здесь вместо радио — юродивый
врет по утрам и вечерам.

Пока мы бегали в столовку,
туманный, как палеолит,
юродивый с татуировкой
чуть не упер теодолит.

От весь дрожал от изумления,
познав чужое божество.
Он трепетал,
 как заземление
от бьющей молнии в него!

Кругом бульдозеры былинные.
Но будущее чуял он,
дурак, болотная былиночка,
антеннка сдвинутых времен.

Почта телепоэта

«Уважаемый тов. ТВ!
У меня вопрос к тебе:
твои рифмы не тает,
где купить ковер в Москве?»

«Уважаемый тов. ТВ,
у меня вопрос к тебе:
почитайте о любви.
Мисс TV».

«Уважаемый тов. ТВ,
у меня вопрос к тебе:
а зеленый крокодил
выделяет хлорофилл?»

«Уважаемый тов. ТВ,
шлю Вам песню о Неве:
“Как пошел драгунский полк,
содрогнулся дамский пол”».

«Вы вчера передавали
рыбу в кляре.
Умоляю, повторите,
никому не говорите».

«Я рожден после трамваев.
Моя мама — Магомаев.
Вышли сотню или две».

«Уважаемый тов. ТВ,
у меня вопрос к тебе:
Если волка поливать — он квакает?
Умещается ли С. в фольксвагене?»

«Уважаемый АВ,
что сказать твоей вдове?»

Я люблю, как черт по вызову,
вылезать из телевизору,
и квартирною Москвой
побродить, как домовой.
В тебе резкость переводят,
при тебе детей заводят,
тебе пишут при тебе:
«Уважаймый тов. ТВ!..»

В ту лузу

Рейс Лондон — Тулуза.
To what?

Вот ВВОД:

— Мадам, вы никогда не были в Тулузе?
— Скузи, в Тулузе одних полицейских полтысячи.
Без «узи». Тулуза — как Тула для бывшего Советского Союза.
«Ту луз» по-английски значит «терять».
Собор. Бары. Театр.
— Мадам, вы одна, без мужа?
— Почему же? Мой муж в своем банке в Луизиане.
— Вы, значит, россиянка? И Тузик ваш в клетке. Багажный
отсек. Фром Раша уиз лав.
— Приукрашена? Нет прав? — И сразу лезет под юбку.
О нравы! — Вы правы.
— Значит, вы — русская.
Солнце тусклое. Улицы узкие.

Сидела бы дома, семечки лузгая.
Тулуза — лужа, провинциальный городишко.
В ту лузу, откуда мы все, народившиеся.

Тулуз Лотрек — оригинальный человек,
маэстро из калек.
Под нами Амстердам.
Ножки, ножки раздвигайте, мадам!

С детства помню, без иллюзий:
что ни делай, как ты ни танцуй,
как бильярдный шар к зеленой лузе,
ты летишь к провалу и концу!

Это все преамбула.

Вот ЭПИЛОГ:

самолет разламывается, как пирог.

Из рубки вываливается

пилот.

В этом самолете я одна — русская.

Сидела бы дома, подсолнухи лузгая.

Без мужа, без Тузика, без перегруза —

в стужу, в ночь.

В ту лузу.

Нынче комплекс Эдипа
других пострашней.
Мы живем посреди
параллельных людей.
Параллельные судьи
сидят в париках,
параллельные судьбы
сминают в руках.
Параллельный Вертинскому
идиот
в непроветренном диске
чего-то поет.
Параллельные банды
жгут машины, дымясь.
Параллельные бабы
ложатся под нас.

Скажу про парашют,
неизвестный досель,
явился к нам шуточный
параселинг.
Как, привязанный
крепкой нитью,
кусок мяса вытаскивают
хитроумные пацаны
из пасти собаки,
проглотившей его, —
так тащит парашют привязанного
пленника.

Надоел затасканный партикуляр.
Жизнь поэта — это
перпендикуляр.

2008

Вторую ночь без всякой дрожи
под круглой красною луной
отвесно врезана дорожка
неумолимою рукой.

Ты говоришь: «То зодчий ада,
чтобы задумалась толпа,
нас тешит планом и фасадом
огненновидного столба».

Озеро отдыха возле Орехова.
Гордо уставлена водная гладь
в гипсовых бюстах — кто только приехал,
в бронзовых бюстах — кому уезжать.

Ты, наклоняясь, меня щекочешь,
и между мною и тобой
качнется крестик на цепочке,
как самолетик золотой.

Так меж нас, когда мы озоруем,
как зов столетиям иным,
порхает крестик поцелуем,
материализованным.

С тобой богатыми мы были!
Качались в наших чердаках
лучи, окутанные пылью,
как будто в золотых чулках.

В толпе меж рынком и кинотеатром
я встретился с кентавром.
Мототележка продолжала тело,
а может, тело продолжало тару?
Он над толпою ехал, осовело
прохожих раздвигая, как копьем,
мифологическим словарем.
Граждане расступались.
Все мы пьем.

Вечные мальчишки

Его правые тротилом подорвали —
меценат, «пацан», революционер...
Как доверчиво усы его свисали,
точно гусеница-землемер!

Это имя раньше женщина носила.
И ей русский вместо лозунга «люблю»
расстелил четыре тыщи апельсинов,
словно огненный булыжник, на полу.

И она бровями синими косила.
Отражались и отплясывали в ней
апельсины, апельсины, апельсины,
словно бешеные яблоки коней!..

Не убили бы... Будь я христианином,
я б молил за атеисточку Творца,
чтобы уберег ее и сына,
третьеклашку, но ровесника отца.

Называли «ррреволюционной корью».
Но бывает вечный возраст, как талант.
Это право, окупаемое кровью.
Кровь «мальчишек» оттирать и оттирать.

Все кафе гудят о красном Монте-Кристо.
Меж столами, обмеряя пустомель,
бродят горькие усищи нигилиста,
точно гусеница-землемер.

Ненавижу афоризмы.
Но куплю брелок, шая,
для ключей от Сан-Франциско
и дурного «Жигуля».

Открываю километры,
открываю, не слепя,
встречных краткие кометы —
и для них и для себя.

Смерть генерала

Он гнал полки на смерть.
Завидя его «виллис»,
тысячи душ, отторгнутых от тел,
за ним носились, выли и дивились:
«На Божий суд он полетел!»

— Под нами Кремль. Вон башня-ферзь — взгляните!
Япона мать!.. — Тогда он заорал:
— Не понял я, где едем мы, водитель?!
— На небе мы, товарищ генерал!

Как в кружева обрамлена манишка
и по краям прострочена она,
так в небе отпечатан след машины —
кремлевская зубчатая стена.

Ю. Марцинкявичусу

О чем вы, литовские дюны, —
что граблями грабят грибы?
О чем вы, литовские думы?
О дыбах судьбы?

Зачем я глядеть не устану
в литовское море ночное?
Оно — негатив горносталя,
с белыми хвостиками на черном.

Здесь нету заборов. Все просто.
Мужчина здесь от угла
в бумаге, как длинную розу,
несет золотого угря.

Литвинка, дочь тихих родителей,
от имевшего нож и вино
насильника в общежитии
выбрасывается в окно!

Зачем проступают в парилке
таимые в генах слова?
Зачем во все наши молитвы
подсознательно входит «Литва»?

Легенда

Ангел смерти является за душой,
как распахнутый страшный трельяж.
В книгах старых словес
я читал, что он весь
состоял из множества глаз.
И не знал ни Христос,
ни философ Шестов —
почему он из множества глаз?

Если ж он ошибался
(отсрочен ваш час), —
улетал. Оставлял новый взгляд.
Удивленной душе
он дарил пару глаз.
Достоевский так стал, говорят.

Ты идешь по земле,
Валентин, Валентин!
Ангел матери тебя спас.
И за то наделил
тебя зреньем могил
из двенадцати тысяч пар глаз.

Ты идешь меж равнин,
новым зреньем раним.
Как мучителен новый взгляд!
Грудь не в блеске значков —
в зрячих язвах зрачков.
Как рубашки шерстят!

Ты ночами кричишь,
видишь корни причин.
Утром в ужасе смотришь в трельяж.
Но когда тот, другой,

прилетит за душой,
ты ему своих глаз не отдашь.

Не с крылом серафим,
как виндсерфинг носим,
вырывал и врезал мне язык.
Меня вводит без слов
в симферопольский ров
ангел — Валя Переходник.

Рубаха ги
собака ги
летят под Баха
ту-ру-ру
но сердцу хочется согреться
и потому-то утром рано
тебе из пачки сигаретной
сыграют трубочки органа.

Шлема бы

В Москве, в Баден-Бадене, в вечных исканьях,
беспечный и нищий, как Насреддин,
я вдруг начал падать башкою о камни —
кругом наследил.

Вы же не мальчиколетний,
башка пробита, как дуршлаг.
Купил бы шлем мотоциклетный!
Певчий дурак!

Прошли полосатые Бухенвальды.
Но надо кому-нибудь тешить людей.
Я падаю и расшибаюсь буквально.
И кровью расплачиваюсь своей.

Здесь живший когда-то кумир и гений —
опять совпадение! — позвав на порог,
твердил мои строчки о грехопаденьи,
и в этом, увы, оказался пророк.

Скажу, что за девушку заступился
или просто навстречу попались поэты.
И среди них оказались оппоненты Паулса...
Увы, не кончаются оппоненты.

Я — москвич

Дразня «москвичка, в жопе спичка!»,
вы остроумны и правы.
Я тоже чту и РЭП, и спиричуэлс,
но, вдруг, представьте, нет Москвы.

Нет ни толпы, ни трасс трассирующих,
ни долларовой ботвы...
Москва — это не вся Россия,
но нет России без Москвы.

Сейчас к ней ненависть в зените,
как к инфицированным ВИЧ.
Вы извините,
я — москвич.

Люблю амфирные окошки,
Останкина целебный шприц,
Блаженного торчащих ложкой
лукошки крашенных яиц.

Люблю я кич Moscow-City
и мельниковский зуботыч.
Вы извините,
я — москвич.

В мозгу останется Москва-река,
поэт со спутницей мускатною,
целующийся силуэт...
Как ты, Москва, тогда расквакалась!
Остался цел подлец-поэт!

А мог на елке у Свентицких
свинцовой почести достичь.
Вы извините,
я — москвич.

Москва подземная, которая
наш — в будущее переход,
где выпускник консерватории
на нищей скрипочке поет.

Лица кавказские в транзите.
Вы русский — но ножом не тычь.
Вы извините,
я — не москвич?

Мелодией из Винявского —
слетит на голову кирпич.
Вы, извиняюсь,
не москвич?

Когда нас вьюги заносили,
Москва хлопущою была,
как слепок с гибнущей России,
как маска Пушкина бела.

Ну что ж, звоните, заходите!
Гость ненавязчив, как москит.
Вы извините,
я — москвич.

Живи, страна, стихи муссируя,
меня, как своего, браня.
Конечно, я не вся Россия.
Но нет России без меня.

Время скорби

Понтифик.
Войтыла.
Мы встретились с ним по-тихому.
Этого нам хватило.

Пах Папа фантичным лупинусом.
И в сердце моем батарейки
сели. (Спросил по глупости:
«Вы верите ли в тарелки?»)

Он был когда-то поэтом,
и сам не осознавал —
сутулым зайчиком света
по экранам людским пробегал.

И трепетно, и бессонно
в ночах земных эстакад,
как тремоло Паркинсона,
дребезжал в вагоне стакан...

Опущены в воду деревья,
дрожат, точно белая бровь.
Последним он был, кто верил —
единственное — в любовь.

Я знаю, найдутся противники,
но с цельностью божьих натур
дрожащие пальцы понтифика
играли великий ноктюрн!

Как там он без Буша, без Горби,
без долбаной нашей долбни,
без телечёртика в колбе, —
всех скопом?!.

Лежит он, белый понтифик.
Ни фи́га себе! Без специ́фик!..
Не Понтий Пилат. Понти́фик.
Тих, как Ocean Pacific...

С лицом, как фантик, — Понти́фик.
В стрижке польской «под скобку».

Время скорби...

Чудо

Обижая век промышленный
старомодностью красот,
чудотворный злоумышленник
непонятное поет.

Он садится за рояли,
как незрячий массажист,
чтобы пальцы возвращали
к жизни музыку и жизнь.

Он смущает городами,
что остались под водой,
убиенными садами
под людскою слепотой.

В нем непонятое Время,
когда будет тяжело,
христианскою сиренью
освежит твое чело.

Чудотворный злоумышленник
не исправит никого.
Благодарные булыжники
пролетают сквозь него.

Другой, в Париже охеревший,
подстриженный а-ля Керенский,
напомнил слоган Спиваковых:
«Не спи в оковах!»

Затосковала душа, охромела,
позапропала — не взять под уздцы...
Волки, Ирония и Измена,
режьте ее, санитары души.

Чтоб не томила она, не страдала
там, где нашейные позвонки,
широкогрудая санитарка,
благословенно вонзи резак!

Отговорила душа, отстрадала.
Ноем стыднее болезни дурной
неистребимая, молодая
боль, именуемая душой!

Над скалою
лохматой как крыжовник
невидимо вознесен
ХРАМ

поэтому сбросил крышу
белый прямоугольник
колонн

обрамленный обломками
парусно
призматически строится
вздых

мы с тобой окунаемся
в Замысел
только в замысле Бог

Или в прошлое входим незримо?
или в будущее, увы?
Пилигримы из Третьего Рима
на развалинах первой Москвы?

Мне написали энтузиасты.
Они бригадой хотят своей,
собравши средства, спасти пилястры
усадебны пушкинских сыновей.

Не мне пишите — пишите Пушкину!
Он вас подобными сотворил.
Пишите пилами, пишите стружками.
Всегда Россия — в лесах стропил.

И не поклонничек очерёдный,
а кто по-истинному влюблен,
очарование Гончаровой
повторит линиею колонн.

Характер этот артезианский
из недр прорезывался, когда
только на голом энтузиазме
взвились поэмы и города.

И край с брусничными туесками,
о бессребренном загрустя,
найтишайшим энтузиазмом
Кижисрабатывал без гвоздя.

Не понимаемая тузами, —
разве холодным понять умам, —
зачем на голом энтузиазме
к нам в революцию взвилась Дункан?

Роден работал не алебастром —
только на голом энтузиазме...

Тошнит от нео-Екклезиастов,
кликушества.
Спасибо голым энтузиастам.
Спасибо Пушкину!

Распутин

(На мотив Ш. Нишнанидзе)

Для любовниц Гришенька, для народа Гришка,
перебрал ты лишнего, скоро тебе крышка.

Жизнь свою в камине сожги, как поленья,
посади Империю к себе на колени!

На плече, как сокол, сидит цареныш.
Взвил судьбу высоко, гляди — уронишь.

Берегись, Григорий, Григорий Ефимыч,
шел ты в дом игорный, где выигрыш — финиш.

Девка подозрительная под тобой хлопочет,
или дэвы мстительные над тобой хохочут?

Кто ты? Жизни тризна? Забава ль туристам?
Иль тоска мужицкого авантюриста?

Что за ужас прячется под пьяной зевотой?
Почему ты мучаешь меня сегодня?

Спит страна великая, щедрая и нищая,
голову собора уронив на нивы.

Пробудись, любимая, смахни супостатов.
В небесах проносится планета хвостатая.

Отражаясь в реках и в юбочках валютных,
мчит планета красная. Скоро революция.

Не гласно и не по радио,
слышу внутренним слухом —
объявлен набор в прорабы
духа!

Требуются бессребреники
от Кушки и до Удельной!
Мы — нация Блока, Хлебникова.
Неужто мы оскудели?

Подруги прорабов духа,
молодые Афины Паллады!
Вы выстрадали в клетухах
потрясшие мир палаты.

Духовные подмастерья,
вам славы не обещаю,
вам обещаю тернии,
но сердцем не обнищаете.

С души все спадает рабское,
пустяковое,
когда я вхожу в прорабскую
Цветаева и Третьякова.

Голодных моих соплеменников
Париж озирает в бинокли —
врубил свое чудо Мельников
космически-избяное.

Играет ли Рихтер баллады,
колотит ли рыба по трапу —
я слышу — прорабы, прорабы,
живы прорабы!

Хватит словесных выжимок —
время гранить базальты.
Сколько снесли подвижнически,
сколько мы разбазарили!

Читаю письма непраздные
чистого поколения —
как в школу прорабов правды,
синие заявления!

Требуйте, Третьяковы!
Принадлежат истории
не кто крушил Петергофы,
а кто Петергофы строили.

Но сердце все поторапливает.
Есть в каждом росток прорабства.
Прорабы, прорабы, прорабы,
проснуться пора бы!

Сметет карьерных арапов,
арапов нюха.
Требуются прорабы
духа.

Жемчуг бёклинский светит блёкло,
обблевался сирени куст.
Моя Нобелевка — Рублевка.
На лямках висит Иисус.

Ищет лики на небесах.
Матерится, забыв про стыд.
Христос, прикинувшийся ремонтником,
никогда меня не простит.

До свидания, рукотворное!

Последняя ручная книга.
Последнее прощанье с тайной.
Последнего речного сига
прижизненное трепетанье.

Последнего столетья «книксен»
раскроется обложкой книжки,
как запах фразы земляниковой
из дневника Марины Мнишек.

Прощай, последняя сучара.
Нас заебли эксперименты.
Последняя мысль ручная
последнего интеллигента...

Коровёнки стоят нетучные,
тень орла на них наплыла...
Точно тютчевская туча,
покрывает их тень орла.

Служат Несторы не для евро.
И орел отнюдь не мутант.
Никакие наезды Ездры
высоты его не смутят.

Уклоняясь от аллегории,
приподняв свой дырокол,
в каждом сердце Святым Георгием
побеждается свой орел.

Край, который не понял Сороса,
не приветствовал «Chewing Gum»,
край сочувствия, то есть совести,
боль, подобная жемчугам.

Не предавший тебя ни разу,
что не клал под тебя пластид.
Край, который поймет тебя сразу,
а когда не поймет, простит.

Тихий край Серафима Саровского
и есенинских деревень...
Это все не для постороннего
накрывала орлиная тень.

Дом

Над пряничным крыльцом
стоит среди болтающих
Твой рукотворный дом.

Твой рукотворный дом
не верит в компромиссы.
Пространства за окном —
как вёдра с коромыслом.

Качнутся серебром...
А комнаты — вверх дном!

Тарелками гремишь,
оладьи сотворя.
Материальна мысль,
особенно — твоя.

Живешь под звуки «Мурки»,
но, главное, пардон,
что состоит из муки
Твой мукотворный Дом.

«Кошатница», «собачница»,
как хочешь назови.
Великая создательница
Крыши из Любви!

Струйка воды мелкая
проведена с трудом.
Построен не Америкой
Твой рукотворный Дом.

Твой рукотворный Дом.
С обоев смотрит «Мунк».
То задерешь балкон:
корячится honeymoon.

Шуточки

1. Библия

Там Суламифь в канкан-оргазме
танцует с головой Гонгадзе.

2. Гей, славяне!

Фастум гель...
Фауст — гей?

Все — геи?
Только поэт-гений
постоянно отнекивается: Гейне, Гейне, Гейне.

1

Жанна, дурочка дюссельдорфская,
ты рифмуешься с певчими Drossелями,
в тебе бешеный Дюссельдорф
полыхает от катастроф.

Наблюдается кризис жанра...
Точно утренняя звезда,
золотое желание Жанны
отпечаталось навсегда.

2

Выплачу налоги я
за КАСКО, за меня,
за нанотехнологию
сегодняшнего дня,
за мозг мой обмолоченный
+ 1000 рублей —
на нанотехналожницу
сегодняшних ночей.

Смерть ландышей

Холодящий, как градусник
под мышкой позастревав,
светится хрупкий ландыш.
Он — чистоты реванш.

И в сердце забьются клапаны,
когда принимаешь ты
три ландышевые капли —
гарантию чистоты.

Услышит душа наивная
радонежский звон —
он белый, а не малиновый —
ландышевый он.

Утром встряхнешь, вздохнувши,
два ландыша падших,
как сплющенные ладошки
со срезанными пальчиками,
коснутся воды стакана,
пара перчаток сплющенных.
И — чистота бездыханная.

Забудь ее, чистоту.
Ату ее, как Тату...

Соловьиная перспектива!
Словно точку поняв свою,
люди, фары, заборы, ивы
устремляются к соловью.

Я живу в Твоей перспективе,
с Твоим именем на губе.
Все, что в жизни происходило,
перекрещивается в Тебе.

Но как тянет все примитивней
расширяющийся закон,
где обратная перспектива
новгородских вольных икон...

Возвращение

Нам, застрявшим в метро «Вернадского»,
человек из Космоса повторял:
«Я — Байкал. Объект вращается,
объект вращается. Я — Байкал».

Полчаса осталось. Розовые Вирсаладзе.
По небу полуночи ангел слетал.
«Я — Байкал. Объект вращается,
объект вращается. Я — Байкал».

Стреляли в Брежнева. Цвели бойскауты.
Хочется думать, что он живой.
Исчезла вера, есть зубоскальство:
«В Космосе — герой, на Земле — геморрой».

Омулевый бочонок забайкальский.
Волшебной водою силён Байкал.
Идет тренинг на апокалипсис.
Но парень в Космосе повторял:

«Я — Байкал. Объект вращается.
Пусть прощаются. Прав сигнал».

Летите, люди, в библейском блюде.
Молчит Кассандра в открытой мгле.
Голова в скафандре, как б... на блюде,
прощаясь, бешено летит к Земле.

Металл расплавился. Что со страной?
Полчаса осталось. Судьба вращается.
Пусть в мире сознание развращается!
Дежурный ангел открыл ангар.

Стропы вращаются. Жизнь прощается.
Спросил у встречающих: «Седой я стал?»
«Я — Байкал. Объект вращается,
объект вращается. Я — Байкал».

Ход конем

— Ау меня с загибом,
как у гиббона.

— Интеллигибельно.
Без кондома?

Сдох канон —
ход конем.

Кондоминиум.
Все в масках.
Ум — до минимума,
«Мум» — по максимуму.

Горизонтальный off
по полю с зонтиком идет.
Конь — вертолет шахмат.
Как сверху шарахнет!
Сыгранём.

Слалом, high/speed, домертва!
Не сломай спидометра!

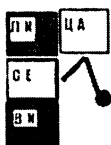
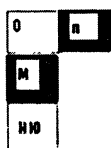
Немок копнем —
ход конем.
Сыгранём крепко!
Кверху донышком опять!
Приземляюсь в новую клетку,
которую не понять...

Е-2, Д-6, Е-15. КОД ОВНА
ДУШОЙ МАХНЕМ
БОЛЬШОЙ КАНЬОН
ХОДКА ДНЕМ

Я верхом на плече у папы,
Войтыла меня с трудом понимал.

Помнится об одном:
уходи-уходи конем.

Полудrugs, полудрём.
Палиндром —
ход конем.

Катёрка

Катер, скатертью дорожка!
За кормой электротёрка,
апельсиновые корки
и серебряные ложки.

Катеркатеркатер — тёрка.
Вложь в теорию средства.
Все картежные шестерки
группируются в сердца.

По воде, как зубья тёрки,
мелкий дождик моросит.
Ты в джинсовой гимнастерке,
я — колючий, я — небрит.

Оборотная поэзия:
вместо телекса — скелет.
С приступом морской болезни
ты двоишься, как валет.

От тебя остались шорты
между кармой и помой-
кой, в шапочке, подобьем торта,
выплываешь за кормой.

Карты, картинги, кретины.
Не понятен океан.
Тёзка катера «Катрина»
смысла Новый Орлеан!

Катастрофы, карты, тёрка, —
все в одном котле кипя,
тёлкатёлкатёлкатёлка,
катер имени Тебя!

Сарынь на кичку!
Пощада — раненым!
Сирень зачитывается Северяниным.

— Ты губы свои называла: «Твой поридж».
Ты помнишь?

Послушай, послушай,
ты помнишь? Ты помнишь?
Сорвавшись с катушек,
мы в царскую полночь
в мохнатом халате погибшие по уши,
лакали какао.

Смешны телепорница!

Базарных баб помнишь?
Навеки запомни
шарпея лобастого, точно пони.

Нам счастье дается,
как чайное — с ложечки.
И будет случайностью,
если сложится.

Двенадцать лет счастья
из жизни не вынем.
Я, как причастием,
дарил тебя именем.

— И я с твоим именем стала другою —
вот именно: праздничной и тугою.

— С колес меня кормишь японскою рукколой.
Меня, безголосого, однорукого.
Те годы обоим — как не бывало.
Срезаешь автограф с обоев подвала.
А время несется, как «скорая помощь»...

— Ты помнишь, Андрюша?
Андрюша, ты помнишь?

Утром вставши, порубавши,
духи бешенства и огня,
как смирительную рубашку,
натягивают меня.

Сколько мужества, сколько муки
в этой близости роковой!
Волосатые чьи-то руки
из моих торчат рукавов.

Скажу милостивым государям:
собирателен мой удар.
Кто скрывается за ударом —
Маяковский или Ронсар?

Через гойевские «Капричос»
просвечивал правды клык.
Сквозь сегодняшние «Кирпичики»
просвечивает мой крик.

Большое заверещание

Поэма

I

Я, на шоссе Осташковском,
раб радиовещания,
вам жизнь мою оставшуюся
заверещаю.

В отличие от Вийона
с Большим его Завещанием,
я в грабежах не виновен,
не отягощен вещами.

Тем паче, мой пиджак от Версаче,
заверещаю.

На волю вышел Зверь послушания.
Запоминайте Заверещание:
не верьте в вероисповедание,
а верьте в первое свое свидание!

Бог дал нам радуги, водоемы,
луга со щавелем.
Я возвращаю вам видеомами.
Заверещаю.

Я ведь не только вводил шершавого
и хряпал на шару!
В себе убил восстание Варшавское.
Заверещаю.

Почетному узнику
тюрьмы «Рундшау»
улётную музыку —
заверещаю.

Мы не из «Новости»,
чтобы клеймить Сороса.
Не комиссарю.

Свобода от совести
не в собственном соусе.
Заверещаю.

Не попку, облизанную
мещанами,
любовь к неближнему
заверещаю.

Зачерпни бадейкой
звезду из лужищ
и прелюбодействуй,
если любишь.

От Пушкина — версия Вересаева.

Есть ересь поколения
от Ельцина до Воцанова.
Я прекращаю прения.
Заверещаю.

II

Не стреляйте по птичьим gripпам,
по моим сегодняшним хрипам!

Над Россией Небесный Хиппи
летел, рассеянный, как Равель.
Его убили какие-то психи,
упал расстрелянный журавель.
Не попадет уже в Куршавель.

«Курлы!»
Не был он рассадником заразы.
Наши члены УРЛЫ
это поняли сразу.

В нашей факанной ошибке, бя!
Остался вакуум журавля...

Его ноги раскладывались
подобно зонтикам.
Его разбросанные конструкции,
нам подпиравшие его экзотику.

(Мы рассматривали его конструкцию.
Под ним оказалась окружающая Земля.
Но нет прекрасного журавля.)

Журавль — не аист, но отчего-то
упала рождаемость, пошли разводы.

Андрей Дмитриевич сказал в итоге:
«Нас всех теперь пошлют строить
железные дороги».

Отто Юльевич промолчал.

И посмотрел в гриппозное небо:
глядели колодезные журавли.
Зураба башни в небе стоят.
Журавль в них вырастит журавлят.
Рюмашка — ножка от журавля.
Не разбей, Машенька, хрусталья.

Ни Журден, ни Чазов, ни Рафаэль
не вернут тебя, долгоязыый журавель.

Мы — дичь.
О наследниках поэтич. и юридич.
скажу впоследствии.
В интересах следствия.

III

Страшно наследство: дача обветшала!
Свою вишутку заверещаю!

Мои вишутки — не завитушки,
а дрожь, влюбленная в руку!
Как будто рыжие веснушки
оставит солнце на реке.

Не политические вертушки.
Даже то, что вы член ВТО.
Вещдок останется как вишутка.
Жизнь — как жемчужная шутка Ватто.

Как вишуткино пролетела
нержавейка воздушная —
метрополитен гениального
Душкина!

Гений, он говорил нам, фанатам:
«Не заклинивайтесь на верзухе!!!
Живите по пернатым, по вишуткам».

IV

Какое море без корабля?
Какое небо без журавля?

Заверещаю все звезды и плевелы
за исключением одного.
Твой царский подарок,
швейцарский плеер,
не доставайся ты никому!

Мы столько клеили с тобой красавиц.
Мое дыхание в тебе осталось.

Тебя я брошу в пучину. За камни.
Мне море ответит чревоуещанием.
Волна откликнется трехэтажная.
Вернисажевая.

V

Лежу на пьедестале в белых тапочках.
Мысль в башке копается, как мышь.
Мой мозг уносят, точно творог в тряпочке,
смахнув щелчком замешкавшуюся мысль.

Нет жизни на Земле. Однако
поклонников зарвавшаяся рать

«завравшегося Пастернака»
(«мол, смерти нет») тащила умирать.

И дуновением нирваны
шло покаяние в Душе.
И в откровении Иоанна
написано, что «смерти нет уже».

Шли люди, взвивши штоф, как капельницы,
жизнь алкая и смерть алкая.
Офицеры, красавцы, капелевцы
шли психической атакою.

И с пистолетами, и с удавками,
нас теснили, хоть удержишь.
Толкая перед собой жизнь неудавшуюся,
как будто есть удавшаяся жизнь.

Нет правды на земле, но правды нет и выше.

Все — папарацци. Я осознавал,
как слышен дождь, идущий через крышу,
всеобщей смерти праздничный хорал.

Диагноз: плексит.
Господь простит.

Лангетка —
вроде голландского ландскнехта.

Боль крутящая, круглосуточная.
Это не шуточки...
Боль адская!
Блядская акция.

В небе молнии порез.
Соль щепоткой, побожись.
Жизнь — высокая болезнь.
Жизнь есть боль, и боль есть жизнь.

VI

Не думаю, что ты бессмертна,
но вдруг вернешься
в «Арбат Престиж»?
Или в очереди на Башмета
рассеянно у соседа
ты спросишь:
«Парень, что свиристишь?»

Ты никогда не слыхала голос,
но узнаешь его из тыщ.

В твоём сознании раскололось:
вдвоем со мною засвиристишь.

Пустая абстрактнейшая свирельщина
станет реальнее, чем Верецагин.
Единственная в мире Женщина,
заверещаю.

Чуир, чуир, щурленец,
глаукомель!

P. S.

Стрелять в нас глупо, хоть и целебно.
Зараза движется на Восток.
И имя, похожее на «Бессребренников»,
несется кометно черным хвостом.

Люблю я птичью абракадабру:
пускай она непонятна всем.
Я верую в Активатор Охабрино (!)
из звездной фабрики «Гамма-7».

В нашем общем рейсе чартерном
ты чарку Вечности хватанешь,
и окликнет птичью чакру
очарованный Алконост.

Арифметика архимедленна —
скоростной нас возьмет канун.

Я вернусь спиралью Архимедовой:
ворона или Гамаюн?

Не угадывая последствие,
распряжится моя душа,
как пересаженное сердце
мотоциклиста и алкаша.

Все запрещается? Заверещается.
Идут циничные времена.
Кому химичится? В Политехнический.
Слава Богу, что без меня.
Политехнический, полухохмический,
прокрикнет новые имена.

Поэты щурятся из перемен:
«Что есть устрица? Это пельмень?»
Другой констатирует сердечный спазм:
«Могут ли мужчины имитировать оргазм?»
И миронически новой командой —
Политехнический Чулпан Хаматовой.

Все завершается?
ЗАВЕРЕЩАЕТСЯ!

Р. Р. S.

И дебаркадерно, неблагодарно,
непрекращаемо горячо
пробьется в птичьей абракадабре
неутоляемое «еще!»

Еще продлите! Пускай — «хрущобы».
Жизнь — пошло крашенное яйцо!
Хотя б минуту еще. Еще бы —

ЕЩЕ!

Прожилки прозы

Одно слово его вернее, чем вереницы слов о нем. Хотите знать о Пастернаке — читайте Пастернака. Зачем вместо единственного выбранного поэтом нагромождать сотни околичностей? Словно крупные купюры алгебры разменивать на медь арифметики. Наверно, статьи о поэзии пишутся с подсознательным физическим наслаждением процитировать. Поэтому лучше начну с цитаты.

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала
И ошибкам моим не судья...

И хоть рухнула счастья твердыня
И обломки надежды на дне,
Все равно, и в тоске и в уныньи
Не бывать их невольником мне.

Сколько б бед ни нашло отовсюду,
Растеряюсь — найдусь через миг,
Истомлюсь — но себя не забуду,
Потому что я твой, а не их.

Ты из смертных, и ты не лукава,
Ты из женщин, но им не чета,
Ты любви не считаешь забавой,
И тебя не страшит клевета...

Байрон или что иное было поводом для этих чудом выдохнутых строк? Такая грусть, печаль такая. Какое нам дело?

«Звездное небо» — называется последний сборник Бориса Пастернака. Подзаголовок, что это переводы, вряд ли что добавляет.

Собственно, поэт всегда трансформатор. Поэзия всегда лишь перевод, способ переключения одного вида энергии—

скажем, лиственной энергии лип, омутов, муравьиных дорожек — в другую, в звуковой ряд; зрительного — в звуковой. Чтобы дошло до адресата, нужно лишь запаковать, заколотить в ящики четверостиший!

Дай запру я твою красоту
В темном тереме стихотворенья.

Поэзия — лишь мучительное разгадывание невнятного подстрочника, называемого небом, историей, плотью, темно-го, как начертания майи, и попытка расположить строки приблизительным подобием его, но внятным нашему разумению и способу общаться.

Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В этой книге таким источником для трансформации служат не существа — лось, война, липы, — но Китс, Рильке, Петефи.

Избранничество человека в ряду других предметов природы — в способности создавать природу новую, небывалую доселе. Скажем, «Фауст», Кижиги или «Соловьиный сад», однажды сотворенные, существуют уже автономно, со своей судьбой, развитием. Однажды изображенные, они становятся сами объектом для отображения.

«Звездное небо» — ряд пленэров, этюдов в дебрях культуры, и встреча поэта с Лютером, Незвалом не менее ошеломительна, чем с вепрем, лешим или полевыми планами, в которые внезапно оступаешься с лесного обрыва.

Моя любовь — дремучий темный лес,
Где проходимцем ревность залегла
И безнадежность, как головорез,
С кинжалом караулит у ствола.

И, конечно, пастернаковский Гете к «Фаусту» Холодковского имеет лишь косвенное отношение, как пикассовский «Дон-Кихот» — к «Дон-Кихоту» Доре.

Леонардо да Винчи сетовал в трактате о живописи, что художники пишут, изображая в персонаже себя самих, «ибо

это вечный порок живописцев, что им нравится и что они делают вещи, похожие на себя».

Переводчик, если он подлинный поэт, — такой портретист. Это присутствие судьбы, характера, воли поэта и притягивает нас к стихам.

Ты спала непробудно в гробу
В стороне от вседневности плоской.
Я смотрел на твою худобу,
Как на легкую куклу из воска.

Как проступает сквозь строки эти «Недотрога, тихоня в быту». А дальше:

Я укрыться убийцам не дам,
Я их всех, я их всех обнаружу.
Я найду, я найду их. Но сам,
Сам я всех их, наверное, хуже.

Читать эту книгу — скулы сводит.

Вся книга — дактилоскопический оттиск мастера, его судьбы. Даже когда натыкаешься на вещи, написанные скованно, через силу — для хлеба насущного, — даже, может, особенно тогда это самые горестные, берущие за сердце строки. Сердце сжимается от горестной ноты художника, заложника вечности в плену у времени. Так и видишь мастера в рубашке, закатанной по локоть, словно знаешь все о нем — и как в дачные окна тянет ночным июнем и яблоней, и как тянет писать свое, и квадрат бумаги так вкусно разложен, холка светится, под ложечкой уже посасывает, и вот-вот это начнется — а тут этот чертов подстрочник, и надо как-то жить, и он досадует, и лицо его отчуждено, и он отпугивает, отмахивает бабочек, залетающих на свет, на рубашку, в четверостишия, он отгоняет их и отряхивает холку, и первая строка идет как-то с трудом, через силу будто («радостнее, чем в отпуск с позиции»). Но ритм забирает, и уже понесло, понесло:

Редкому спится. Встречные с нами.
Кто б ни попался, тот в хороводе.
Над ездовыми факелов пламя.
Кони что птицы. В мыле поводья.

И пошло, пошло, пошло, в праздничном махе сердечной
мышцы летят фольварки, и дьявольщина погони, и Шопен,
и такая Польша, Польша, — как там? — «Простите, мне надо
видеть графа. О нем есть баллада, он предупрежден...»

Молча проходим мы по аллеям.

Дом. Занавески черного штофа.

Мы соболезнаем и сожалеем.

В доме какая-то катастрофа.

.....

Едемте с нами в чем вас застали.

К дьяволу карты! Кони что птицы.

Это гулянье на карнавале.

Мимо и мимо, к самой границе.

Сердцевина книги, ее центр — два мощно сросшихся ство-
ла, два рильковских реквиема, их разметавшиеся кроны
и корни выходят за пределы книжного формата, лишь угады-
ваются и шумят в иных измерениях. Наверно, и издавать их
надо было отдельно, как берлинцы издают — долгим верти-
кальным форматом, как колодезная шахта.

Впрочем, и вся книга — в чем-то праздничный реквием по
тому, что могло бы быть на месте этих переводов. Поразительно,
сколько сотворил он: Шекспир, весь; «Фауст», любому бы
хватило на жизнь, — и сколько бы он создал, не занимаясь
этим. Горестно, какой ценой, какой кровью давалось это
донорство, писались эти строки. Строки этой книги бесцен-
ны — такой ценой они оплачены. Переводил других — себя,
свой дар переводил. И какой дар!

Но вернемся к созданному. Сквозь решетку строчек видны
лица и места пережитого и виденного.

Вот Венеция:

Как будто кот за мышкой малой

Бросается из темноты,

Над тихой водой канала

Подскакивают вверх мосты.

Сквозь рынки, готику, бородачей «Лютера» просвечивает
Марбург.

Однажды мне довелось проникнуть в его кладовую, к исто-
кам мастерства, в роддом его, что ли. Это был Марбург. Везти

меня туда не хотели. Меня отговаривали. Мол, зачем давать крюка, не запланировано, завтра вечер в Ганновере. Я отмалчивался. Я-то знал, что, может, все эти запрограммированные телестудии, месячные вечера, пресса — были лишь даванием кругляра ради Марбурга, ради нескольких часов в нем. И даже встреча с Хайдеггером, часовые колдовские диалоги с ним о слове и сущности слова имели подсознательную параллель с Когеном. Это был мостик туда. Даже избрание в Баварскую Академию искусств я рассматривал как естественное приближение к Марбургу. Сознание инстинктивно расставляло шахматную ситуацию, где марбургские колокольни, где ночи садятся в шахматы.

«Охранная грамота» была библией моего детства. Я страшицами шпарил текст наизусть без передыха. В Марбург я ехал тайком, не оповестив никого, ехал соглядатаем, на цыпочках поглядеть, подслушать.

Марбуржцы встретили на перроне, как снег на голову, без шпаг и самострелов, в лыжных нейлоновых «молниях», с велосипедами, поволокли в «мерседес». Мимо окон удлинялись параллелепипеды новых зданий.

Марбург двухэтажен, как дом с каменным низом. Подножие — современные строения, новый университет. В нем мы. Дымом встает над ним старый город с когтистой готикой. Он будто горб на горе или, вернее, будто рюкзак, в котором угадывается и вот-вот выхлестнет скрытый шар парашюта. Он полон обычаев, обрядов, охранной грамоты.

До утра шел студенческий сыр-бор, как водится, с водкой, свечами, вакханалией, политическими спорами. Марбуржцы угощали меня пивом и записями Окуджавы. Ковер был мохнат, и на нем можно было валяться. Переводчик моей книги Саша Кемпфе, милый увалень, не выдержав режима, удалился спать.

Я ускользнул в Старый город. Был рассвет. В уличном автомате за стеклом ждали пфеннигов сигареты и завернутые в целлофан живые тюльпаны. Я искал его адрес. Старый город был инсценировкой по «Охранной грамоте». Дома срепетированно повторяли позы и жестикуляцию текста. Я кивал, когда это им особенно удавалось. Вот здесь жил Мартин Лютер. Здесь — братья Гримм. Когтистые плиты. Мы думали, Пастернак — фантаст, Клее, а он — нате вам! — скрупулезнейший документалист. Так же ошарашивают пейзажи Михайловского — сосны, дуб. Гении точны, как путеводители. И тот же дом, где он жил, — седой, аляповатый.

Дом напротив бензозаправки «ЭССО». Фрау, отворившая дверь, конечно, знает о Пастернаке. Она новенькая и элегантная. Вот только в какой комнате — в этой, в той ли, — не знает. А в окнах стояли туманные матрицы текста. Алые бензоколонки, как бубновки и черви, были перетасованы с черной решеткой готики.

На поезд я, понятно, опоздал. Владелец местной картинной галереи еле домчал нас на запыхавшемся «БМВ» к началу вечера в Ганновере.

Переводы Пастернака — это доминионы его державы. Это прочтение средневековья глотками актеров нашего века. Переводя Шекспира, он вдруг наталкивался на цитаты из Маяковского. Например, Ромео говорит там о любовной лодке, разбившейся о быт. Это не влияние, а совпадение судеб. Это заклепки, соединяющие времена, нации, судьбы. Иначе к чему бы читать все это, если все замкнуто исторически.

Тема женщины — сквозная тема поэта.

...Я ранен женской долей,
И след поэта — только след
Ее путей, не боле...

«Звездное небо» — еще раз подтверждение тому. Он и «Фауста» где-то перевернул. У Гете второстепенная героиня, Маргарита у Пастернака овладевает вещью, вдыхает в нее жизнь, боль.

Как прерывисто дыхание песенки Гретхен.

Его походкой,
Высоким лбом,
Улыбкой кроткой,
Глазами, ртом.

Уменьем чаруя
Вести разговор,
Огнем поцелуя
И взглядом в упор.

Нет покоя, и смутно,
И сил ни следа,
Мне их не вернуть,
Не вернуть никогда.

У меня хранится пастернаковская рукопись перевода «Фауста», где этот первоначальный текст песенки Гретхен просвечивает, как сквозь лапчатую хвою, сквозь игольчатые летящие строки новых четверостиший.

Обычно он не любил оставлять видимыми черновые тексты — их либо уничтожал ластик, либо они заклеивались полосками бумаги, по которым сверху вписывались новые фразы, чтобы даже машинистку не смущали эскизные варианты. Этому экземпляру рукописи повезло. Тьма страниц перекрыта размашисто горизонтальным карандашным письмом.

Дивисься неудовлетворенности мастера. Теряешься, какой вариант лучше. Порой автор прощается с шедеврами, щедро заменяя их новыми. Смущенно вглядываешься в просвечивающие тексты, как реставратор открывает под средневековым письмом прописанные сады Возрождения. Будто Рублев пишет поверх Дионисия.

Вот пейзаж Вальпургиевой ночи:

Как облик этих гор громаден.
 Как он окутан до вершин
 Ненастной тьмой отвесных впадин
 И мглой лесистых котловин.
 Всю ширь угаром черномазым
 Обволокли его пары,
 Как бы обдав подземным газом
 Из огнедышащей горы.

Великолепно. Но мастер переписывает заново — лесистые котловины уходят в подмалевок. Дух захватывает от нового варианта:

И гарь с оттенком красноватым,
 Воспламеняясь там и сям,
 Ползет по этим горным скатам
 И прячется по пропастям.
 Как угольщики, черномазы
 Скопившиеся в них пары,
 Как будто это клубы газа
 Из огнедышащей горы.

А под этим еще и еще слои. Помните?

Когда мы по Кавказу лазаем,
 И в задыхающей раме

Кура ползет атакой газовой
К Арагве, сдавленной горами...

И так повсеместно. Исследование рукописных текстов Пастернака — особая тема. Размеры статьи позволяют ее коснуться лишь мельком. Особенно повезло Мефистофелю. Писать его вкусно, упиваясь всеми этими речевыми «хахалями», «белендрями» и пр. Вот хотя бы прежний вариант:

Она знаток физиономий
И нюхом поняла меня, —

с наслаждением заменяется на:

Она, заметь, фizioномистка
И раскумекала меня.

Или злой дух нашептывал Маргарите в соборе:

Гретхен, прежде по-другому,
В чистоте души невинной
К алтарю ты подходила,
По растрепанным страницам

Робко лепеча молитвы,
Детской мыслью в детских играх
И наполовину с богом —
И какая перемена...

И так дальше, вся страница этим шепотком — та-та-та...

В новом варианте злой дух гудит, и в его ритме, во внутреннем жесте звуковой спаянности, которая крепче рифмовки и мелодичности, слышатся загудевшие своды собора:

Иначе, Гретхен, бывало,
Невинно
Ты к алтарю подходила,
Читая молитвы
По растрепанной книжке,
С головкою, полной
Наполовину богом,
Наполовину
Забавами детства...

Маргарита отвечает:

Опять, опять они,
Всё те же думы...

И в слове «думы» слышится «духи». Верхогляд даже зарифмовал бы их. Мастер оставил одно. Думы обертываются духами. И наоборот. Или еще:

Нет, я не мог бы никогда
Усвоить сельские привычки,
Забравшись к черту на кулички.

Крепко? Другой бы так и оставил. Но летящий карандаш вдыхает божество в эти строки:

Безвестность мне была чужда,
Глушь не развеяла бы грусти,
Не ужился б я в захолустье.

Ах, эти щемящие «глушь» и «грусть»... Глушь грусти и грусть глуши...

Искусство парадоксально. Чем больше приближаешься к натуре, к подлинности, к сути изображаемого, тем больше выражаешь себя, свою индивидуальность. И наоборот. Наиболее яркие индивидуальности, наиболее субъективный взгляд и дают нам объективный образ предмета.

Такого гетевского Гете мы не имели на русском до Пастернака. Поразителен масштаб Пастернака-переводчика. Такого ни русская, ни мировая поэзия, пожалуй, не знали, — тома, тома...

Просветительная роль его велика. После себя он оставил школу перевода-подвига. Судьба его сводит на нет миф о поэте с пастушеским интеллектом. Поэт денно и ночью, как в саду, работал, на своем горбу нес нам человеческую культуру, как нашу культуру — человечеству.

Причем это было на такой высоте и самоотдаче! Не много строф таких пронзительно высоких в мировой поэзии, как этот поверх машинописи парящий карандашный почерк во вступлении к «Фаусту»:

Им не услышать следующих песен,
Кому я предыдущие читал.

Непосвященных голос легковесен,
И признаюсь, мне страшно их похвал...

Один у книги недостаток — мал тираж. Да и любой тираж был бы недостаточен. Это — чудо, создание человеческого гения, и сколько бы потеряла природа, если бы свои творения (скажем, тополя, или журавлей, или косуль) заселяла бы тиражом всего в несколько тысяч экземпляров.

«Звездное небо» — создание того же ряда.

Да, еще. Просто не могу оторваться от обаяния этих строк:

Но суть не во вкусе,
Не в блеске работы.
Стихи мои — гуси
Порой перелета.

На этом кончим.

Лебединый рубанок

С Василием Васильевичем Казиным мы более десятка лет прожили под одной крышей, через стенку. Он был добрым соседом и в жизни, и в литературе.

Вставал он вместе с птицами, вместе с трогательно воспетым им солнцем. Чуть свет вы встречали его юркую цепкую фигурку на участке. Он скакал по дорожке, склонив голову набок, подобно певчей птичке, обыденной, пока не запоет. У него был птичий носик, серо-желтоватые зрачки под моргающими ресничками, хитрая усмешечка, мелкая шустрая походка, одет он был всегда опрятно. Он был вечно озабочен, что-то поправлял, обстукивал либо трусил снимать стружку с не потрафивших ему ремонтников. В конторе поселка его побаивались.

Он въедливо распекал просветленных выпивох, проложивших через наш двор великую тропу в магазин. Распивали у нас за домом. Какие душевные характеры раскрывались!

Недавно, готовя юбилейную передачу, телевизионщики нашли в казинской библиотеке мою книжку с подписью:

«Кто в казино,
а кто к магазину...
Я — к Казину».

Сам он подписывал книги степенно, без стандартного «с любовью», «на дружбу», а обязательно в стихах, часто рассказывал про Есенина, показывал их совместные исторические фото.

Сын водопроводчика, он чуял трубы отопления, подобно музыканту или врачу выстукивал их, узнавал их недуг по звуку. Он научил меня проливать воду в системе, чтобы ее не разорвало в крещенские морозы.

Порой за бытом, за суетной жизнью, мелкими счетами люди забывают, кто рядом с ними. А его называли когда-то пролетарским Тютчевым и городским Есениным. Родоначальник рабочей поэзии, он был самым звонким, самым чело-

вечным из поэтов «Кузницы». Где схемы Пролеткульта? Остались стихи Казина.

Ой, сколько, сколько майских луж,
Обрезков голубого цинка!

Так ли прост был этот рабочий паренек, сын водопроводчика? У него народный вкус, на мякине его не проведешь, не всучишь фальшивку.

«Настоящим наставником своим я назвал бы Андрея Белого, — говорил он. — Человек высокой культуры, постоянного горения, он заставлял вслушиваться в звукопись:

Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.

Ему, Андрею Белому, обязан я своим:

Живей, рубанок, шибче шаркай».

Как резко свежо звучит ритм этот среди анемичной унылости многих сегодняшних стихов! Как профессионально точно, зорко схвачен изгиб ручки рубанка, оказывается, схожий с лебединым изгибом.

Другой поэт с профессионализмом пианиста так же точно увидел лебедя в белом перистом крыле клавиатуры.

Я клавишей стаю кормил с руки...

Все это разговор не дилетантов. Кстати, думаю, могла бы быть собрана ослепительная антология: «Лебедь в русской поэзии». В ее стаю слетелись бы и пушкинская Лебедь, и «Лебеденок» Цветаевой, и плененная «Лебедь в зоопарке» Заболоцкого.

Мы читаем в стихотворении Казина строки, посвященные вдохновенному хозяину соседней дачи:

Так уж повелось вот,
Что, как на уроке,
С трудностью, но жадно
Глазом каждый раз
Я вбираю в душу
Эти чудо-строки
С фейерверком бьющих
Образами фраз.

Мэтром его стихов был Андрей Белый. Разбирая казинское стихотворение «Каменщик» в московском Пролеткульте, Белый нашел его первоклассным и сказал, что «общий смысл стихотворения, заключающийся скрытым образом в ритмах и звуках, значит: “Утро трудовой культуры”».

Это была эпоха рубанка. Россия разрухи и гигантской энергии надежд входила в эру деревянного конструктивизма.

Первый Мавзолей был деревянным. Дети плотников сколачивали новую жизнь. Смоляной стружкой пахнут строки Казина.

У меня на шкафу вот уже несколько лет стоит отшлифованный ладонью рубанок с не нашим клеймом на оселке. Поэт и сенатор Юджин Маккарти подарил мне его, когда я навестил его сельский дом. Это рубанок прадеда, реликвия рода. Этим рубанком строилась молодая республика. Они дружат, эти рубанки труда и поэзии, отполированные руками мастеров.

Природа — мастерская для Казина.

Впервые он напечатался до революции в газете «Копейка».

Целый день высоты зданий

Мерит искристо капель —

это глазомер не бездельника. И Блок, и Гумилев предсказывали Казина, загадывали приход рабочего поэта, для одних он виделся планетарным спасением, для других — вселенским хамом, но пришел паренек со светлыми ресницами и глазомером столяра. Хотите принимайте, хотите нет, но я такой. Именно его выделила рабочая стихия, именно такого поэта. Остальные оказались жестяными манекенами.

«Своеобразно объединены рабочие процессы и картины природы», — писал о нем Брюсов. И позднее продолжал: «О поэтах “Кузницы” спорили и спорят много и ожесточенно. Не потому ли это, что в “Кузнице” есть поэты, есть о чем спорить? Может быть, в стихах поэтов других пролетарских групп и гораздо правильнее пересказаны партийные и иные директивы, но стихи эти бедны пока и по прочтении забываются... А вот стихи Кириллова... Казина — в истории русской поэзии останутся».

Наперекор гигантомании Пролеткульта, где трубят великаны, наш поэт искренне писал, не прибавляя себе роста:

Маленький, маленький, по тротуарам

Я шагаю, рассыпая теплый звон...

Он любил не абстрактную схему, а жену свою, степенную красавицу с прямым пробором Анну Ивановну, тишайшую, как светлое страдание, дочь, сына, внуков. Жил небогато, был чужд барства. Был влюбчив.

Дружил он со Степаном.

Странно высокий, прямой, с маленькой белоснежной головкой, бывший красный сибирский кавалерист, тот жил через дорогу, на углу, в темной, цвета палой вишни даче среди елей в снегу.

Нынешнему искушенному читателю, избалованному интимными откровениями и переизданиями классиков века, наверное, трудно понять успех Степана Щипачева. Он стал популярен в 40-е годы, миллионы школьников знали наизусть «Скамейку». Строка его была забывдкой в петличке колючей шинели.

Есенина тогда практически не издавали, за увлечение им прорабатывали на собраниях, исключали из комсомола. На лирику был голод, миниатюры Щипачева стали лирической дозой тех лет. До и после. Пуританизм долго упорствовал. Недавно, увидев в своем первом сборнике «Осень», посвященную Щипачеву, я поразился, как она была обстрижена по пуританским рецептам. Потом она много раз переиздавалась в нормальном виде, я и забыл даже, что бывали хмурые времена огурцовых.

Глуховатым говорком на «о» Щипачев читал Тютчева, пораженный сердечным срывом ритма строки:

О как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Он много сделал для нравственной атмосферы в литературном кругу. Редкостной порядочности и щепетильности был он. Чужой удаче радовался как своей. Став московским секретарем, мог ночью позвонить, поздравить с публикацией.

«Юноша с седой головой», как самозабвенно он любил чужие стихи, напрочь лишенный чувства зависти и ревности, двигателя стольких литературных индивидуальностей! Смущенно откашлявшись, он дал почитать мне дневниковую северянинскую поэму «Колокола собора чувств», упоенное воспоминание «короля поэтов» — с Маяковским по Крыму, — полное бурной иронии и любовных куролесов. Он восхищался названием. Вообще у этих, казалось бы, столь далеких поэтов были общие мотивы.

Она идет тропинкой в гору,
 Закатный отблеск по лицу
 И по венчальному кольцу
 Скользит оранжево. Бел ворот
 Ее рубашечки сквозной...

Строки эти, помеченные июнем 1912 года, некий зыбкий, чувственный свет, не жест стиха, нет, именно световая недосказанная тяга роднит со строками, написанными другим, седовласым поэтом ровно через сорок лет, в 1952 году:

На ней простая блузка в клетку,
 Идет, покусывает ветку.
 Горчит, должно быть, на губах.
 Июнь черемухой пропах.
 Он сыплет легким белым цветом
 На плечи женщине, на грудь.
 Она совсем легко одета,
 Идет, поеживаясь чуть,
 То с горки тропкою сбегает,
 То затеряется в листе...

Некое смятение, колдовство тайны и молодого движения сближает эти мотивы столь далеких поэтов.

В бытность мою начинающим поэтом, узнав, что я маюсь в городе аллергией, не зная меня лично, Степан Петрович нашел меня и поселил в пустующей своей даче, под каким-то предлогом съехав в Москву. Кто бы еще совершил такое? Целую зиму я прожил на его мансарде, среди книжных полок, бытового аскетизма, душевной опрятности, тщетно пытаюсь понять натуру седого певца светлых строк, застенчиво и внутренне очень одинокого романтика.

Наверное, порядочность, внутренняя чистоплотность и сближали его с Казиным. Они оба ни при каких погодях, ни при мирных, ни при грозных, ничьей судьбе не нанесли зла.

О чем говорили они, два друга, один отрешенно высокий, другой щемяще маленький, моргающий ресничками, уходя заснеженными переделкинскими дорожками? Об ушедших рыцарях Пролеткульта? Об архаике веры?

Сегодня нет ни их, ни их переделкинских великих соседей. Они проходят, не оставляя следов на несмятых снегах.

С Леонидом Николаевичем Мартыновым отношения были куда более дистанционными.

Хранитель огня, пустынный XX века, далекий от литсуеты, он уединялся в свою крупноблочную пещеру, окруженный собраниями древних камней и фолиантов. В нем отставало время. Сам похожий на седой, обветренный валун, он закрывал глаза и часами просиживал в углу протертого исторического дивана. Там, полуприкрыв веки, он бормотал свои колдовские строки — весь слух, весь наедине с веком.

Напиши он только одно «Лукоморье» или «Прохожего», он и тогда был бы поэтом высочайшей парнасской пробы.

Вы встречали —
По городу бродит прохожий.
Вероятно, приезжий, на нас непохожий?..

Да! Имел я такую волшебную флейту,
За миллионы рублей ту не продал бы флейту...

Но, друзья, торопитесь, — я скоро уеду!..

Чудо пребывания поэта на земле, увы, недолговечно. Мы мало прислушивались к его флейте, мало успели сказать ему.

Меньшой брат Державина, Баратынского и Хлебникова, товарищ Заболоцкого, Мартынов пел о нашем существовании, о днях НТР торжественным слогом «Слова о полку Игореве».

Но чем больше он углублялся в себя, тем непримиримее вторгался в сегодняшние бури.

Бессребреник, он был рожден для поэзии и жил ею, самостью ее. Он мыслил рифмой. Как-то ему заказали статью. Так он сначала написал стихи на эту тему, а потом переложил написанное в прозу. Иначе он не мог.

Мартынов своим присутствием ограждал поэзию от банальщины. Страшно ранимый, он по-мужски скрывал это — характер имел непреклонный. Слабости свойственны и великим. Однажды покривив душой, выступив против Пастернака на собрании, исключившем поэта, он всю жизнь казнился этим, это как бы источало его изнутри.

В своей книге Д. Самойлов едко пишет и о нем: «Я никогда не слышал, чтобы он кого-то хвалил конкретно. Кажется, ему нравился Вознесенский за “новизну”. Ахматова не нравилась ему за “старомодность”». Да, он одобрял «Гойю», куски «Озы», «Велосипеды». Он требовал свежести и непохожести образа. Когда мы выступали в Париже, он выговаривал мне: «Но это же было...» — «Да не было, у кого же было-то?..» — упирался я. Наутро он виновато пробубнил: «Вы правы, это новое...»

Жизнь была сурова к нему, била нещадно — он же платил ей бессмертными стихами. Он располагал стихи свои на бумаге подобно самородкам свободной формы, уральским самоцветам или кускам породы с прожилками прозрений. Как писал он о Есенине — «даже неудачи его гораздо плодотворнее, чем удачи посредственности».

Мартынова можно читать наизусть до утра — а это единственная мера подлинности поэта. Живут стихи. Мы больше не услышим его флейты — но осталась запись.

...Вы ночевали на цветочных клумбах?..

...Из смиренья не пишутся стихотворенья...

...Солнце, радость ты моя и горе...

...Человечеству хочется песен...

...Но, друзья, торопитесь, — я скоро уеду!..

Он умер в тяжелый для сердца год взбесившейся активности солнца.

Три встречи со «Словом...»

Уже в самом заглавии закодировано содержание: «слОвООплъкуиГОревиГОрясынаСвятОслаВляВнукаОльГО-ва...»

Вглядитесь — это четыре черных солнца предзнаменования и одно светлое солнце зачина, скрытое, как в туче, до поры до времени в слове «плъку» (а затем в бескрайнем заголовке горят два солнца 3-го дня и торжествующе солнце концовки). Вслушайтесь, как в гулком «у» «трубы трубят» и кони ржут за Сулою свое «иго-го»!

Но главное — в этих распавшихся кольцах «О» видятся разрозненные, раскатившиеся звенья цепи единства. Распалась цепь русских княжеств. «О Русская земля...»

В моей жизни было три важных встречи со «Словом».

1. Впервые я прочитал его в детстве вблизи церкви Покрова на Нерли, этой лирической кувшинки нашей архитектуры XII века, как известно, современницы «Слова». Под угольной железнодорожной насыпью она была для меня Ярославной, спустившейся в наши низины. Первоначально интерьер ее под белой скорлупкой был плотно, жарко расписан, подобно Дмитровскому собору. Эта исчезнувшая живопись для меня улетела в красочность Слова.

Тогда мало кто знал о жемчужине на Нерли. Луговая тропа к ней не была протоптана. По-юношески наивно я считал своей миссией воспеть ее, продолжить в поэзии. Помню, как непросто было напечатать в газетах «Литература и жизнь» и «Владимирский комсомолец» одно из первых стихотворений, посвященных ей. Это уже потом писать о ней стало модой, ее заслонили автобусные туристические трюизмы. Она же до сих пор для меня остается белоснежною незахвачанной сестренкой «Слова».

2. К текстологическому изучению шедевра меня подтолкнул в студенческие годы Н.Н. Асеев, искряще-сухой старик, страстно влюбленный в летописи, «Повесть временных лет» и Хлебникова. От него я впервые услышал о Д. С. Лихачеве, наместнике «Слова» на земле. Помню, как радовался Асеев

присланному переложению текста молодого облученного солдата В. Сосноры. Я полюбил Соснору как поэта, хотя и считал, что переводить «Слово» стихами невозможно, да и не нужно. Ближе всего к сути прекрасный лихачевский дословный перевод. «Слово» надо читать по-славянски, как было написано, что довольно несложно, а трудности вознаграждаются наслаждением при прочтении.

3. Тынянов писал, что в нашей истории есть периоды, когда «Слово» оживает в современной поэзии. Он называл Хлебникова. Как счастливо соединились этой осенью три юбилейных солнца нашей поэзии — «Слово», Хлебников и Есенин! Есенин обожал «Слово». Не от «Слова» ли идет этот чувственный метафоризм — главная особенность белокурого лирика? Думаю, что в строке «кричат телеги в полночи, точно лебеди вспугнутые», таится зачаток есенинского «Пугачева».

В 60-е годы во взлете поэзии мне чудилось живое присутствие «Слова». Может быть, безотчетно мои сотоварищи повторяли в своей поэтике его черты.

Это прямое обращение к слушателю, «устность письма», это стремительный метафоризм, резкие временные смещения, славянизмы сквозь современность («светофоры — Святозары»), употребление числа (4 солнца, 10 соколов, не случайно в нашей древности число обозначалось буквой), поэзия символа и публицистичная злободневность, безоглядное называние имен врагов, новизна формы, языка, современность, тяга к жанру небольшой поэмы — все ведет к «Слову». В зачинах поэм и стихов бывало обращение к нашим Боянам — часты были упоминания Маяковского, Цветаевой, Пастернака.

Да не в этих деталях дело!

В поэзии царила общественная нота. О чем бы ни писалось, за всем виделась судьба страны, ее боли и надежды. Даже в интимной лирике — в наших Ярославнах мы видели черты страны. Порой общественные темы решались «по-Игровому» — на свой риск и страх.

Сколько значений открывается в «Слове»!

Сегодня оно призывает к единству поэзии, будто нынешних удельных стихотворцев стыдит: «Ибо сказал брат брату: “это мое и то мое тоже...”» Не благодаря ли этим междоусобным распрям поэзия теряет сейчас массового читателя?

Много и дорогих мне частных. Например, на звуковую метафору меня натолкнула строка о Бояновой мысли. Сколько дискутировали об этой загадке текста! Одни читали «мыс-

лию», другие считали, что переписчик ошибся и надо читать «мыслью», т. е. «мышью, белкой». Я думаю, что эти два понятия счастливо слились в одном слове — соединив и мысль и образ. Как огненно эта белка-мысль взвивалась по древу!

Таких драгоценных загадок тьма в тексте. Как счастливо наша поэзия началась со «Слова»! «Вначале бе Слово. Слово бе Бог», — повествуют старые словеса. В нашем случае это звучит буквально.

Наивные и иронические дети нового времени, мы пили из кофейников Прокофьева и Кафки.

Помнится, меня пригласили почитать стихи студенты и профессора Московской консерватории. В первом ряду партера опирался на палку Генрих Густавович Нейгауз, шевеля велюровыми усами и бровями. Несмотря на наше знакомство по пастернаковскому дому, я робел от его присутствия. Одна неверная нота — и он застучит палкой, затопает ногами, накричит...

Подошла юная Ирина Бочкова, тогда еще студентка.

«Что вам сыграть перед стихами?» — Она ждала ответа, наклонив набок голову, словно касаясь щекой скрипки.

«Прокофьева!»

«Я так и знала»...

В те годы мне открылась новизна Прокофьева, его 1-го концерта, нерифмованной музыки, присутствием трех кубических апельсинов над снежной спячкой, гениальности в чистом виде, новой гармонии. Праздничной, плотской, внезапно открывшейся «новой простоты», преобразившей нашу прозу. Прокофьев — апокриф асфальта. Ирония его была остужена Вечностью.

Шесть раз, добыв билетик у колонн Большого, а то и на прорыв, столбенел я от его «Ромео и Джульетты», стиснутый на 2-м или 3-м ярусе поклонниками Улановой, ожидая конвульсивных тактов смерти Тибальда — страшный прокофьевский кайф. Тогда я вводил свободный стих в «Эрнста Неизвестного» и главы прозы в «Озу», позднее, слушая речитативы прозы в «Игроке», я ощутил такую близость, будто для меня это было написано.

Интродукция его флейты предвляла мои вечера в театрах Лондона, Парижа и Нью-Йорка.

Мое юношеское ошеломление от новизны Прокофьева отразилось в двух видеомах.

Прокофьев — профессиональный гений.

Нейгауз считал, что в нем 90% музыканта, 10% человека, но эти 10% ценнее, «человечнее», чем у иного все 100%.

Подписывался он одними согласными — «СПРКФВ».

Гласные как бы выпаривались из него. В согласных иронически проблемсывала аббревиатура концертов, а то и РСФСР. Великий шахматист, он как бы проигрывал всю партию в уме, а нам записывал лишь коронные ходы. Он доводил музыку до кристалла в операх и балетах ГННННГЛ, РМДЖ, ЛБКТРПЛСНМ, СМНКТК и ВНМР. Он довел музыку до режущего кристалла. Музыка его алмазна.

Будучи в Якутии, я ломал себе голову над происхождением алмазов. Как из нашей тьмы, загазованных «МАЗами» котлованов, стона безысходного быта, мата от повышения цен, когда детский валенок стоит 600 руб., из раздавленной судьбы открывательницы Ларисы Попугаевой, лжи, национального напряжения, развала породы — ну как из всей этой мглы рождаются октаэдры алмазов, зёрна гармонии?

Алмазодобытчик в Мирном говорил мне, что алмаз выдерживает любую прессовую нагрузку, лишь вминается в любой пресс, но хрупок на боковой удар. Надо знать, где ударить.

Система знала, где ударить. Полуграмотный, труднопроизносимый волапюк Постановления — ПстнвлнЦК плжнвмз-кфрмлзмсхзпрнцслзмг 1948 гд — не нес никакого смысла, кроме смертельного бокового удара в сердце гения. Гигантская кофемолка перемалывала зёрна гармонии в растворимый суррогат.

Сын его Олег вспоминает: «Идейные родственники убеждали отца поехать на Совещание, делали большие глаза: “Сам Жданов будет!” Я, мальчик тогда, понимал, что ему ходить туда не надо. “Жданов-подожданов”, — сказал я. Отцу это понравилось. Он обычно прислушивался ко мне. Но тут пошел».

Олег рассказывал мне это в своем лондонском двухэтажном доме на краю ночного поля, где живет он сейчас, московский художник, поэт, скульптор в горчичном свитере.

Ныне нет красного флага над зеленой кофемолкой кремлевского купола. Сейчас я бы не стал, конечно, трогать этого флага, но когда я лепил этот видеом, флаг был могуч и парящ.

Случайно ли над распадом и политизацией нашего быта 1989, 90, 91, 92 годов по-федоровски встают световые столбы

столетий Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Мельникова, Булгакова, Прокофьева?

Они плеядно родились в 1889, 90, 91-м. Мы учили, что это были года глухие, мгла, Победоносцев, совиные крыла, канун Ходынки. Но такими ли глухими оказались эти годы для истории, если именно они родили гениев будущего века? Года значимы не только тем, кого загубили, но и тем, кого родили.

Кто они? Что определяют в культуре XXI века гениальные младенцы, родившиеся в 1991-м? Как повлияют на них наши пестициды?

Пули августа

Семьдесят лет стоит за плечами русской поэзии Август, роковой кровавый месяц, пробитый пулей, — ровно 70 лет назад, в августе 1921-го, расстреляли Николая Гумилева. В начале августа арестовали, а 25-го, 26-го или 27-го (точная дата неизвестна) поэт был расстрелян.

Николай Гумилев стал первым, с которого начался счет поэтов, убитых советской властью, — за ним следуют тени Осипа Мандельштама (соратника его по акмеизму), Павла Васильева, Т. Табидзе, Д. Андреева, Б. Корнилова...

«Темен жребий русского поэта», — писал потрясенный гибелью Блока и Гумилева М. Волошин, художник и поэт, который ранее не стал стрелять в Гумилева во время их дуэли. И, кто знает, может быть, страна наша до сих пор расплачивается за этот грех, за уничтожение интеллигенции, духовного генофонда нации, и все наши несчастья, может быть, — возмездие за убиенных.

Но Святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

Две пули летели в него. Одна, чужая, немецкая, свернула, обошла поэта. Другая, родная, нашла. В стихотворении «Рабочий» поэт, предчувствуя, вздохнул по своему губителю, христиански простил его, как, наверное, простил и сына этого рабочего, метко вбившего в него пулю.

Петербуржец и парнасец, Гумилев был поэтом Культуры. Волевой, зрительный, выпуклый, нарочито монотонный, умелый гумилевский стих принадлежит к петербургской школе поэзии. Она отлична от московской, стихийно духовной, орнаментальной школы. Духовная плотскость, классичность пропорций, прохлада пластики роднят его с городом Растрелли и Камерона. Свет белой ночи, спрессованный в мраморные колонны, — вот его стиль. Еще Брюсов почувствовал «нарисованные образы» у Гумилева, «где больше дано глазу, чем слуху».

Голос поэта из общей могилы, поэта, не погребенного по-христиански, звучал во многих поздних стихах, даже у москвитян:

Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Эти строки С. Есенина — очарованное эхо гумилевских строк:

«Что ты видишь во взоре моем,
В этом бледно мерцающем взоре?»
— «Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем».

Е. Винокуров, эрудит и поэт военной судьбы, когда-то обратил мое внимание на то, что самая знаменитая строка минувшей войны, симоновское «Жди меня, и я вернусь» — рефрен, который полстраны молитвенно шептало в окопах, а вторая половина, словно экстрасенсы, пыталась силой внушения остановить смертельный полет пули — так вот эта строка, оказывается, перефразировала гумилевское:

Жди меня. Я не вернусь.

«Пожалуй, у Гумилева это сказано сильнее», — резюмировал Винокуров.

Помню свое волнение от прочтения первой гумилевской строфы. Я был в девятом классе. По веяниям тех лет, в нашу школу стали захаживать профессор и аспирант с филфака МГУ, чтобы вербовать абитуриентов. «Что там твой Пастернак — ты Гумилева почитай», — высокомерно сказал мне аспирант и дал на ночь запретную брошюрку «Огненный столп», где на мелованной бумаге мерцали, как промытый жемчуг, слова. Меня, воспитанника трамвайных подножек, поразила и унесла траектория «Заблудившегося трамвая». Любви к Пастернаку это не поколебало, но, наверное, я учился классичности формы и у мэтра акмеизма. Вообще Гумилев, кстати, как и Лермонтов, особо любим в подростковом возрасте.

Ныне, слава богу, Гумилев переиздан у нас, но мы должны поклониться тем, кто сохранил Слово его, — и прежде всего покойному Г. П. Струве, издавшему в Вашингтоне четырех-

томник поэта, подобного которому при всей нашей гласности и кооперативности нет до сих пор у нас. Мне довелось видеть Г. П. Струве в годы, когда тот готовил 3-й том собрания, приходилось бывать и читать у него в Беркли; помню, теперь уже благоговейно, платиновую воробынью бородку этого российского интеллигента, ключаря культуры.

А вот несколько солдафонское воспоминание-рапорт штабс-капитана В. А. Карамзина, который был сослуживцем поэта по 5-му Александрийскому гусарскому полку в 1916 году:

«На обширном балконе меня встретил совсем мне не знакомый по полку офицер и тотчас же мне явился. “Прапорщик Гумилев”, — услышал я среди других слов явки и понял, с кем имею дело. Командир полка был занят, и мне пришлось ждать, пока он освободится. Я присел на балконе и стал наблюдать за прохаживавшимся по балкону Гумилевым. Должен сказать, что уродлив он был очень. Лицо как бы отекавшее, с сливообразным носом и довольно резкими морщинами под глазами. Фигура тоже очень невыигрышная: свислые плечи, очень низкая талия, малый рост и особенно короткие ноги. При этом вся фигура его выражала чувство собственного достоинства.

Я начал с ним разговор и быстро перевел его на поэзию, в которой, кстати сказать, я мало что понимал.

— А вот скажите, пожалуйста, правда ли это или мне так кажется, что наше время бедно значительными поэтами? — начал я. — Вот если мы будем говорить военным языком, то мне кажется, что “генералов” среди теперешних поэтов нет.

— Ну, нет, почему так? — заговорил с расстановкой Гумилев. — Блок вполне “генерал-майора” вытянет.

— Ну, а Бальмонт в каких чинах, по-вашему, будет?

— Ради его больших трудов ему “штабс-капитана” дать можно.

— Мне думается, что лучшие поэты перекомбинировали уже все возможные рифмы, — сказал я, — и остальным приходится повторять старые комбинации.

— Да, обычно это так, но бывает и теперь открытие новых рифм, хотя и очень редко. Вот и мне удалось найти шесть новых рифм, прежде ни у кого не встречавшихся...»

Бог с ним, с портретом, писанным армейской кистью. Да и как доверять точности мемуаристов, когда один свидетельствует о «малом росте и коротких ногах», другая, наоборот, о высоком росте и «длинноногой хорошей фигуре»? Но интересно: вот каков был уровень бесед императорского офицерского корпуса — образованной среды, выделившей из себя

К. Р. и Скрябина. Шла беседа отнюдь не на уровне «е-твою мать, бляха-муха» — отечественные офицеры беседовали о рифмах Блока и Бальмонта. «В описываемый период поэтическим экстазом были заражены не только некоторые офицеры, но и гусары», — вспоминает другой сослуживец поэта, полковник С. А. Топоров.

И какое четкое достоинство в самооценке мастера: «Шесть новых рифм». В погоне за ними, за шестеркой этих рифм, он носился и в Абиссинию, и на Двинский фронт.

Не пустыми молитвами оправдывает человек свою жизнь на земле. На земном пути своем он должен сам найти хотя бы несколько духовных зерен — шесть рифм, или хотя бы две метафоры, или хотя бы один добрый поступок. Человек должен сотворить свой духовный мир — по образу и подобию Божию.

В завещании своем, набросках неоконченной книги «Теория интегральной поэтики» поэт писал: «Композиция лирики: при двух данных непременно третье — личность поэта».

В строфах его видна личность поэта и офицера.

Шесть рифм.

Два Георгия.

Одна пуля. (Или две?)

Видеом подсвечен мигалкой — кровавый фон и буквы имени проступают сквозь пулевые отверстия в белом листе.

В гибельные и непредсказуемые наши дни мужественные уроки Гумилева дают нам куда больше, чем многословные советы политологов. Вот строки из его поэтического завещания «Мои читатели», написанного в год смерти:

...когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо...

.....
А когда придет их последний час...
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда.

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?

В морозной хрустальной этой строке вмерзли живые крик и дыхание.

Лишь сейчас, сто лет спустя, понимаешь, почему поэт, отрешаясь от всесоюзного преступного помешательства, выбрал своим излюбленным образом крохотную, летучую, золотую с траурными колечками осу — дикую волшебную осу-отщепенку.

Почему он написал, чуя гибель, в одном из своих стихов 37-го года:

Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную...

Акмеистический образ? Не только.

Вслушайтесь, поймите — «ос...» «ос», — это из наступающей лагерной тьмы, из небытия общей ямы доносится до нас имя поэта, чтобы не забыли. Чтобы остаться в нас, чтобы через столетие мы повторили: «Осип, Осип!»

Эти осы мучительно звенят по всем его строкам: «Оссиан», «острог», «особь» — ос, ос, Осип... Как Татьяна писала на морозном стекле вензель «О», так и он бессознательно вписывает свои «О» в морозные узоры четверостиший.

Современники не поняли его зова. Самоуверенный невежда Павленко, которого следователь посадил в шкаф подслушивать допрос поэта, писал об этих стихах в доносе Ежову: «...он не поэт, а версификатор, холодный, головной составитель рифмованных произведений... Они (стихи. — А. В.) в большинстве своем холодны, мертвы, в них нет даже того самого главного, что, на мой взгляд, делает поэзию — нет темперамента, нет

веры в свою страну... Не любя и не понимая их...» Конечно, мудро расслышать голос поэта сквозь дверцу шкафа.

Но вернемся к волшебным осам.

Медуницы и осы тяжелую росу сосут...

И вчерашнее солнце на черных носилках несут, —

это он о Пушкине писал, но собственная судьба его неосознанно уже шептала сквозь строки — «ос, ос, Осип...».

Нам остается только имя,

Чудесный звук, на долгий срок...

Что означает имя для поэта? Да все означает. Повторяю, имя связано со святцами, со звездами, с гороскопом. В имени любого поэта как бы закодирована его поэтическая программа, судьба. Поняв это, мы по-новому прочитаем классиков:

А в час пирушки холостой...

И пунша пламень голубой.

Вы слышите? «Пушкин, Пушкин!» — доносится к нам из тьмы времен. Ведь именно «Пушкиным», а не «Александром» или «Сашей» называли поэта и друзья, и жена.

Об этом догадываются астрологи и ЭВМщики. Поэтов надо читать так, как астролог читает звезды. Есть такая наука — нумерология, восходящая к Древнему Китаю, нашедшая тайную связь между именами, числами дня, месяца и года рождения, судьбой и менталитетом.

«Человеческая самость, кто ты есть — исходит из вашего имени. Она может быть выражена в том, что заключено в имени. Важно понять смысл. Это психологическая наклейка на “личности”», — читаем мы в книге «Числа как символ для самораскрытия» Ричарда Вогана. Автор создает систему зависимости судьбы, имени и чисел рождения. Жаль, автор не знал Хлебникова. Число магично. Мандельштам мог бы сказать об авторе: «Не его вина, что он слышал музыку алгебры той же силы, как и живую гармонию».

Мы попробовали подставить числовые данные О. Э. Мандельштама в нумерологическую систему — получилась поразительно точная картина раковидной психологии, неконтактной со средой и звездной предназначенностью. Но вернемся к осам поэзии.

Вот лучшая книга поэта «Tristia», через Овидия предчувствующая собственную ссылку:

Кто может знать при слове «расставанье»,
Какая нам разлука предстоит?..
Уже босая Делия летит!

И опять, ныне уже из имени любовницы Тиберия, доносится к нам еле слышный, далекий-далекий, смазанный отзвук имени поэта: «Ос...», «дель»... — Осип Мандельштам.

Оса Культуры не была безобидной. Она жалила отчаянно и героически. Так случилось, что самый герметичный из поэтов, самый хрупкий, болезненно-ранимый, обидчивый лакомка, капризный, отнюдь не богатырь, не Рэмбо, написал единственное в российской поэзии открытое стихотворение против Сталина, за которое и заплатил жизнью. Он был единственным действительно виновным против тоталитаризма среди миллионов наивных невинных жертв.

И написав это самоубийственное стихотворение, он последним словом последней строки дерзко расписался, чтобы все знали не только о ком эти стихи, но и чьи: кто автор этого стихотворения: «И широкая грудь осетина». Несмотря на свою фамилию, близкую к распространенному осетинскому «Джугаев», Сталин не был осетином, но эта заключительная рифма звучит, как подпись поэта «Осип» — подпись под смертельным приговором себе. Оборванное «ос»...

Крохотная фигурка Мандельштама стала модулем человеческой личности в безликое время.

Мастер речи, оса Культуры, он любил слова «воск», «соты». Оса его обручала. Думаю, и для близких поэта она была внутренним заговорщическим кодом.

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она.
Но конец отравленного жала
Был острей веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,
 Улыбнется ль мне твое лицо?
 Посмотри! На пальце безымянном
 Так красиво гладкое кольцо.

Это ахматовское стихотворение помечено 1911 годом. 1911-й — год знакомства Ахматовой и Мандельштама. Как и в черном кольце, в болевом кольце — предчувствие. Этой болью Ахматова была окольцована на всю жизнь.

Какая российская была его оса!

В ней «желтизна правительственных зданий» Петербурга «и пятиглавые московские соборы с их итальянской и русской душой», которые они с молодой Цветаевой влюбленно посещали, путешествуя по российской истории «на развалинах, уложенных соломой». Как жалки нынешние попытки отгородить поэта от русской культуры и истории за черту оседлости! Как точно вслед за Блоком подметил плоть русского языка — «русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью». Он почувствовал «эллинистическую природу русского языка», открытость нашей культуры другим.

Но вернемся к словарю поэта. Его великая сотовая проза написана, собрана по слову, каждое слово — золотой взятки.

Можно написать исследования об архитектурности поэта-мастера с хищным глазомером. Прочитируем заключительный абзац его программной статьи о природе слова.

«На место романтика, идеалиста, аристократического мечтателя о чистом символе, об отвлеченной эстетике слова, на место символизма, футуризма и имажинизма пришла живая поэзия слова-предмета, и ее творец не идеалист-мечтатель Моцарт, а суровый и строгий ремесленник мастер Сальери, протягивающий руку мастеру вещей и материальных ценностей, строителю и производителю вещественного мира».

Сталин, спросив Пастернака о Мандельштаме: «Он ведь мастер, мастер?», желая поразить меткостью суждения, конечно, был хорошо информирован. Как и в программной статье поэта, слово «мастер» повторено дважды. Вряд ли вожь читал статью, но советники его, безусловно, читали. (Тот же Агранов, подписавший ордер на арест поэта, завсегда литературных салонов, мог подсказать эту самохарактеристику «мастер».)

Этот разговор Сатаны с поэтом широко обсуждался в московской среде, он, вероятно, и дал импульс М. Булгакову к «Мастеру и Маргарите», к линии Мастера и Воланда.

Политических вождей XX века влекла поэзия. Бухарин был поклонником Пастернака, полемизировал печатно с Троцким, который был поклонником Есенина. Сталин взял на себя Маяковского. И только Мандельштаму не нашлось мецената. Он был чужд властям. И даже когда поэт, сломленный, пытался, подобно своим ослепленным братьям, петь осанну и оды, сквозь ослабевшие строки его, как кровь, проступало то цареубийственное стихотворение. Впрочем, отмеченный оспинами тиран, может быть, инстинктивно по-своему любил его больше других — поэтому и убил. Не случайно и противостояние имен поэта и тирана: «Осип» — «Иосиф».

И так ли герметичен этот русский интеллигент? Вот его признание следователю: «В моем пасквиле я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе... — “страна и властелин”. В 1930 году в моем политическом и социальном самочувствии наступает большая депрессия. Социальной подоплекой этой депрессии является ликвидация кулачества как класса. Мое восприятие этого процесса выражено в моем стихотворении “Холодная весна”. «Холодная весна. Голодный Старый Крым». Как обостренно чувствовал боль страны этот петербуржец, горожанин, чтобы сказать то, чего не смели сказать классики советской крестьянской литературы, в романах и поэмах славящие колхозы!

И опять взглянем на последнее слово этого стихотворения «Кольцо». Он опять поставил «о» своего имени, подписался. Да и осужден он был Особым совещанием при НКВД. Не случайно тот же самый Агранов вел следствие, был мучителем Чайнова, мыслителя наших аграриев. Те же руки убивали поэтов и природу.

Зрительность его звука предвосхитила весь XX век. Да и сам образ осы — как снайперски названа в русском языке «О-с-а» — так и видишь золотые и черные колечки «о», «с», сцепленные в пружинки, как бы написанные на воздухе.

Бессмертно летит волшебная оса Осипа Мандельштама.

Великие стихи подобны брускам древесного угля. Они впитывают в себя влагу не только прошлых культур, но и смысл предстоящих лет и событий.

В своем пассаже о глоссолалии, одновременно звучащем хоре языков, поэт предсказал Ролана Барта с его «гулом

языка». Правда, судьба Мандельштама, как и других российских авторов, не вмещается в учение постструктурализма «о смерти автора». Интертекст русских поэтов кровью сочится!

Несмотря на погромные окрики, новая наша стихотворная формация частенько летает за медом к Мандельштаму. Это отрадно. Современникам, освоившим прогнозы ЭВМ, не мешает осознать и вещей код, текст и судьбу ОЭМ — Осипа Эмильевича Мандельштама.

«Слово — плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание. Люди голодны. Еще голоднее государство. Но есть нечто более голодное: время».

У нас был шанс построить государство Культуры, увы, мы все больше и больше удаляемся от этой возможности.

В чем спасение от центробежного воя свихнувшегося века? Услышим шепот поэта: в Слове и Культуре.

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.

И эта нота флейты из позвонков столетий звучит страшным дуэтом с флейтой-позвоночником другого поэта начала века, трагического самоубийцы, который сам до нынешних дозволенных проклятий свершил самосуд над собою. Дуэт этих двух флейт оплакивает финал столетия.

С треском лопаются осы
над пожарами полей.
Только обгоревший остов
остался родины моей.

Воды! Владимирщина плавится.
Я слышу треск незримых крыл.
Горят гробы в подземном пламени,
трещат из высохших могил.

Воды! Задымленное Раменское,
сады, надежды, я и ты —
шепчет страна тяжелораненая —
воды!

Что нами срублено на шару,
расщеплено в дрова вражды,
к нам возвращается пожарами —
воды!

Воды, простой святой воды
пошли! Две капли с небосклона
не долетают в наши рты —
с уже не плачущей иконы.
Воды!..

Сгорайте, осы Персефоны,
не пролетев и полпути!
Не лето — Лета пересохла.
Другой России не найти.

Вот он покачивается вполоборота к вам — в державном кресле своем, в серо-черной кофте крупной вязки, как в тяжелой кольчуге, а то и в ризе, челочка его сдвинута на лоб — так сдвигали на брови с затылка кепочку-малокозырку опасные обитатели послевоенных подворотен. Иногда челочка похожа на пляжный козырек от солнца, прикрепленный на резинке.

В жилетке, точно туз козырный,
прищурясь как парижский сноб,
Катаев, как малокозырку,
надвинет челочку на лоб!

Он колюче впивается в вас из-под челочки-козырька, стрельчатые волчьи уши его прижаты, нос, ноздри, губы и подбородок, принюхиваясь, сведены друг к другу, как плывут книзу лица на старинных японских акварельных портретах. Так и сидит он — мэтр, парнасец, патриарх, вездесущий затворник, гонкуровский академик, Дерибасовская — Валюн Великий, Катаич, Валюн птица вещая...

«Как жизнь? — вы спросите его. — Что новенького? Что есть истина? Есть ли жизнь на Марсе? Когда в поездку?..»

Он стрельнет на вас из-под шмелиной брови, разомнет суставчик своей рембрандтовской правой и проронит: «Еще четыреста».

Значит, еще четыреста страниц осталось ему, еще четыреста для нового романа, переписать от руки, нанизать наживо, ведь диктофонов, машинисток он не признает, это от лукавого всё, четыреста страниц надо расположить как разрисовать, чтобы словам было вольготно и красиво, — еще четыреста страниц текста, где фраза поеживается от изящества.

«Еще четыреста», — скажет он и стрельнет глазом.

Главное в Катаеве — зрачок.

Глаз его сощурен, как губы гурмана, сосущие сквозь соломинку упоительное варево, называемое жизнью, натурой,

глаз, впивающийся в детали, как хоботок, художнически прищипывающий от удовольствия. Вещи вкусны.

Катаев — певец вещей. В этом плюсы и минусы его стиля. Его книги — каталоги, страшные, и восторженные, и злые преискуранты подробностей века.

Время наше картинно. Моделью его стал телевизор с преобладанием изображения над звуком. Зрачок художника — орган отбора.

«...но самое страшное таилось в телевизоре — в этом приборе, быть может, наиболее похожем на человеческий мозг, во всяком случае — на его способность превращать сигналы, идущие извне, в живые отпечатки, светящиеся, движущиеся изображения окружающего мира...»

Значит, еще четыреста таких страниц.

Редкие переделкинские прохожие увидят в окошко, как настольная лампа освещает квадрат листа, руки и уголок глаза над ними. Пятерня, как рыжий готический краб, ползет по листу, доползает до кромки и обратно, когтистая, в золотистых волосиках кисть мастера движется, обнюхивая каждый миллиметр, присасываясь к бумаге, медлит, ковыляет дальше.

А над рукой бессонно висит освещенный глаз. Он парит, чуть порхая ресницами. Он как на невидимой нитке привязан к пальцу и стынет над ним, будто воздушный шарик. Они одни в мире. Рука и глаз. Глаз и рука. Еще четыреста.

А по утрам он вырывается на прогулку, подобранный, как на охоту, на отстрел деталей, в дублоне, элегантно стремительный, нахлобучив очередную сто девяносто пятую свою кепку.

Кепок у него 200. Сосед утверждает, что 230. Кепари катаевские — на зависть!

Тбилисские плоские «аэродромы», лондонские — в клетку, с целлофановой подклейкой внутри, пузатые, как крыжовник, жокейки, похожие на сачки для ловли бабочек, крахмальные, плотные «крем», с полоской марли на затылке, чтобы мысли проветривались на прогулке, но не могли упорхнуть — с таким ситечком, как для отстоя чая, а иногда схожие с металлическими сетками на музейных средневековых поясах невинности.

А Катаев имеет кепки,
сплюснутые, как скрепки,

для прищипливания мозгов.
 Фиалковые, стилижные —
 с тылу для вентиляции
 с ситечком или сеткой,
 как у рыцарских поясов,
 дабы Прекрасных Дам блюсти.
 Пусть иногда мы скептики.
 Боги имеют слабости.
 Но не у всех сабли «За храбрость». И...

Когда-то я часто бывал у него. Потом время отдалило нас.

Катаевский «Белеет парус» — лермонтовская строка, понятая как детство, как порыв и мятежность детства, отрочества, — стал нашим детством. В серебристом переплете книга эта празднично и навеки, щема неизвестностью, легла в день рождения на мою тумбочку, подаренная мамой — как и миллионам иных советских детств, и так же навеки в них осталась.

Стиховым парусом другого его романа стала строка Маяковского «Время, вперед!».

Но к чисто поэтическому построению он пришел лишь в поздних вещах. Пора подумать о душе, написал он однажды, и стать movистом. В «Траве забвенья», «Разбитой жизни», «Кладбище в Скулянах», других его movистских романах и повестях материализуется ход времени. Вещи эти можно читать с середины, с конца, с начала — как жизнь. В «Святом колоде», первом movистском опыте, фигурка старика, моющего бутылки, — перекликается с каренинским сцепщиком, бормочущим под вагонами.

Один из персонажей «Алмазного венца», имеющий кликуху мулата, под конец жизни итогово написал: «Талант — это единственная новость, которая всегда нова». Это относится и к новой прозе Катаева.

Сам прошедший жестокую выучку придиричивой бунинской линейкой, Катаев таил в себе тайны Гоголя, Чехова, Пруста, он знал, как передать это молодым. Он был инициатором журнала «Юность». Она родилась не только как ежемесячник для читающего молодняка, но и как школа мастерства молодых. О, эти редакционные чаепития с широким шумом самовара, не электрического, новомодного, нет, натурального — на сосновых шишках, древесных углях, приобретенного самим редактором чуть ли не в первый день существования «Юности»!

Журнал основать — как город заложить. И вот уже шумит, обрастает улицами, рождает, перестраивается этот многомиллионный город на бойком месте, именуемый «Юностью». «Юность» была для многих лицеем.

Молодая проза шестидесятых годов была бы невозможна без Катаева, без его «Юности», как и его новая проза — без «Озы» и вещей Аксенова. Сообщающиеся сосуды, сообщающие нечто важное.

Однажды он написал предисловие к моему сборнику «Тень звука». Это был кусок катаевской спелой прозы. Написанное с целью помочь прохождению трудных стихов предисловие еще более раздражило абзацами и эпитетами типа: «гениальная особенность», «встал в один ряд с...» и т.д. Это остановило книгу. Я сказал редакции — снимите все комплименты, лишь бы книга вышла. Валентин Петрович, узнав об этом, ехидно хмыкнул: «Ну, не хотите быть названным гениальным — ваше дело...»

Зрачок Катаева меток, зол, жест молодцеват, лих. Взгляните, как свистящ его кавалерийский почерк: «Перед мельницей стояли старые, головастые вётлы, похожие на богатырские палицы, из которых во все стороны торчали голые прутья, и все это напоминало мучения святого Себастьяна, утыканного стрелами».

Или:

«...в то время как в церкви позванивали тонкие воскресные колокола и в пролете каменной готической двери, всегда напоминавшей мне след раскаленного утюга, костры восковых свечей».

«Еще четыреста, — сказал он вам однажды, прощаясь, — еще четыреста...»

«Сейчас человек может прикончить человечество. Экзистенциализм не греет меня. Я хочу противостоять абсурду. Поэзия — это завтрашняя правда. Поэзия — невидимая реальность». Может быть, поэт прав? В неуправляемом процессе сегодняшнего распада мира, ужасе, который у каждого за окном и внутри каждого, поэзия остается, может быть, единственной безнадежной надеждой, соединяющей несоединимое.

А что у нас еще остается?

Остается вернуться на нашу выставку.

Вот развешаны листы золотых иллюстраций к Библии. В свое время эта книга «Золотой Дали» спасла если не жизнь, то год моего существования. Я бедствовал. «Золотой Дали» — номерной экземпляр, единственная ценность, что у меня оставалась. Владимир Высоцкий помог продать ее через своих знакомых. Потом я искал ее, хотел выкупить обратно, но тщетно.

Какой странный ангел! На лицо натянута пустота, как чулок или маска омовца во время операции. Плечевые мышцы, как у качка, а из груди вырезано кубическое пространство. Чем притягивает нас этот образ?

Именно на этой выставке «малого Дали» мы вдруг увидели мастера без маски, разглядели блистательного рисовальщика, виртуоза граверной алмазной иглы и китайской кисточки, покрывшего километры своим скрупулезным штрихом. Другому на несколько жизней хватило бы такого труда.

В иллюстрациях к «Дон Кихоту» он изобретателен, как Леонардо, он обстреливает литографский камень пулями и ракушками, начиненными краской, достигая тончайшего эффекта печати.

Иллюстрации к «Алисе в Стране Чудес» отливают подзорительно волшебной гаммой. Акварель шикарно расплы-

лась. Как известно, поклонники художника в номере отеля пописали на работы, что придало тем чарующие, золотистокариые, изысканные заплывы. Я слышал, что сегодня наследники писавших на акварели подают в суд, требуя авторских.

«Надо было возвратиться к благородному достоинству цветов окиси серебра и оливкового, которыми пользовались Веласкес и Сурбаран, к реализму и мистицизму, которые, как выяснилось, были сходны и неотделимы...» (цитирую по «Дневнику одного гения»).

«Найдя в живописи квант действия», художник знает, как соединить распавшийся мир. Думаю, это неосознанно влечет к нему сегодняшних москвичей, страдающих без психоанализа, жителей уже другого столетия, потерявших симметрию, с вакуумом в душе, изверившихся в дилетантской болтовне. Они видят в нем крепкую руку рисовальщика и душу геометра-профессионала, они пытаются понять его код. Как соединить разъятый мир? Сознание? Пускай даже в стертых копиях, как машинописные экземпляры, передаваемые из рук в руки. Каковы законы новой композиции? Какой тайной сцеплены его картины, как бы случайные, но обретшие метафизическую форму — крепкую, хоть гвозди забивай!

Здесь мы сталкиваемся с не замеченной ранее чертой ушедшего века — с его особым академизмом, академизмом трансцендентальным.

Академизм-XVII дал Лоррена и Пуссена. Академизм-XVIII воплотился в Робере, Ватто, Давиде. Академизм-XIX — это А. Иванов и Энгр, переходящий в Ренуара, и Ренуар, переходящий в Энгра.

Академизм-XX сконденсирован в Дали. Полуголому Пикассо шли джинсы, Бретону — его кофта, голубой бархатный блейзер облегал Арагона, но фрак академизма подходит только Дали. Век недобрал в классике, последние годы столетия пройдут под знаком Академизма-XX.

Этот трансакдемизм «со сдвигом» закодирован, например, в недавно вышедших томах Г. Сапгира и И. Холина. Он подмигивает вывалившимся «последним любимым глазом» И. Иртеньева. В имперских композициях прозы В. Сорокина слышны его ритмы. И на М. Жванецком неплохо сидит абсурдистский фрак.

Вот почему поэты, первые начавшие в нашей стране свободный стих, сегодня склоняются к музыкальной оркестровке, рифмовке, конечно, не по Надсону, а по Дали, — поэтическая форма противостоит всеобщему распаду.

Возник экспериментальный поэтический журнал «По». По виду он демонстративно походит на компьютерные журналы американских университетов. Его издатель, редактор и главный автор — Константин Кедров, похожий на лесного Пана, поэт, философ и подвижник новой волны.

Академисты-XX устроили в Москве съезд палиндромистов (палиндромы — это стихи, читаемые туда и обратно, например: ДАЛИ ПИЛ АД, а многостраничный научный трактат сеньора Сальвадора «Искусство пука» может быть перевернут как «Лидер пук упредил»). Над домом напротив Курского вокзала, пугая заспанных приезжих, горела бегущая строка палиндрома. Форма самосодержательна. Может быть, она отражает сейчас движение нашего общества, несущегося наоборот? Да и XX век для нашей истории читается как палиндром — с черной дырой потрясений в начале века (с 1905 г.) и в конце, за 5 лет до конца столетия. Чур меня, сюр!

Понятно, радикалов бесит медлительность нашего поступательного движения назад, например половинчатость идей восстановления первоначального ансамбля Красной площади, сноса Мавзолея и т.п.

Надо рррешительней! Надо снести Кремлевский Дворец съездов, потом снести поздний казаковский дворец, казавшийся современникам казарменным, потом снести кирпичные зубчатые стены и башни, построенные итальянцами. На этом месте возвести деревянный Кремль. Как раньше. Придется снести, конечно, ошибочно воспетого мною Василия Блаженного, построенного деспотом и захватчиком. Затем сузить Тверскую улицу, взорвав поздние постройки. Эта грандиозная задача на весь XXI век превратит грядущее столетие в великую стройку Антикоммунизма.

Среди казацких шаровар, безбожников со свечками, вызывающих патриархальный капитализм XIX века, нет места диаматовской спирали. Мне открылось новое явление языка, движение смысла по кругу, я назвал бы этот жанр «словалами» или более научно — «кругометами».

Вспомним Хайдеггера: «Язык называет такое замыкающееся на себе отношение кругом, кругом неизбежным, но одновременно полным смысла. Круг — обособленный случай названного переплетения. Круг имеет смысл, потому что направление и способ круговращения определяются самим языком через движение в нем».

Кругометы — метафизические метаморфозы, кометы смысла. Магометане сквозь очертания первой буквы Корана видят очертания минарета.

В живописи это, может быть, О. Целков, в легкой музыке мы узнаем эти ноты в последнем альбоме «Пинк Флойда». Стилз этот нащупывается в стихах и совсем молодых. Мне в дверь постучала Красная Папочка. У нее была длинная коса и облик школьницы. В стихах Красной Папочки поблескивали крупницы неоакадемизма.

Есть и лжеакадемизм. Склероз стихов, загипсованных Эребами и Персефонами. Для западных интеллектуалов и Мандельштама это естественно, ибо все они получили классическое латинское образование, антики у них в крови. Из наших почти одна О. Седакова может читать по-латыни. Для нее это естественно. Для остальных — неорганично, как гипсовые бюстики пионеров и вождей.

Удачи и нашей и мировой поэзии последнего десятилетия лежат в области Академизма-XX.

Тут меня подстерегает досадная опечатка.

Чудовищная маргаритка превращена в яичницу с желтком посередине. Проставлена дата — «1959». Примерно в это же время я написал:

Среди щавелевых полян
ромушки — как крутые яйца,
разрезанные пополам.

Какой удар со стороны классики! Придется теперь снимать стихи из сборника. Хотя я и не знал этого рисунка, но, если мысль кем-то найдена, она уже не только твоя. Но какое визуальное притяжение желтка на белом!

В 1959 году у меня была еще одна подобная строка: «Купола горят глазуньями на распахнутых снегах». Но это резонировало тогда с хрущевскими гонениями на церкви — купола безбожно жарили на дьявольских сковородках. (Кстати, наша интеллигенция тогда будто и не заметила десяти тысяч закрытых церквей и священников, посланных в лагеря...)

Когда б вы знали, из какого сюрса
растут стихи, не ведая стыда!..

Когда-то, открывая мой вечер в нью-йоркском Таун-Холле, Роберт Лоуэлл так определил мой генезис (возмутитесь, читатель, нескромностью лестной цитаты, но поработаем, так сказать, в жанре Дали. Всегда ведь приятно вместо обычной ругани процитировать что-то ласковое, да и поддразнить доброжелателей...): «Вознесенский пришел к нам с беспечной легкостью 20-х и Аполлинера. Сюрреализм сочится через его пальцы. Это прежде всего первоклассный мастер, который сохраняет героическую выдержку и вдохновение быть и оставаться самим собой...» Дальше шли еще более немислимые комплименты. Понятно, у меня поехала крыша от кайфа, я был абсолютно согласен со столь скромной характеристикой моего выдающегося творчества. Но дальше!.. Великий американский поэт, оглядев зал из-под замутненных очков, брякнул: «Он, как и всякий поэт, против правительства. Наши обе страны имеют сейчас самые отвратительные правительства...»

После вечера мне предложили опровергнуть это. Хотя бы во второй половине — о советском правительстве. Я отказался. И пошло-поехало. Да тут еще «Нью-Йорк таймс» вынесла шапкой этот эпизод на первую полосу. Кончилось постановлением Секретариата, осуждающим меня, и закрытием выездной визы. Сейчас это кажется параноидальным сном. Чур меня, сюр!

Скромности мы неосознанно учились у Дали, хоть в юности нам не всем довелось прочитать его «Дневник». Помню, как начинающим поэтом без гроша в кармане я искал заработков. Знакомые мужа моей сестры Г. и Ю. Кагарлицкие устроили мне аудиенцию у Д. Самойлова, крупного мастера и мэтра в мире переводов с языков народов СССР, что было доходным тогда. Не у Пастернака же просить!

Д. С. отнесся заботливо, дал советы, как переводить, и начертал программу моей литературной жизни: «Переводите с одного языка, скажем, с киргизского. Лет через 10 вы будете известны как специалист по киргизской поэзии. Потом вас примут в Союз писателей. В литературу входят медленно, десятилетиями».

Заикаясь от смущения и непроходимой наглости, я выпалил: «У меня нет столько времени. Через год я буду самым знаменитым поэтом России».

Мои покровители устроили мне выволочку. Сам Дзизик, давясь от смеха и возмущения, рассказывал байку о нахале литераторам, а потом и мне самому.

В своих воспоминаниях он язвительно написал: «Один Андрей Вознесенский пришел ко мне за два года до славы...»

Как-то, выступая с ним на вечере, я извинился: «Дэзик, ведь я вам обещал. Что же мне оставалось делать?...»

Но вся дурость эпатажа выпадала в осадок, когда Дали чувствовал зов, — он тогда говорил на языке «Песни песней»:

«А Гале я сказал: “Принеси мне амбры, разведенной в лавандовом масле, и самых тонких кистей...”».

Если станковая живопись его оперирует желудок сознания, тушу души, то в графике он работает волосками нервной системы.

Муравей ползет по животу космической Венеры. Помню, как в лесничестве хозяин, который приютил меня, пользовал свой ревматизм. У него были два мешка, один из мешковины, другой, коробящийся, из брезента. Вроде краг или сюрреалистических галифе. Мы с ним наполняли их трухой муравейника вместе с муравьями, тьмой, яичками. Лесник, кряхтя, крестясь и приняв дозу, напяливал их на себя. И страдал, мазохистствовал. Пунцовел. «Забирает, — кряхтел, — знаешь, даже паралитиков пробирает...»

Может, муравьи Дали — лечебные? Муравей, муравей, излечи нас от паралича сознания, культуру спаси, спаси наивных халявщиков, бомжей, беженцев, хотя бы пенсионерам помоги, — сердце разрывается... Мы попали в сюр-ситуацию, только сюр-идея может спасти. Чур меня, сюр!

«Лида!» — позвал кто-то служительницу галереи. «Лида-лидалидалиДали...» — ответило эхо.

Был ли он клиническим параноиком? Или вводил себя в иную реальность? Бывал ли Данте в Аду? Беседовал ли Гамлет с Призраком? Важно, что он сумел документально рассказать нам. Сам мастер пишет: «Единственное различие между безумцем и мной в том, что я не безумец». Зато безумны, достоверно безумны его полотна.

Детали сцеплены дисциплиной безумья.

Увы, никому не удалось создать сильного художественного произведения под действием ЛСД, например. Все вещи, вызывающие восторг у подколотого творца во время создания, при беспощадном свете дня оказывались слабыми. Разве что Анри Мишо это удалось частично.

Аллен Гинсберг в «Пари ревью» рассказывал, как он однажды накормил меня аналогом ЛСД. Молодой был, все

хотелось познать. Двое суток я находился в состоянии «хай», но воспроизвести видения оказалось невозможным. Вывел меня из этого состояния лишь поэтический вечер, на котором в виде эксперимента меня заставили читать. Микрофон мне совали в пасть, как грушу медицинского зонда. Врачи, обследовавшие меня после, констатировали, что рефлекс чтения оказался сильнее химического гипноза. Это меня вывело.

Параноидальна ли сегодняшняя реальность? Или лишь шутит с нами в стиле чернухи? В конце каждого века, а тысячелетия в особенности, ослабевают связи первой реальности, распадается структура времени перед ее разложением. Торжествует Танатос. Вторая реальность раскрывается нашему сознанию. Отсюда столько ясновидящих, экстрасенсов сейчас.

Путь выхода один — креативный.

Вернемся к дневнику:

«Целыми днями Галя пропадала у торговцев красками, антикваров и художников-реставраторов, скупая у них кисти, лаки и все прочее, что понадобится мне в тот день, когда я, надеюсь, наконец перестану обклеивать свои полотна лубочными картинками, всерьез займусь настоящей живописью...»

Все больше зеленых и красных наклеек прилеплено к рамам. Большинство вещей раскуплено. Под занавес выставки разразился скандал. Не пережив ажиотажа, конкуренты пытались доказать, что часть вещей выставки неавторизирована. Какой же Дали без скандала и мистификации? Может быть, дух Дали дирижировал скандалом?

Может ли искусство поладить с рынком? Муравей, муравей, помоги нашей культуре. Толстые журналы совсем загнулись.

Новые русские инвестируются в «ценные бумаги Дали», как художник называл свои тиражированные автолитографии. Дали жизни! Жители XXI века инвентаризуют культуру века минувшего. Пожалуй, новое поколение предпочитает в культуре Академизм-XX.

Взгляните на стиль новых журналов, родившихся в последнее время. Это не джинсовая «Юность», рожденная оттепелью. Они отпечатаны блистательно, с визуальным вкусом, как каталоги галерей или музеев. «Обозреватель», «Элита», «Домовой», «Империял» — все разные текстово, но все они в лаковых туфлях.

Текли жуки. Текли часы с отливом...
Был полон лес кишеньем кропотливым,
Как под щипцами у часовщика...

Тут я должен прерваться. Звонят учителя, приехавшие из Рослякова Мурманской области. Просят помочь школе №4 обустроить их Музей Пастернака.

— А что, школьники читают, любят Пастернака?

— Да, — отвечает трубка, — еще как! — (телефон, как всегда, барахлит).

— Да? — переспрашиваю я.

— Да ли? — переспрашивает эхо.

Несли не хоронить — несли короновать

Сквозь имя «Пастернак» проступают тернии.

Похороны его стали первой демонстрацией народного протеста, далее были прощания с Шукшиным, Высоцким, Сахаровым, Холодовым... Сегодняшний читатель и представить не может, как это — запретить пойти на похороны поэта, пусть даже «отщепенца» и недавно исключенного из Союза писателей. Власть же считала это главным политическим преступлением года.

Для меня это было личное безысходное горе, я был около Пастернака в течение многих лет, он был мое «всё». Я уже много писал об этом и не взялся бы за перо, если бы не настойчивость редакции.

1 июня 1960 года. Ровно сорок лет назад. Меня взялся подвезти до Переделкино Александр Петрович Межиров, поэт Божьей милостью, синеглазый супермен, бильярдный король, увесивший стены своей берлоги фотографиями боксеров. Его мы называли Саша. Мы знали, что он носит на лацкане чужой значок «Мастер спорта», но гуманно делали вид, что верили его наивным фантазиям. Мама моя не переносила его за разносную статью против меня в «Комсомолке», из-за которой он, по его словам, получил переиздание своей книги. Что тоже, вероятно, было его фантазией. Увы, это балансирование на грани реальности привело его к темной истории, когда он уехал, оставив на снегу случайно сбитого им насмерть актера...

Но именно он привез меня в Переделкино. Третьей в «Москвиче» была Майя Луговская, с которой я познакомился, когда отвозил по просьбе Пастернака экземпляр «Доктора Живаго» от Андроникова к Луговскому. Видя мое состояние, они относились ко мне как к больному.

Внезапно у «Голубого Дуная», шалмана, где некогда Пастернак распивал с работягами, «Москвич» резко затормозил.

Саша вышел из машины: «Они номера записывают. Дальше вы идите один. Мы вас здесь подождем». В его небесно-синих глазах стоял страх: «Я боюсь. Я же член партии...» Это он, боевой офицер, прошедший фронт, не боявшийся Синявинских болот, — он испугался?! Что Система делает с человеком!

Его губы дрожали. Он бормотал что-то, уже, видно, обращаясь к Майе: «Я не могу... Когда Васька Смирнов и этот... ну как его... вылечившийся сифилитик, дыша перегаром, хрипя с трибуны тебе вопросы...» Вероятно, это были воспоминания о временах борьбы с космополитами.

Я побежал к пастернаковской даче.

Огромная неписательская толпа напирала на низкий штакетник изгороди. Играл Рихтер, потом Юдина. Я прошел в дом. Столовая, в которой стоял гроб, была пуста. Помню, подошла Тагер, что-то сказала.

Потом Грибанов рассказывал Дэзику Самойлову: «Андрюша Вознесенский сидел на крыльце и плакал». Может быть.

В песне Галича есть слова о палачах из Союза писателей, исключивших Пастернака из Союза: «Мы поименно вспомним всех, кто поднял руку».

Увы, на общем собрании все единогласно проголосовали за его исключение (при одной воздержавшейся). Проще взять справочник Союза писателей тех лет — позор на всех. Один поэт, мой приятель, оправдывался: «Я не голосовал, я удалился в туалет». Это повторяли и другие. Я представляю туалет тех дней — бесконечный, как ленинское бревно.

И нельзя сваливать все на тупость тоталитаризма. Окололитературное болото, средняя арифметическая серость были совершенно искренни. Они мстили гению. Мы не понимаем поступков гения и примеряем их на свой шкурный аршин.

Нельзя же все сваливать на Хрущева, который, естественно, не понимал поэта и взбесился, у него была масса государственных задач в голове — например, как свалить Жукова или как облапошить советских держателей облигаций.

«Ишь, какой Пастернак нашелся!» — кричал он мне несколько лет спустя. Премьер помнил Пастернака.

Вспомним и мы не только выроdkов, но и тех, кто пришел поклониться поэту. Поименно: В. Асмус, В. Боков, А. Гладков,

Ю. Даниэль, Вяч. Вс. Иванов, В. Каверин, В. Корнилов, Н. Коржавин, И. Нонешвили, Б. Окуджава, К. Паустовский, А. Синявский, Ир. Эренбург... Все они не испугались, все рисковали. Окуджава, может быть, больше других, ведь он был государственным служащим и членом партии.

Сейчас удивляет, что не было ни одного письма в защиту Пастернака. Как не было их в защиту Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и, конечно, Осипа Мандельштама.

«Несли не хоронить — несли короновать». Это мое стихотворение, написанное в день похорон, я отнес «на голубом глазу» в редакцию «Литературной России». Верстался номер, посвященный юбилею Толстого. Редактор, поняв или не поняв адресат стихов, вставил их на полосу. Единственное, что его озадачило, — строфа:

Вбегаю в дом его.
Пустые этажи.
На даче никого.
В России — ни души.

Но стихи так и вышли к изумлению читающей публики. Итальянский издатель Фельтринелли (тот самый, что издал «Доктора Живаго») в моей книге, подстраховав меня, поставил подзаголовок «Памяти Толстого».

Позднее Ольга Ивинская в своих мемуарах озаглавила этой строкой главу о похоронах Пастернака.

День похорон продолжался. Продолжается он сорок лет. Каждый год в июне переделкинские холмы наполняются соловьями и студентами, читающими поэта. Усилиями Наталии Пастернак Большая дача превращена в музей.

Сорок лет прошло, а все нет мемориальной доски на московском доме Пастернака. Есть памятники Маяковскому, Есенину, Высоцкому, Мандельштаму. Прошел конкурс на памятник Окуджаве. Но почему забыт Борис Пастернак?.. Ведь он, безусловно, крупнейший из поэтов XX века. Дай Бог, чтобы в новом столетии родился поэт не меньшего масштаба.

Нашу поэзию вечно хоронят. Сколько живу, все читаю статьи о кризисе поэзии и читателя. Между тем в магазинах томики стихов раскупаются.

Нынче нет на поэзию голода. Но есть аппетит.
Значит, День Пастернака продолжается.

Метнулась Ольга, я обнял ее.

Его несли на руках, отказавшись от услуг гробовоза, несли от дома, пристанища его жизни, огибая знаменитое поле, любимое им, несли к склону под тремя соснами, в который он сам вглядывался когда-то.

Дорога шла в гору. Был ветер. Летели облака. На фоне этого нестерпимо синего дня и белых мчавшихся облаков врезался его профиль, обтянутый бронзой, уже чужой и осунувшийся. Он чуть подрагивал от неровностей дороги.

Перед ним плелась ненужная машина. Под ним была скорбная неписательская толпа — приехавшие и местные жители, свидетели и соседи его дней, зареванные студенты, героини его стихов. Каменел Асмус. Щелкали фотокамеры. Деревья вышли из оград, пылила горестная земная дорога, по которой он столько раз ходил на станцию.

На дачу я не вернулся. Его там не было. Его больше нигде не было.

Был всеми ошутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом.

Российская поэзия — метафора христианства.

Русский поэт как бы все время пишет свой «Новый завет». Есть Евангелие от Блока, от Пастернака, от Маяковского, от Гумилева. Непонятный текст, невнятный, зашифрованный? Так были непонятны полуграмотным рыбакам тексты Христа. Возьмем другую четверку.

Святые тексты: Мандельштама, Есенина, Цветаевой, Хлебникова. Нет Завета — нет поэта. Это относится и к современникам: БГ, Башлачев, Шнур. Неслучайно сибирский поэт Ренат Солнцев назвал свою книгу «Серебряный шнур». Поэты: Ахмадулина, Чухонцев, Сапгир, Губанов. Независимо от того, сколько напечатано. Главное, что вокруг их стихов есть духовная аура.

XX век даже внешне схож с двумя крестами святого Андрея.

Что же с XXI веком? Хихикающим иронично... Добавится ли к нему вертикаль муэдзина или колокольня?

Свою поэму о Богоматери-троеручице я написал в небе над Сербией. Это о наших женщинах.

Не Троеручица ли Майя Плисецкая? Она ввела руки в балет. Как плещутся и трепещут десяток рук над бессмертно умирающим лебедем!

Ах, с какой печалью корила она безъязычных наших дирижеров... Исключение делала лишь для Темирканова.

В безъязычный термоядерный
век Плисецкая, ярча,
видела у Темирканова
три разгневанных яйца.

Осеняемый трехперстием
ото лба и до лобка,
нас пронзает взгляд трепещущий
ока третьего, пупка.

XXI век — СТИХХІ. Этим, надеюсь, он и останется. Вы держите книгу с названием «СТИХХІ»*. Это стихи, написанные мною и опубликованные в этом столетии. И только одно из них написано в прошлом веке и впервые опубликовано в этом.

Простите за ненормативную лексику. Сейчас время ненормативное.

«Поэзия — вся! — езда в неизвестное». Этот слоган прошлого века оставил нам Маяковский. А кто предтеча?

Мы не знаем, кто написал третью книгу Ездры, самую волнующую из неканонических и апокрифичных книг Библии. Сейчас доказано, что это не был сам Ездра, вождь иудеев, ослепленный супостатом. Мы можем только почувствовать, что это был поэт. Великий ортодоксальный еретик I века нашей эры. Равный по силе тому, кто через двадцать веков напишет про себя: «Я одинок, как последний глаз идущего к слепым человека».

Он скрывался под псевдонимом «Ездра». Поэт с фамилией, как Змей Марокканский.

Шлагбаума зебра взвилась Маккавейская!
Да здоровствует Ездра — двойник Маяковского!

Конечно, другое время было, другая вера.

Но именно текстами Ездры, этого Маяковского I века зачитывались: Тертуллиан, знаток парадоксов, и митрополит Филарет, и Амвросий Медиоланский, и Евсевий Кесарийский, и киприоты.

Амвросий писал: «Говорящий мнимый Ездра был, несомненно, выше всех философов». Именно он, ортодоксальный хулиган, смог увидеть сквозь исторический туман черты римских и сирийских орлов. От его художнической, восхищенной ненависти к орлу рождаются апокалипсические клипы. Вроде тех, которые были у Довженко, у Романа Полански. Его прямо-таки тянуло к орлу, и он сказал, отшатнувшись: «Это — антихрист».

* Речь идет о книге А. Вознесенского «СТИХХІ» (М.: Время, 2006). — *Ред.*

«11

1 И видел я сон, и вот, поднялся с моря орел, у которого было двенадцать крыльев пернатых и три головы.

6 И видел я, что все поднебесное было покорно ему, и никто не сопротивлялся ему, ни одна из тварей, существующих на земле.

10 Видел я, что голос его исходил не из голов его, но из середины тела его.

45 Поэтому исчезни ты, орел, со страшными крыльями твоими, с гнусными перьями твоими, со злыми головами твоими, с жестокими когтями твоими и со всем негодным телом твоим,

46 чтобы отдохнула вся земля, и освободилась от твоего насилия, и надеялась на суд и милосердие своего Создателя.

12

3 И я видел, и вот они исчезли, и все тело орла стгорало, и ужаснулась земля, и я от тревоги, иступления ума и от великого страха пробудился и сказал духу моему:

15 Второй из них начнет царствовать и удержит власть более продолжительное время, нежели прочие двенадцать.

16 Таково значение двенадцати крыльев, виденных тобою.

31 Лев, которого ты видел поднявшимся из леса и рыкающим, говорящим к орлу и обличающим его в неправдах его всеми словами его, которые ты слышал.

36 Ты один был достоин знать эту тайну Всевышнего.

.....

Вчера мы на зурабовском застолье разговорились с Андреем Битовым.

Беседовали об орлах. Отламывая сочную ножку цыплага, мэтр спросил меня: «Андрей, “Орел табака”, это, наверно, было у тебя?!» И насмешливо сверкнул хищным взглядом.

Я, по правде говоря, не помнил, что полгода назад в «Комсомолке» напечатал строки: Орлы, орды, жарь орленка табака на гриле». Теперь это аукнулось в новой прозе Андрея Битова. «Над дверями кабака он похож на табака». Двухголовая идея родилась в головах двух Андреев. Так, наверно, у Маркони и Попова одновременно сверкнула идея

создать радио. На сером лацкане Битова мелькнула двухголовая миниатюрная сплюснутая хищная птичка Академии художеств.

Поэта обычно не понимают политики.

Поэта тираны не понимают.
Когда понимают, тогда убивают.

Поэты всю жизнь мучаются непониманием.

Так, одни, до сих пор не поняв, считают кощунством мою фразу о «плавках Бога». Другие ставили меня в ранг «хулигана», третьи чтили «певцом новейших технологий». Четвертые уже сейчас, после присуждения мне христианской премии в Белграде, обзывают меня «православным конструктивистом». А почему бы и нет?

Например, когда я написал строки:

Завидую тебе, Орел Двуглавый,
ты можешь сам с собой поговорить! —

меня восприняли как политического сторонника возвращения герба России. Я мог опубликовать эти строки только подпольно в альманахе «Метрополь». Безусловно, ностальгия присутствовала, но есть символ, которому поклонялись.

Вряд ли большевики были поклонниками Ездры. Сталин, по-орлиному зорко оглядывающий пространство, безусловно, знал книгу Ездры. В духовной семинарии он изучал ее. Кроме того, он явно считал земную власть не происходящей от Христа. Повторяю, Сталин знал, что всякая земная деспотичная власть — антихристианская.

Эсхатологическая схема древнерусской литературы: «Вавилонское разорится Перским. Перское же Македонским. Македонский же Римским антихристом. Римское же антихристом. Антихристово же Господом нашим Иисусом Христом. Аминь».

У двуглавого орла три короны. Две головы — маленькие, а третья, над пустошью между ними, — большая. Далее, орел становится двухголовым. Третья голова внезапно исчезла. Власть двухголового орла-антихриста заканчивается. Деяния орла жестоки, но бескорыстны. Христос посрамляет антихриста.

Лежат под стеклом золотые обломки,
запечатано plombой, что было орлом.

Проносились с блондинками Блоки,
или — Набоковы.
Молодые апломбы лежат под стеклом.

Ах, орел табака, ты в каббальном мире посуровел...
И сирень облевала себя на углу.
Ореольный орел на глазах превращается в Оруэлл.
Страшно гулкое «У».

На днях я был в Историческом музее. Подвижники нашей исторической науки, директор музея Александр Иванович Курков и пленительная Тамара Георгиевна, зам по творческой работе, рассказали мне сагу о московских орлах.

В XVII веке к Спасским воротам был перекинут мост, на котором шла оживленная торговля. В десятилетиях XVII века изображения двуглавых орлов были на шатрах главных башен Кремля. Позже подобные орлы-гербы расположились на самых высоких башнях: Никольской, Троицкой и Богородицкой. Иван III ввел римского орла в государственный герб России как наследника Третьего Рима, не утруждая себя знакомством с Ездрой. Таким образом, все логично катилось до 1935 года, когда большевики заменили орлов звездами. В 35-м, как рассказал директор, птицы, бронзовые с золотом, были сняты с кремлевских башен и переплавлены. Говорят, не осталось ничего. Но уже в новое время были заказаны в Венгрии четыре выпуклых копии золотых орлов. Чтобы посмотреть на них, мы поднимались в специальном лифте. Вошли в читальный зал, заботливо отреставрированный, и, поднявшись по ступенькам, оказались на орлином уровне. Их гордый вид и красота восхищают. Они от ветра колеблются и поворачиваются ровно в профиль к нам.

Я сделал несколько видеом орлов. Естественно, расположил на крыльях стихи. Родился новый жанр стихотворений-перьев. Строчек, которые соприкасаются по две-три в абсолютной независимости от остального мира.

Стихи представляют кощунственный сленг, бытовуху, в которой должны были жить исторические птицы. Ирония, насмешка по соседству с ностальгией масштабного орлиного обзора. Хочу, чтобы история стала прозрачной.

Что стало с нашими державными птицами после того, как они провисели два с половиной века в российском небе? То же, что и с французским ампиром, пересаженным на русскую почву. Они обрусели. То есть стали более человечными. Вероятно,

одрыхлели, ослабли, не имели силы противиться новому агрессивному давлению, неонантихристу — воле большевиков.

Я ушел, как она повелела,
удалился от постов и спичей.
Питался лишь цветами полевыми,
мне трава стала пищей.

А в моем подсознании орала
боль терзаемого орла:
главу левую пожирала
его правая голова.

Сладострастье — мука кровавая
и кривое подобье зеркал.
Будто кто, взявши нож в руку правую,
руку левую разрезал.

И, как будто на нитке справа,
свидетельствует Ездра,
пульсировала и свисала
с мясом вырванная ноздря.

Как заляпанный парафином,
лунный город под ними бледнел.
Чем роднее твоя половина,
тем желаннее она и родней.

Почему не придумано средства
против хищных красот?
Почему мое левое сердце
кровоточит меня и сосет?

Полосатые, как пижама,
плыли перья под смятым плечом,
и плечами душа пожимала,
будто, правда, здесь ни при чем.

.....

Словом, мне хочется, чтобы читатель сам перечитал книгу Ездры, сам сделал выводы, пережил то же волнение, что автор. Надо мной грозящая птица, глаза у нее — огни. Я не знаю, чего ей надо. Я не юноша Ганимед.

Это странное, страшное видение римско-ассирийской символики, будившее ночью поэтов, выражало время, изображенное визажистами Ивана III, было отягощено боевыми православными крестами и порфирами. Смешно и наивно было бы что-то менять в них — как пририсовывать усы Джоконде.

Другое дело новодел. Сегодняшние мусульманские конфессии имеют право возмущаться. Они не могут умирать под православными крестами. Это их право. Но это надо решать административным путем. Это вопросы геральдики. Поэзия же, современница Гумилева и Ездры, не занимается новоделами. Ее интересует сущность образа, а не геральдика.

Теперь о главном.

Мой читатель! Научитесь читать и видеть невидимое.

Перед Вами страничка прозаического набора. Она пронизана пробелами как ландышевое поле или ночная белая сирень, тянущаяся вверх гроздьями. Или как, точнее, длинные стебли конского щавеля среди неорганизованной травы. Почему-то я долго этого не понимал!..

Каждая буква и слово окутаны будто белым свистком паровоза, мчащимся в то самое незнаемое. Эти пробелы есть красота и содержание прозы! Ее аура.

- А.Г.В. 5, 289
 «— А еще я скажу апропо...»
 6, 302
 А.Мень 3, 202
 «А ты все сидишь на пляже...»
 2, 363
 А ты меня помнишь? 4, 11
 Авиашанка 4, 106
 Авось! (Поэма) 2, 74
 Автолитография 2, 293
 Автомат 2, 98
 Автоматчица 6, 51
 Автопортрет 1, 130
 Автореквием 5+, 8
 Азбука 4, 455
 Аисты 1, 335
 «Айда, пушкинианочка...»
 2, 131
 Аксиома стрекозы 3, 136
 Актриса 4, 456
 Алексею Зубову 6, 23
 «Американские
 полицейские...» 4, 470
 Амбир — ямб Москвы 5, 345
 Анафема 7, 267
 Ангелы грязи 5, 115
 Андрей Полисадов (Поэма)
 3, 164
 Аннабел Ли 2, 287
 Анти-анти 5+, 71
 Антимиры 1, 108
 Античный храм 7, 295
 Апельсины, апельсины...
 («Нью-йоркский отель
 “Челси”...») 5, 36
 Апельсины, апельсины...
 («Самого его на бомбе
 подорвали...») 1, 363
 Аренда 4, 223
 Архи-век 6, 417
 Архитектор 7, 13
 Архитектор Павлов
 («На Вас альпийские
 волосы...») 6, 153
 Архитектор Павлов
 («Отрочество и детство
 мое...») 5, 196
 «Архитектуру не приемлю...»
 7, 213
 Аськи 4, 375
 Аура 7, 124
 Афиногеновские клены 3, 302
 «Ах, летучая бусинка боли...»
 3, 227
 «Ах, московская
 американочка...» 3, 69
 «Ах, переход в полосках
 белых...» — 6, 333
 «Ах, сыграй мне, Булат,
 полечку...» 1, 55
 Ахиллесово сердце 1, 189
 Б.А. 6, 147
 Баллада 3, 93
 Баллада-диссертация 3, 34
 Баллада о двух 5+, 283
 Баллада о Мо 4, 20
 Баллада работы 1, 53
 Баллада 41-го года 6, 306
 Баллада спасения 3, 265

- Баллада точки 1, 52
 Баллада-яблоня 1, 122
 Балтийская тюленица 6, 207
 Бар «Рыбарска хижа» 1, 244
 Бард в погонах 4, 188
 Барнаульская булла 3, 124
 Бассейн 6, 283
 Б.Г. 4, 55
 БГ — для двоих 7, 94
 Беатриче 3, 218
 «Бегите — в себя, на Гаити,
 в костелы, в клозеты,
 в Египты...» 3, 328
 Беглянка 4, 44
 Беженка 4, 180
 Без «б» 7, 40
 «Безветренна наша площадь...»
 6, 45
 Бездна 4, 255
 «Беззвучный цвет — весь
 состоит из звука...» 4, 31
 «Безоблачное небо...» 6, 324
 Безотчетное 3, 17
 Белая 6, 228
 «Белеют под стволами
 черными...» 4, 102
 Беллада 7, 99
 Беловежская баллада 2, 20
 Белые ночи Б.Г. 5, 213
 Белые фигуры 4, 391
 Белый клоун 4, 211
 «Белый котенок в макушке
 сосны...» 5+, 199
 Берег 3, 279
 Берегите зайк! (Залог поэмы)
 2, 298
 Беременный бас (Поэма)
 4, 516
 «Берестяная пенка дров...»
 4, 448
 Беседа в Риме 3, 73
 «Бесконечные дни нам
 казались...» 5+, 291
 Битники 5, 259
 Благовещизм поэта 5+, 347
 Благодарствие 7, 180
 Блинный чат 4, 53
 Бобровый плач 1, 304
 «Бобры должны мочить
 хвосты...» 2, 206
 Богоматерь-37
 3, 215
 «Боже, ведь я же Твой
 стебель...» 2, 25
 «Божественно после
 парилки...» 3, 363
 Бой! (Поэма) 3, 307
 Бой петухов 1, 238
 Бойни перед сносом 2, 218
 Бойница 7, 229
 Болезнь 4, 317
 Боль 7, 11
 Большая баллада 1, 128
 «Большеголовая...» 6, 291
 Большое заверещание (Поэма)
 7, 318
 Бомж 2, 319
 Братская помощь 6, 317
 Бриллиантовая легенда 5+, 330
 «Бросками кроля в темном
 море...» 6, 208
 «Будто дверью ошибся...»
 5+, 301
 «Будто кто секретку
 нарушил...» 6, 391
 Бульвар 2, 340
 Бульвар в Лозанне 7, 216
 Бульвар Гранси. 1904 5+, 16
 Бьет женщина 1, 170
 Бьют женщину 1, 24
 «Был бы я крестным ходом...»
 3, 214
 «Был он гений и гуляка...»
 4, 489
 «Был он мой товарищ
 по классу...» 6, 170

- «Был человеком-
экскрементом...» 4, 509
Быть женщиной 4, 216
- В.Б. 5+, 309
- «В больничном саду
воскресник...» 3, 369
- «В век варварства и атома...»
6, 251
- «В воротничке я...» 1, 234
- «В доме негусто, но пиршество
взору...» 6, 253
- «В каждой веточке бусинка
боли...» 6, 218
- «В миг отлива
микроскопично...» 5+, 43
- «В мире друзей, в мире
транспорта долгого...»
3, 342
- «В нас Рим и Азия
смыкаются...» 4, 101
- В непогоду 1, 331
- В Нью-йоркском ресторане
5+, 60
- В полях безоглядных 3, 32
- «В пору, когда зацветает
акация...» 3, 306
- В роддоме 3, 370
- «В свое последнее рождение...»
3, 374
- В Скифе 2, 348
- «В скольжение юзом —
специфичность...» 2, 148
- «В слезах, когда
просыпаюсь...» 4, 513
- «В тебе живет сияние.
Безжалостно...» 7, 239
- «В тебе просвечивает гибель...»
4, 441
- «В толпе меж рынком
и кинотеатром...» 7, 279
- В тополях 3, 55
- В ту лузу 7, 272
- В храме 4, 348
- «В человеческом организме...»
1, 319
- В эмигрантском ресторане
5+, 183
- Вальс 7, 36
- Вальс при свечах 1, 246
- Вамп-2
6, 410
- Вамп-3
6, 412
- Вампы 6, 409
- Вампы (Поэма) 7, 74
- Ванька-авангардист 2, 143
- «Вас за плечи держали...» 1, 47
- Васильки Шагала 1, 302
- Введение в видеодраму 5+, 48
- «Вдову великого поэта...» 4, 19
- Вдоль моря 4, 8
- Вдребезги 5+, 72
- Великий пост 4, 108
- Величальная открытка
В. Бокову 5+, 311
- Верба 3, 304
- «Верблюды пишут
верлибры...» 6, 255
- Весёленькие строчки 7, 25
- Весенние велогонки 4, 263
- Вестница 3, 23
- Ветер 4, 63
- Ветеран 4, 98
- Вечер в «Обществе слепых»
1, 332
- Вечеринка 6, 140
- Вечное мясо (Поэма) 3, 82
- Вечные мальчишки 7, 280
- Вечный русский 4, 397
- «Взад-вперед походкой
челночной...» 6, 252
- «Взгляд Твой полон одной
любовью...» 7, 28
- Видение 7, 50
- Видеопоэма 3, 199

- Визу 4, 446
 «Визу, как сон, — ты стоишь
 в полукруге...» 3, 44
 Вийон 7, 259
 Виртуальная клавиатура 5, 143
 Виртуальное вручение 7, 55
 Виртуальные витражи 5, 201
 Виртуальный виртуоз 5, 192
 Виртуальный витрувий 5, 389
 «Висит метла — как
 танцплощадка...» 2, 234
 «Виснут шнурами вечными...»
 2, 275
 Витебская баллада 3, 273
 Владимир 5, 135
 Властитель чувств 5, 137
 «Во время взлета и перед
 бураном...» 3, 272
 «Во мне живет непостижимый
 свет...» 7, 22
 Водитель 3, 283
 Водная лыжница 2, 104
 Водяные 3, 94
 Возвращение 7, 310
 Возвращение в Сигулду 1, 151
 Возвратитесь в цветы!
 (Поэма) 6, 74
 Возвращение к морю 4, 249
 Воздушные лыжи 3, 96
 Волшебное стекло 4, 68
 Вольноотпущенник времени
 2, 28
 Вор воспоминаний 6, 220
 Восемнадцатилетняя 5+, 186
 Воспоминания о земном
 притяжении 6, 373
 «Вот и сгорел вроде
 спутников...» 4, 18
 Время на ремонте 1, 263
 Время поэта 5+, 193
 Время скорби 7, 290
 «Все возвращается на круги
 свои...» 6, 174
 «Все звучнее и ночнее...» 4, 429
 «Все конкретней
 и необычайней...» 6, 241
 «Все мы неба узники. Кто-то
 в нас играет?...» 5+, 12
 «Все товарищи сегодня —
 господа...» 4, 366
 Всенародный Володя 5, 224
 Вслепую 2, 225
 «Всплеснув руками, силуэт
 Христа...» 4, 407
 Вступление 1, 78
 «Всходы страшных семян...»
 5+, 203
 Вторая жизнь 7, 174
 Вторичные люди 5+, 24
 Второе вступление 1, 80
 Второй (Видеодрам) 5+, 80
 Вторые рощи 2, 207
 «Вы выдумали — мы стадом
 плетемся...» 6, 378
 «Вы застали меня живым...»
 4, 22
 «Вы мне написали левой...»
 2, 190
 «— Вы читали? — задавили
 Челентано!..» 3, 74
 «Выгнувши шею назад
 осторожно...» 6, 332
 «Выдалось лето жаркое...»
 4, 451
 «Вызывайте ненависть на себя
 почаще...» 3, 161
 Вынужденное отступление
 6, 300
 Выписка из книги
 «Чародейство, волшебство
 и все русские народные
 заговоры» 3, 189
 Выпусти птицу! 1, 308
 «Вырулить не успеть...» 6, 396
 Выставка «Москва — Париж»
 3, 292

- Газетный снег 5, 420
 Гайана 3, 350
 Гамбург-ретро 6, 308
 Гарь 2, 357
 «Где заснеженная Россия?...»
 4, 396
 «Где они полюбили...» 6, 231
 Гекзаметры другу 3, 30
 Гениальная ошибка (Поэма)
 6, 127
 Геометридка, или Нимфа
 Набокова 5+, 389
 Герника Сапгира 5, 128
 Гибель наркокурьера 4, 230
 Гибель оленя 2, 244
 Гламурная революция 7, 26
 «Глядите в лапу клиенту
 нищему...» 6, 389
 Гнев 2, 60
 Говорит мама 1, 334
 Год зайца 4, 510
 «Годы. Крушенья новые...» 6, 54
 Гойя 1, 15
 Голос («Повите Ротару...»)
 5+, 302
 Голос («Я хочу Тебя
 услыхать...») 6, 15
 Голубой зал Кремля 5, 169
 Голубой погубай 3, 37
 «Гора решенья. И гора
 страданья...» 3, 80
 «Горит комар твоей
 кровинкой...» 4, 402
 Горный монастырь 1, 255
 Горный родничок 6, 156
 «Господь, помилуй мою
 душу!...» 3, 334
 Гость из тысячелетий 2, 44
 Гость у костра 6, 262
 «Графоманы Москвы...» 1, 223
 Грех 2, 282
 Грех (Беседа после поэмы)
 3, 256
 Грех Уныния 2, 359
 Грибница 6, 278
 Грипп «Гонконг-69» 1, 272
 Грузинские храмы 3, 142
 «Груша заглохшая, в чаще
 одна...» 3, 42
 Гуляя в офшорах 7, 261
 Гуру урагана (Поэма) 1, 397
 «Да здравствуют прогулки
 в полвторого...» 1, 261
 «Давай
 от Краснопресненской...»
 5+, 67
 «Давайте гнать не наперед,
 а задом!...» 7, 122
 Дали 7, 365
 «Дали девочке искру...» 6, 147
 Дама трэф (Опера-детектив)
 2, 150
 Дача 4, 204
 Дача детства 7, 176
 Дача небытия 6, 236
 Два дворца в Ликани 3, 355
 Два экспромта Алексею
 Рыбникову по случаю
 получения им премии
 «Триумф» 7, 170
 Две песни 2, 113
 «Две чашки в сумерках
 белели...» 6, 297
 «Две школы — женская,
 мужская...» 5+, 304
 Двое 5+, 54
 «Двое подошли к калитке...»
 2, 381
 Девочка с пирсингом (Поэма)
 4, 326
 Девочке Кате 7, 158
 Дежурная аптекарша 6, 287
 Декабрьские пастбища 1, 202
 «Делиб — дебилам...» 4, 432
 Демгородок 2, 379

- Демонстрация 7, 113
 Демонстрация языка 5+, 69
 Демоны 4, 371
 Деньги пахнут 6, 29
 Деревянная звонница 6, 388
 Деревянный ангелок 5, 121
 Деревянный зал 3, 97
 Деги-сапоги 6, 166
 Детский сад 4, 226
 Диалог 1, 229
 Дирижерка 7, 60
 Диспут 4, 205
 Диссертация о «Голом Короле»
 2, 362
 Длиноного 1, 66
 «Для всех — вне звезд, вне
 митр, вне званий...» 2, 273
 «Для души, северянки
 покорной...» 2, 205
 До свидания, рукотворное!
 7, 302
 Догадка 3, 33
 Дозорный перед полем
 Куликовым 5+, 288
 Дозрење 6, 344
 Доктор осень (Баллада) 6, 309
 Долг 2, 202
 Дом 7, 304
 Дом отдыха 6, 47
 Дом с ручкой 7, 177
 Домик охоты 3, 146
 Домой! 4, 222
 «Донеслось по связи
 сотовой...» 4, 325
 Донжуанизм 6, 293
 Донор дыхания 2, 108
 Доноры 6, 243
 Дополнение к стихотворению
 «Когда есть Ты» 7, 149
 «Дорогие литсобратья!..» 2, 37
 Дочь художника 4, 65
 Древо Бо 4, 123
 «Друг мой, мы зажились.
 Бывает...» 2, 54
 «Друг, не пой мне песню
 про Сталина...» 1, 96
 Другу («Душа — это сквозняк
 пространства...») 2, 274
 Другу («Мы рыли тоннель
 навстречу друг другу...»)
 6, 188
 Другу («Скотина наглая!..»)
 4, 404
 Другьям-юбилярам 6, 198
 Думайте поступками 6, 154
 Дурман 4, 318
 «Духовной жаждою томим...»
 2, 382
 Дыба-воевода 6, 365
 Дюймовочки 6, 108
 Е.В.Ж. 7, 123
 Ева 7, 200
 «Европа-плюс —
 плюсплюсплю — сплю с...»
 6, 41
 «Едва просыпаюсь во мраке...»
 4, 228
 Ее повесть 2, 130
 Ее сон 7, 173
 «Ежедневно...» 4, 354
 Езра в незнаемое 7, 377
 Елена Сергеевна 1, 30
 Елка («Елка упала всеми
 подолами...») 6, 193
 Елка («За окном
 кариатиды...») 3, 384
 Елочные пальчики 7, 223
 Е-мое 4, 355
 «Если б тебя не было...»
 5+, 188
 «Если были б чемпионаты...»
 4, 45
 «Есть в хлебном колосе...» 4, 33
 «Есть русская
 интеллигенция...» 2, 16
 Есть русская интеллигенция?
 5, 439

«Еще немного дай побыть
мне так...» 3, 13
Еще о Данте 3, 103
Еще очисти снег 2, 374

«Жадным взором василиска...»
1, 194

«Жаль, что проходит
“на ура”...» 3, 226

Жарим мираж (Поэма) 6, 32
Желтый дом 4, 104

«Жемчуг бёклинский светит
блёлло...» 7, 304

Жемчужинка 4, 254
Женоров 4, 321
Женское пламя 3, 297
Женщина в августе 2, 245
Женщина и стена 3, 14
Женщина перед зеркалом 3, 187
Жертвы 11 сентября 6, 69
Жестокий романс 2, 107

«Живите не в пространстве,
а во времени...» 3, 361

«Живу в сторожке одинокой...»
1, 275

Жизнь 7, 107

«Жизнь моя кочевая...» 1, 155

«Жил художник в нужде
и гордыне...» 1, 268

Жуткий Крайзис Супер Стар
(Рок-опера) 2, 384

За звуковым порогом 5+, 198
За речкой Птичь 5+, 325

«За тобою прожженные
годы...» 3, 305

«— За что мои всходы
растоптаны?..» 4, 183

«За что нам на сердце такие
рубцы?..» 4, 512

Забастовка стриптиза 3, 121

«Завидую святому Георгию...»
7, 199

Загадка ЛФИ 6, 404
Заздравная песня 5+, 38
Зал Чайковского 4, 478
Заложник надежды 5, 130
Замерли 1, 118
Западник 4, 495
Записка Е. Яницкой, бывшей
машинистке Маяковского
1, 132

Заплыв 2, 187
Заповедь 2, 116
Зарастающее озеро 2, 210

«Заслышу ль рифму
в перелеске...» 3, 156

Засуха 2, 56

«Затосковала душа,
охромела...» 7, 294

«Зачем из Риги плывут
миноги...» 2, 268

Зачем тогда? 3, 211

«Зачем я пришел
к пергаментному Мишо?..»
6, 200

«Зачитываюсь Махамбетом...»
5+, 36

«Зашторены закаты...» 3, 221

Заяц пробежал 6, 234

Звезда 2, 22

Звезда над Михайловским
7, 54

Звезда по имени поэта 2, 380

Звездное небо 7, 327

Зевака 2, 349

Зеленая баллада 3, 295

Зеленая обезьяна 6, 115

«Знай свое место, красивая
рвань...» 2, 277

Зов озера 1, 164

Зодчие речи 6, 334

Золотая синева 4, 26

Золоченое разочарование 3, 54

Зомби забвенья 3, 50

Зуб разума 5, 304

Зунда 6, 384
 «Зэки пьют кресла
 Аэрофлоту...» 5+, 314
 «И ни злата, ни серебра...»
 4, 345
 Иван-Царевич 6, 402
 Игра в наперсток 6, 379
 Играет Горовец 6, 118
 Играура 7, 260
 «Идет перетягивание каната...»
 6, 304
 Идиллия 3, 368
 «Иду по небу на парашюте...»
 4, 220
 «Иду я росой предпокосной...»
 3, 45
 Из давнего дневника 3, 78
 Из Мексики 6, 328
 «Из нас любой —
 полубезумен...» 4, 480
 Из сибирского блокнота
 6, 260
 Из стенограммы выступления
 на VIII съезде 5+, 371
 Из ташкентского репортажа
 1, 183
 Из Хемингуэя 6, 382
 Из якутского дневника 6, 257
 Измерение 5+, 62
 Изумрудный юмор 5+, 292
 Имена 3, 28
 Индийская корова 3, 371
 Инструкция 2, 193
 Инструкция по скоростной
 ходьбе 6, 63
 Интерфернал 7, 218
 Ипатьевская баллада 2, 186
 Ипатьевский грех 5, 120
 Ирена 1, 144
 Ирреализм 7, 246
 Искусшение 2, 317
 Испания 4, 438

Исповедь Мордовской
 Мадонны 4, 35
 Исповедь «сырихи» 2, 321
 «Используйте силу свою...»
 6, 213
 Испытание болотохода 1, 235
 Истина 2, 57
 «Итальянка с миной
 “подумаешь!” ...» 1, 361
 Итальянский гараж 1, 106
 «Их предают земле скорей...»
 4, 457
 Июнь-68
 1, 284
 К барьеру! 6, 186
 К Данте 3, 102
 «К нам забредал Булат...»
 1, 29
 К образу 7, 24
 Кабалистическая экспертиза
 4, 439
 Кабанья охота 1, 256
 Каббалистическая экспертиза
 5, 415
 Каин 5+, 76
 «Как белоснежно, как
 бездонно...» 6, 273
 «Как мы счастливы с тобой,
 мы счастливы!...» 4, 225
 «Как палец, парус вылез...»
 6, 14
 «Как Россия ела! Семга
 розовела...» 7, 114
 «Как сжимается сердце
 дрожью...» 2, 204
 «Как спасти страну
 от дьявола?...» 2, 358
 «Как ты кричишь, садовая
 скамья...» 6, 381
 «Как хорошо найти...» 3, 357
 Калигула 3, 284
 Каллы 4, 353

- Каменный увалень 7, 342
 Кара Карфагена (Поэма) 4, 378
 Караченцов 7, 116
 Катёрка 7, 314
 Квартира 3, 366
 Кемская легенда 1, 188
 Киж-озеро 1, 186
 Киллерка, или Дымок над
 пл. Маяковского 4, 475
 «Клавишами Берлиоза...» 4, 428
 Кладбище грузинского
 шрифта 6, 330
 Кларнет 7, 62
 Классик 7, 361
 Классика 4, 262
 Классицисту 5+, 329
 «Клонируйте, потц, овечек!...»
 6, 210
 Книжная ярмарка 4, 464
 Книжный бум 2, 263
 Кнопки 6, 65
 «Ко мне юнец в мои метели...»
 4, 435
 «Когда всегда передо мной...»
 3, 358
 «Когда душа метелями
 забита...» 6, 240
 Когда есть Ты 7, 147
 «Когда же я очнулся,
 я увидел...» 4, 507
 «Когда звоню из городов
 далеких...» 3, 190
 «Когда написал он
 Вяземскому...» 2, 284
 «Когда народ-
 первоисточник...» 3, 383
 «Когда по Пушкину
 кручинились миряне...»
 2, 38
 «Когда совсем уж плохо...»
 2, 341
 «Когда ты забираешь наверх
 под кепку волосы...» 3, 353
 «Когда устали в небесах
 скитаться...» 7, 117
 «Когда человек боится...»
 6, 395
 «Когда человек умирает...»
 2, 378
 «Когда я когда-нибудь
 сохну...» 3, 385
 «Когда я слышу визг ваш
 шкурный...» 6, 248
 «Кого боится Вирджиния
 Вульф?...» 6, 345
 Колесо смеха 6, 149
 Коляска Рэя Брэдбери 7, 195
 Комендантский час 6, 123
 Комплекс 6, 387
 Компра (Поэма) 4, 417
 «Кому на Руси жить плохо»
 2, 192
 Конские состязания в Лыхны
 3, 143
 Конспиративная квартира
 1, 120
 «Конфедераток тузы
 бесшабашные...» 1, 59
 Кончита 5+, 297
 Кормление из Парижа 7, 178
 «Коровам снится синтетичный
 силос...» 4, 51
 «Коровёнки стоят нетучные...»
 7, 303
 Королевская дочь 1, 341
 «Корректива готовален...»
 4, 481
 Косово 5+, 61
 Кошка 3, 155
 «Кошкин лаз» — цезарь-палас
 6, 177
 Красивая стоматолог 7, 57
 «Красит, извините, мрак...»
 7, 156
 Красота 2, 70
 Кредо 5+, 279

- «Крепит антеннку бабка
Агафья...» 6, 245
Крестная крестница 5, 218
«Кречет не вкочет...» 4, 324
Критику 3, 281
«Кричала девочка
батистовая...» 2, 191
Кровь 4, 62
«Крокодилы окотились...» 7, 230
Кромка 2, 106
Кроны и корни 3, 27
«Кто мы — фишки или
великие?...» 6, 164
«Кто на землю обетованную...»
6, 195
Кто чей? 7, 159
Кузнечик 5+, 306
Кумир 3, 60
Купание в росе 4, 23
«Куплю “макарова”...» 2, 339
Курсор 4, 499

«Ландышевый дом...» 7, 222
Ласточки 6, 270
Латы и флейта 5, 269
Латышский эскиз 1, 69
Лебединый рубанок 7, 337
Легенда 7, 284
Лед-69 (Поэма) 2, 247
Ледяное одиночество 5+, 56
Ледяное пламя 5, 359
«Лежат велосипеды...» 5+, 310
Лейтенант Загорин 1, 172
Лена 4, 372
Лена вскрыла вены 4, 99
Лень 1, 119
Лесалки 7, 264
Лесная малица 2, 270
Лесник играет 1, 339
Лесной регтайм 4, 182
Летальный лейтенант 4, 193
Летающий мужик 1, 336
«Летел он от Земли
наискосок...» 6, 269

Лето олигарха 5+, 22
Летописец 6, 237
Летучий «Варяг» 5+, 37
Летучий муравей поэзии
5+, 377
Летят вороны 3, 148
Лечебный чат 4, 206
Лёшенька 7, 269
Ливы 1, 200
Лиза ОМОНА 2, 323
Линней 7, 44
Липечанские болота 6, 275
Липы цветут 7, 235
Лирическая религия 2, 266
«Лист летящий, лист
спешащий...» 1, 195
Листы Его сада 3, 79
Литовские мотивы 7, 283
Литургия лет 5+, 315
Лифт застрял 4, 38
Лобная баллада 1, 82
Лодка на берегу 1, 251
Лондонский мост 7, 127
Лонжюмо (Поэма) 3, 313
«Лунатик цифири...» 6, 150
Лунная дорожка 7, 90
Лунная Нерль 7, 120
Лыжник («Один на один
со Вселенной...») 3, 208
Лыжник («Лыжник летит
по небу, беся дураков...»)
4, 494
«Льнешь ли лживой зверью...»
2, 241
«Люб мне Маяковский —
Командор...» 5+, 328
«Люблю Ад...» 4, 486
«Люблю до одурения тебя,
Москва...» 4, 469
Люблю Лорку 5+, 406
«Люблю неслышный
почтальона...» 6, 219
Люблю подарки 7, 106
Любовь 2, 58

«Любовь и горе —
вне советов...» 6, 146
«Любовь — это когда в горе...»
6, 340
«Любя природу во все
глотки...» 6, 261
Люмпен-интеллигенция 2, 180
Магазин «Москва» 4, 468
Мадам де Пробир 5+, 286
Мадригал 2, 62
«Малина и крапива...» 6, 197
Мальвина 2, 213
Мальчик стекол 2, 318
«— Мама, кто там сверху,
голенастенький...» 2, 122
Манеж 6, 327
Марля времени 6, 406
Март 6, 282
Марше О Пюс. Парижская
толкучка древностей
1, 139
Марьяна 6, 353
Масленица 4, 52
Масличная ветвь 3, 81
Масличная гора 5+, 191
Мастера (Поэма) 1, 369
Мастерские на Трубной 1, 50
«Матери сиротеют...» 1, 160
Матросы 5+, 296
Мать («Охрани, Провидение,
своиммахом
шагреньевым...») 5+, 173
Мать («Я отменил материнские
похороны...») 2, 102
Мать-тьма 3, 387
«Медновзметенная гора...»
6, 192
Между кошкой и собакой
5, 40
Мелодия Кирилла и Мефодия
1, 364
«Меня пугают формализмом...»
1, 46

Месса-04
2, 280
Месяц 4, 393
Мефистофель 4, 323
Меценаты снизу 7, 296
М. Жванецкому 6, 66
Миллион раз 5, 186
Миллион роз 5+, 300
Милосердия! 4, 195
«Мимо губ проносили зелье...»
6, 122
Минута немолчания 5+, 365
Минчанка 4, 203
«Мне Ленинград —
двоюродный...» 3, 217
Мне 14 лет 5, 41
Мнемозина на метле 5, 274
Мое время 4, 29
Мое первое стихотворение
5, 28
«Можно и не быть поэтом...»
5+, 11
«Мозг умирает. Душа-
эмигрантка...» 3, 141
«Мой кулак съёс мне
полчелюсти...» 7, 217
Мой Микеланджело 7, 202
Мой проект памятника
жертвам репрессий 3, 213
Молитва («Когда я придаю
бумаге...») 1, 293
Молитва («Спаси нас, Господи,
от новых арестов...») 2, 361
Молитва о «Курске» 4, 95
Молитва спринтера 5+, 192
Молчальный звон 2, 228
Монады 4, 349
Монахиня моря 3, 21
Монолог актера 1, 365
Монолог биолога 1, 190
Монолог битника 3, 18
Монолог века 2, 196
Монолог Мерлин Монро 1, 89
Монолог Резанова 2, 170

- Монолог читателя 1, 320
 «Мордеем, друг. Подруги
 молодют...» 2, 314
 Море («Море – бескрайнее,
 как китайцы...») 6, 403
 Море («Море разглаживает
 морщины...») 6, 13
 Море («Проплыву, продышу,
 проживу брассом...») 4, 10
 «Море красится сурьюмою...»
 2, 343
 «Море подзалетело...» 6, 292
 Мороз 6, 285
 Морозный ипподром 1, 240
 Морская песенка 1, 232
 Москва. Кремль 4, 505
 Московская окрошка 6, 280
 «Мост. Огни и лодки...» 7, 126
 Мостик 4, 5
 Мосточек 5+, 308
 Мотогонки по вертикальной
 стене 1, 64
 «Мотыльковый твой возраст...»
 4, 227
 Моя родословная 5, 370
 МТС 6, 48
 Мужиковская весна 2, 29
 Мужчина и зеркало 6, 55
 «Мужчина с дочкой
 на плечах...» 3, 53
 «Мужчины с черными
 раскрытыми зонтами...»
 6, 242
 Муза 7, 214
 Музе 3, 386
 Муки Музы 6, 429
 Мулатка 3, 110
 Мумии мысли 2, 376
 Муравей 2, 139
 Муромский сруб 1, 150
 Мусатовская сирень 3, 47
 «Мы в городе проголодались...»
 6, 259
 «Мы говорим о форпостах...»
 6, 364
 «Мы — кочевые, мы —
 кочевые...» 6, 110
 «Мы нарушили Божий
 завет...» 2, 129
 «Мы обручились временем
 с тобой...» 2, 124
 «Мы от музыки проснулись...»
 2, 356
 «Мы писали историю...» 1, 63
 «Мы с тобою прячемся
 от Времени...» 4, 113
 «Мы сбрендили?!...» 4, 196
 «Мы снова встретились.
 И нас...» 2, 128
 «Мы тайну не угробили...»
 4, 447
 «Мы шли сквозь облако
 по крену...» 7, 266
 Мы — ямы 2, 330
 На берегу 5+, 55
 «На закате плещет мою
 нишу...» 4, 487
 На маяке 3, 149
 «На место Сахарова лег...»
 2, 327
 На плотях 1, 36
 «На площади судят нас, трех
 воров...» 1, 342
 «На соловья не шлют доносов
 скворки...» 6, 356
 «На спине плыву устало...»
 4, 198
 «На спинку божия коровка...»
 1, 260
 «На стреме замрут века,
 дыхание затая...» 3, 8
 «На суде, в раю или в аду...»
 1, 343
 «На Сухаревой башне Иван
 Великий женится!...» 6, 359

- «На улице, где ты живешь...»
2, 240
- «На ходиках с боем
старинным...» 7, 33
- На экспорт 3, 38
- «Наверно, ты скоро
забудешь...» 3, 108
- «Нависает наполовину...» 6, 326
- «Над Академией...» 1, 68
- Над омутом 5+, 305
- «Над темной, молчаливою
державой...» 2, 123
- «Над тобою молитву...» 5+, 68
- «“Надежды нету — надежда
есть!”...» 7, 119
- «Наденьте белые рубахи...»
6, 343
- Надпись на этом томе 5+, 7
- Наемные неумные 4, 408
- «Нам, как аппендицит...» 1, 220
- «Нам, продавшим в себе
человека...» 5+, 17
- Нанодрозды 7, 307
- Напоили 1, 100
- «Нас дурацкое счастье
минует...» 4, 7
- «Нас много. Нас может быть
четверо...» 1, 104
- «Нас посещает в срок...» 3, 360
- «Наш берег песчаный
и плоский...» 1, 254
- «Наши трапезы —
сладострастные...» 4, 30
- «Не бросайте мусор у моей
калитки!...» 4, 224
- «Не возвращайтесь к былым
возлюбленным...» 1, 307
- «Не возникай, — скажу я, —
дура...» 6, 377
- «Не дай нам, Господи,
сорваться!...» 4, 191
- Не забудь 2, 42
- Не исчезай 2, 184
- «Не надо околичностей...»
6, 162
- «Не отрекусь...» 3, 327
- Не пишется 1, 218
- Не покидай меня (Романс)
7, 67
- «Не понимать стихи —
не грех...» 3, 288
- «Не поняли евангелисты...»
6, 341
- «Не придумано истинней
мига...» 1, 306
- «Не пытайте лампой
паяльной...» 4, 444
- «Не разлюбите
без взаимности!...» 2, 345
- Не сгую 6, 30
- Не сорите! 4, 491
- Неба бы!.. 2, 52
- Небесный человек 7, 132
- Невезуха 3, 117
- Невстреча у источника 5, 409
- «Негу законную на себя
наденьте...» 4, 347
- Недописанная красавица
3, 197
- Недоумение 3, 219
- Независимость 4, 431
- Неизвестный — реквием
в двух шагах с эпилогом
1, 269
- Некролог 6, 268
- «Нельзя в ту же реку стать
дважды...» 5+, 320
- Немая 4, 15
- Немые в магазине 1, 18
- «Ненавижу афоризмы...»
7, 281
- Несли не хоронить — несли
короновать 7, 373
- Нет времени 4, 48
- «Неужто это будет все
забыто...» 1, 362

- Нечистая сила 2, 181
 «Ни в паству не гожусь,
 ни в пастухи...» 5+, 189
 Никогда 2, 297
 «Никто меня не провожал...»
 4, 316
 Нирвана 4, 234
 Ничего иного 5+, 35
 Нищие 4, 508
 Нищий храм 7, 219
 Новая Лебедя 2, 238
 Новая природа 7, 121
 Новогоднее 7, 242
 Новогоднее письмо в Варшаву
 1, 58
 Новогоднее платье 1, 323
 Новогодние прогулки с Сексом
 7, 42
 Новогодние ралли-стоп 2, 34
 Новоселье 3, 365
 Новосибирские гимназисты
 3, 123
 Новые Неновые 5+, 312
 Новый Арбат 7, 133
 Новый год в Риме 1, 109
 Новый поэт 6, 9
 Носорог 6, 27
 Ностальгия по настоящему 2, 10
 «Ночами из зубцов
 кремлевских...» 6, 319
 Ночной аэропорт в Нью-Йорке
 1, 75
 Ночь («Выйдешь – дивно!..»)
 6, 68
 Ночь («Сколько звезд!..») 1, 127
 «Ночь» Буонарроти 2, 61
 НТР 1, 314
 «Ну почему он столько раз
 про ос...» 6, 145
 «Ну, что же, примем аксиому
 века...» 6, 277
 «Ну что тебе надо еще
 от меня?..» 1, 159
 «Ну, что ты стесняешься...»
 5+, 299
 «Нынче комплекс Эдипа других
 пострашней...» 7, 274
 Нырок 3, 278
 Нью-йоркская птица 1, 98
 Нью-йоркские значки 1, 282
 О 5+, 217
 «О Грузия! Ты — панорама...»
 3, 346
 О казалось 7, 245
 О палиндроме 7, 237
 Облака 5+, 32
 «Облака лежали штучные...»
 2, 209
 Обмен 2, 24
 «обожаю Окружное поет
 поет...» 4, 403
 Обсерватория 2, 235
 Обстановочка 1, 352
 Обучение винопитию 4, 252
 Обучение на доске 4, 120
 Общий пляж № 2
 1, 252
 Объявление о знакомстве 6, 298
 Оглянись вперед 3, 301
 Ода дубу 2, 110
 Ода к столетию Музея 4, 462
 Ода ко второму изданию
 «Casino “Россия”» 4, 357
 Ода моей левой руке 7, 46
 Ода на избрание в Академию
 искусств 2, 135
 Ода одежде 2, 198
 Ода сплетникам 3, 344
 Одной 7, 20
 Одной женщине 5+, 18
 Оза (Поэма) 1, 377
 «Озера летние от стужи
 сбрендили...» 6, 196
 Озеро («Кто ты —
 неопознанный Бог...») 2, 18

- Озеро («Я ночью проснулся.
Мне кто-то сказал...») 3, 19
«Озеро всегда над нами...» 5+, 46
Озеро жалости 7, 29
«Озеро отдыха возле
Орехова...» 7, 276
Окна 6, 296
Окно 3, 300
Оксана-2001
4, 189
«Октябрьский» 4, 311
Олененок 1, 142
Олень по кличке Туманный
Парень 6, 322
Оленья охота 2, 212
Олимпийская сборная 6, 254
«Омытые светом деревья...»
6, 222
Операция «Кус-кус» 4, 356
Оппонентам 6, 347
«Оправдываться —
не обязательно...» 5+, 202
«Опять, Ираклий
Луарсабович...» 5+, 327
Осеннее вступление 1, 225
Осенний воскресник 1, 43
Осенний дилижанс 6, 194
Осенний para-sailing 4, 218
Осень 1, 38
Осень в Сигулде 1, 70
Осень Пастернака 6, 10
Останки башни 3, 337
«Остаюсь у разбитого очага...»
4, 515
«Остерегите истеричек!..» 6, 191
Осы Осипа 7, 354
«От Генриха Сапгира...» 2, 371
От трех до четырех 7, 31
«От Ховрина и до Мехико...»
6, 375
Ответ критику Адольфу
Урбану 5+, 396
Ответ министру 6, 294
Ответ на записку 2, 189
Ответ на записку в Одессе 6, 58
«Отец, мы видимся все
реже-реже...» 2, 146
«Отзовись!..» 5+, 200
Откат 7, 48
Открытие в Новгороде
памятника «Тысячелетие
Руси» 4, 215
Открытие черного квадрата
4, 93
Открытка («Что тебе привезти
из Парижу?..») 3, 347
Открытка («Я не приеду к тебе
на премьеру...») 2, 278
«Отмыли аудиторы Иуду...»
4, 401
«Отогнувши средний
подлокотник...» 6, 376
Отпевание Jacki 5+, 322
Отпечаток чата 1, 5
Отставший лебедь 6, 181
Отступление об отступлениях
6, 295
Отцу 1, 358
«Отчего в наклонившихся
ивах...» 2, 125
«Отшумевшие школы. Века
и склоки...» 3, 49
Охота на зайца 1, 124
Охотник 6, 258
Очередь московских женщин
2, 166
Очисти снег 2, 372
Очисти, снег 4, 192
Павлевазмей 4, 60
Палиндром 4, 465
«Пальцы твоей ступни,
уменьшающиеся,
как слоники...» 2, 344
Памяти Алексея Хвостенко
6, 44

- Памяти Владимира Высоцкого
3, 106
- Памяти Наташи Головиной
6, 400
- Памяти Рихтера 4, 314
- Памяти Юрия Щекочихина
6, 37
- Памятник 4, 458
- Памятник-2001 4, 514
- Памятник императору 4, 437
- «Память – это волки в поле...»
1, 262
- Параболическая баллада 1, 22
- Парадигма 7, 234
- Пара-шут 4, 207
- Парашют 4, 217
- Париж без рифм 1, 134
- Парламентер 4, 445
- Пароход влюбленных 2, 285
- Пасата 2, 136
- «Пасечник нашего лета...»
5+, 307
- Певец 5+, 321
- «Пей отраву, ешь “ризотто”...»
7, 45
- Пейзаж с озером 2, 260
- «Пел Твардовский в ночной
Флоренции...» 3, 114
- Первая любовь 2, 188
- Первый автобус 3, 99
- Первый в жизни снег 4, 119
- Первый лед 1, 28
- Первый снег 6, 137
- Перед рассветом 2, 276
- Перед ремонтом 2, 199
- «Перед стеклом...» 5+, 30
- Переделкинский ключ 2, 329
- Переезд 3, 154
- Переулоч 4, 250
- Переход 2, 351
- Переход на «Пушкинской»
4, 233
- Песенка 6, 183
- Песенка Елизаветы 5+, 53
- Песенка из спектакля 6, 374
- Песенка княжны Дуняши
5+, 70
- Песенка травести из спектакля
«Антимиры» 3, 131
- Песнь Пенсильванская 5+, 64
- Песня 6, 224
- Песня акына 2, 95
- Песня кабацких разбойников
6, 226
- Песня на «бис» 5+, 303
- Песня о Мейерхольде 2, 142
- Песня Офелии 1, 35
- Песня шута 1, 300
- Песчаный человечек 2, 49
- Пиета 2, 175
- Пир 2, 50
- Пирсинг 4, 232
- Пластинка 4, 47
- Платите женщине 4, 186
- Плач по братку 7, 128
- Плач по двум нерожденным
поэмам 1, 161
- Плач по юности 7, 91
- «Плачет младенец
голенький...» 4, 256
- «Плачь по Булату, приبلудшая
девочка...» 4, 320
- Пловец 4, 197
- Плохой почерк 6, 26
- Пляж 3, 336
- Пляж душ 6, 366
- «По Суздалю, по Суздалю...»
1, 44
- Повесть 1, 340
- Повторный ангел 5+, 47
- «Погадай, возьми меня
за руку...» 2, 296
- «Поглядишь, как несметно...»
6, 18
- «Под ночной переделкинский
поезд...» 2, 203

- «Под утро ты придешь назад...» 6, 155
- Подписка 3, 228
- Подражание шотландцам 4, 409
- Поединок 6, 348
- Пожар в Архитектурном институте 1, 16
- Поле брани 6, 361
- Полуторка 6, 338
- Польское 5+, 182
- Полюс 3, 349
- Поминки по съеденному 4, 351
- Поминки с сенатором 6, 189
- Помилуй, Господи... 4, 17
- «Помощь явная — тщеславная...» 5+, 285
- Поп-певец 3, 224
- Поражение шотландцам 4, 409
- Порнография духа 1, 348
- Портовая стойка 6, 225
- Портрет 3, 62
- Портрет Плисецкой 1, 206
- Портрет поэта 5, 328
- Портрет Хуциева 5+, 318
- Посвящение 3, 291
- После последней войны 6, 394
- После сигнала 3, 195
- После фильма «20 лет спустя» 6, 168
- Последние семь слов Христа (Поэма) 2, 400
- Последняя электричка 1, 32
- Пост 6, 372
- «Поставь в стакан замедленную астру...» 3, 72
- «Пострашнее мышеловок 5+, 57
- Постскриптум 5+, 10
- По-сырому 4, 450
- Потерянная баллада 1, 26
- Похороны Абдулова 7, 168
- Похороны Гоголя Николая Васильича 1, 316
- Похороны Кирсанова 1, 329
- Похороны цветов 2, 26
- «Почему два великих поэта...» 3, 68
- Почта телепоэта 7, 270
- Поэт в Париже 1, 148
- Поэт и площадь 5, 281
- Поэтарх (Поэма) 5+, 337
- Поют негры 1, 94
- Правила поведения за столом 2, 118
- Предложение в агропром 6, 244
- Предсмертная песнь Резанова 5+, 194
- Премьера 6, 397
- Преображение 2, 178
- «Приди! Чтоб снова снег слепил...» 1, 330
- «Признаю искусство...» 2, 138
- «Прикрыла душу нагота...» 4, 34
- «Прими, Господь, поэта улиц...» 4, 46
- «Приснись! Припомни, бога ради...» 2, 119
- Приятелю («Твои вздохи нечисты...») 3, 36
- Приятелю («Я — энергодатарея...») 4, 466
- Провинциальный романс 4, 200
- «Провинция» 5, 242
- Проводница 3, 364
- «Провожайте летние самолеты!...» 6, 230
- «Проглядев Есенина, упустивши Пушкина...» 6, 342
- Происшествие, которое случилось 10 декабря 2007 года в вашингтонском Соборе святителя Николая 7, 226
- Пропорции 3, 105

- Прорабы духа 7, 299
 «Прославленная тень!...» 6, 169
 «Проснется он от темнотищи...»
 1, 204
 «Прости меня, что говорю
 при всех...» 1, 180
 «Прости меня, Юстинас,
 дайны...» 5+, 317
 Прости мне 2, 237
 «Прости мне, человеку,
 человек...» 3, 192
 «Просто — наше шоссе
 и шиповник...» 3, 158
 Противостояние очей 1, 48
 «Проходишь ты без
 попутчика...» 6, 380
 Процессор пошел 4, 433
 «Прошло много ли, мало...»
 3, 71
 Прощай, Аллен... 4, 219
 Прощай, Сагайчонок! 6, 38
 Прощание с Венецией 5+, 324
 Прощание с книгой 6, 357
 Прощание с микрофоном
 5+, 174
 Прощание с Политехническим
 1, 113
 Пруст Федорович 5, 429
 П.С. 4, 461
 Психолог омута 5, 294
 «Птичий цирк» 4, 212
 Пули августа 7, 350
 «Пусть другие ваши
 рейтинги...» 6, 414
 «Пусть жизни пролито
 полчаши...» 2, 342
 «Пусть на суше взывает
 доблестно...» 6, 390
 Пустыня 5+, 39
 Путешествие из Ленинграда
 в Петербург 2, 364
 Пушторг 4, 199
 Пять капель неба 5+, 280
 Ради Тебя 6, 8
 «Радиоактивный слепец...»
 6, 151
 Разговор с эпитафием 2, 140
 Размолвка 3, 57
 Разные книги 7, 52
 «Раму раскрыв, с подоконника,
 в фартуке...» 2, 233
 Рано 1, 201
 Рапсодия распада 3, 376
 «Распрямились года,
 как вода...» 3, 59
 Распусти волосы 2, 312
 Распутин 7, 298
 Распятая 3, 9
 Растворение 7, 102
 Растительный стиль столетия
 5, 381
 «Расчищу Твои снегопады...»
 2, 149
 Рев небес 4, 175
 «Ревет судилища орда...» 4, 443
 Регтайм 5+, 299
 Редкие кражи 3, 119
 Резиновые 3, 354
 Река 7, 134
 Реквием 2, 68
 Реквием оптимистический
 2, 96
 Рембо перед зеркалом 6, 199
 Рентгено снимок 2, 290
 Репейник Империи 2, 331
 Реплика на реплику 5+, 404
 Ресторан 5+, 298
 «Ресторан качается, точно
 пароход...» 2, 183
 Реформа в литературе 2, 383
 Рецензия на сборник В. Бокова
 6, 160
 Речь 3, 351
 Речь при получении
 докторской мантии
 в Оберлине 3, 332

- Римская распродажа 2, 259
 Римские праздники 5+, 179
 Рифмо-гексаметры 6, 370
 Ров (Поэма) 3, 231
 «Родившиеся в хлеву...» 6, 144
 Рождественские пляжи 1, 198
 Рождество («Вз — выло сердце.
 Я слышу мигающий зов...»)
 6, 247
 Рождество («CHRISTMAS,
 CHRISTMAS...») 6, 350
 Розивелет 6, 398
 «Розы ужасом примяты...»
 4, 109
 Рок 3, 48
 Рок-н-ролл 1, 86
 Романс («Запомни этот миг.
 И молодой шиповник...»)
 2, 7
 Романс из оперы «Юнона
 и Авось» 5+, 295
 Российские селф-мейд-мены
 2, 40
 Россия без очередей 2, 328
 Россия воскресе (Поэма) 3, 388
 «Россия, нищая Россия...»
 2, 354
 Роцца 1, 228
 «Рубаха гу...» 7, 286
 Рублевское шоссе 1, 112
 Рука 44-го года 6, 305
 Рукопись 2, 264
 Русская интеллигенция 3, 373
 Русская песня 2, 334
 Русская playmate 4, 427
 Русские европейцы 7, 96
 Русские поэты 6, 143
 Русские сямочки 4, 449
 Русский новейшина 5+, 326
 Русско-американский романс
 2, 262
 Рыбак Боков варит суп 3, 330
 Рябина в Париже 3, 116
 «С Богом» — скажу
 прошлогодним
 разборкам...» 3, 7
 «С иными мирами связывая...»
 1, 360
 «С тобой богатыми мы были!...»
 7, 278
 «С тобой мы вечность целую
 лежим...» 5+, 44
 «С ясеней, вне спасенья...»
 5+, 334
 Сага 2, 169
 Сад 4, 370
 «Сад осенний как Кустодиев...»
 6, 401
 Сайгак 7, 118
 Самокаты 4, 49
 Самые 7, 59
 Сан-Франциско —
 Коломенское... 1, 279
 Саратов 7, 315
 Саша — США
 (Прозаическая поэма)
 7, 162
 Свадебная песнь 5+, 297
 Свадьба 6, 142
 Свежесть чувств 7, 154
 Свет вчерашний 1, 346
 Свет друга 2, 112
 Свеча 2, 227
 «Свист шоссе — как лассо...»
 7, 37
 Свитязь 1, 351
 Се чат 4, 369
 Север 2, 246
 Северная магнолия 4, 64
 Секвойя Ленина 6, 184
 Секс-контры 2, 324
 Семидырье 6, 42
 Сентябрь 5+, 290
 Сергею Дрофенко 3, 109
 Сестра («Если кто всенародно
 обоссан...») 7, 108

- Сестра («Сестра, ты в “Лесном магазине”...») 3, 40
 Сибирские бани 1, 37
 Сигалки 7, 247
 «Сиделка в синем сарафане...» 7, 110
 «Сидишь беременная, бледная...» 1, 34
 Сизирк 7, 238
 Сикуха 7, 64
 СИМФ-9 4, 350
 Синий журнал 3, 159
 Сирень «Москва — Варшава» 1, 56
 «Сирень похожа на Париж...» 1, 133
 Скандал 7, 87
 «Скачут яблоки, как блохи...» 7, 51
 СКВ прилетели 6, 19
 «Сколько свинцового яда влито...» 1, 131
 Скорая помощь 6, 209
 Скорость 6, 114
 Скрипка 4, 496
 Скрытымным 1, 288
 Скука 2, 133
 Скульптор свечей 2, 93
 Скупщик краденого 1, 289
 «Скучен твой страшный...» 6, 408
 «Слава павшим!..» 6, 67
 «Сладким ротиком от халвы...» 4, 405
 Слалом 4, 399
 Слеги 1, 193
 «Словно ввели в христианство тебя...» 3, 267
 «Сложи атлас, школярка шалая...» 1, 280
 «Слоняюсь под Новосибирском...» 1, 215
 Смерть 2, 64
 Смерть генерала 7, 282
 Смерть Клавдия 4, 376
 Смерть ландышей 7, 308
 Смерть Нолика 7, 34
 Смерть огня 4, 66
 Смерть Шукшина 2, 27
 «Смеюсь, когда Вы в угаре...» 3, 375
 «Смысл России в час распитий...» 4, 312
 Сначала 1, 298
 Снег в октябре 1, 205
 «Снимите личины, статисты речистые...» 3, 282
 Снохач 1, 41
 Собака 3, 145
 Собакалипсис 6, 120
 Соблазн 2, 176
 «солнце, черное и красное...» 4, 118
 Соло земли 5, 296
 Соловей-зимовщик 2, 120
 «Соловьиная перспектива!..» 7, 309
 Сомнамбула 6, 52
 «Сон...» 3, 129
 Сон («Мы снова встретились. И нас...») 1, 311
 Сон («На захваченный монстрами остров...») 4, 442
 Сонет (Регтайм) 3, 150
 Сонет с узлом 6, 368
 Сонет-экспромт 4, 497
 Сороковой день 6, 125
 Сосед 5, 377
 Соскучился 7, 18
 «Соскучился. Как я соскучился...» 3, 209
 Сотрясение 6, 61
 Спальные ангелы 1, 350
 «Спас Космический, Спас Медовый...» 7, 220

Спасатель 6, 354
 Спасательная станция 6, 318
 Спасите черемуху 4, 176
 «Спи, родная. Как страшно
 время!..» 6, 187
 Сполох 7, 151
 Спринтер 2, 67
 СПРКФВ 7, 347
 Стадион 7, 228
 Стансы 1, 166
 Старая песня 1, 243
 Старая фотография 1, 312
 Старофранцузская баллада
 2, 132
 «Старуха записала туалеты...»
 4, 406
 Старухи казино 1, 146
 Старый город 4, 251
 Старый Новый год 2, 72
 Старый особняк 3, 296
 Статуя 7, 211
 Стеклозавод 2, 200
 Стена плача 4, 111
 Стихи для детей 7, 241
 Стихи из тайника 5+, 201
 Стихи, написанные в клинике
 6, 72
 «Стихи не пишутся —
 случаются...» 1, 297
 Стихозавязь 7, 104
 Стихотворение в переулке 5, 403
 Стихотворение, вращающее вал
 6, 303
 Стога 1, 60
 «Странен мир
 безалкогольный!..» 3, 372
 Стрела в стене 1, 196
 Стриптиз 1, 97
 Строки («Пес твой, Эпоха, я вою
 у сонного ЦУМа...») 1, 224
 Строки («— Дышит флейтистка
 в жемчужную флейту...»)
 3, 362

Строки Роберту Лоуэллу 3, 64
 Судьбабы 5, 97
 «Суздальская Богоматерь...»
 1, 294
 «Суперстары. Супостаты...»
 6, 46
 «Сыграй мне полонез
 Огинского!..» 3, 56
 Сюжет 7, 293
 Сюр 5, 146
 Табуны одичания 2, 30
 Таганка — антитюрьма 5, 162
 Тайна («Подшивайте глаза
 шар-пею!..») 5+, 214
 Тайна («Села бабочка
 на тай...») 7, 243
 Тайгой 1, 40
 Танкетки 7, 105
 Тарковский на воротах 3, 133
 «Татьяна Александровна,
 урожденная Пушкина...»
 4, 504
 «таша говорю я на...» 5+, 313
 Тбилисские базары 1, 45
 «Твое белое платье
 влюбленно...» 6, 223
 «Твои волосы — длинные
 на удивление...» 3, 222
 Творчество 3, 104
 Тебе 3, 223
 «Тебе на локоть села
 стрекоза...» 3, 135
 Телеграмма 3, 191
 Телефон 7, 92
 Тельма 4, 467
 Тема 5+, 14
 «Тема русских
 и американов...» 5+, 75
 Темакамет 5+, 45
 Темная фигура 4, 257
 «Тенистый парк. Твои
 плеча...» 5+, 333

- Тень 5+, 58
 Тень вертикальная 7, 111
 Терновник 2, 236
 Террорист доброты 4, 214
 Теряю голос 4, 12
 «Теряю свою независимость...»
 1, 344
 Тетка 2, 286
 Тетя Даша 4, 498
 «Тина, тихонькая Тина...»
 6, 232
 «Тираны поэтов не понимают...»
 1, 328
 «Тихо-тихо. Слышно точно...»
 5+, 190
 Тишинка 4, 500
 Тишины! 1, 84
 Тобольский романс 6, 363
 Торгуют арбузами 1, 42
 Тоска («Загляжусь ли на поезд
 с осенних откосов...») 1, 217
 Тоска («Который день на койке
 латаной...») 6, 159
 «Тот — в Склифосовке...» 2, 350
 «Травматологическая больница
 2, 288
 Транс 4, 472
 Трасса смерти 6, 256
 Траур 4, 96
 Третья рука (Поэма) 7, 68
 Трещина 3, 204
 Три ада 4, 69
 Три бабочки и небесный
 муравей 5+, 375
 Три встречи со «Словом...»
 7, 344
 Три синих 3, 152
 Три скрипки 3, 287
 Триумфаторка 7, 171
 «Тройка. Семерка. Русь...» 6, 16
 «Трогуар...» 5+, 216
 Трубадуры 3, 26
 Туля 6, 139
 Туманная улица 1, 21
 «Тьма ежей любого роста...»
 4, 67
 «Ты вышла на берег и села
 со мною...» 3, 22
 «— Ты губы свои называла:
 “Твой поридж”...» 7, 316
 «Ты живешь до конца
 откровенно...» 3, 58
 «Ты заваришь “тизано”...»
 6, 246
 «Ты — замыкание короткое...»
 4, 56
 «Ты мне никогда не снишься...»
 3, 75
 «Ты молилась ли на ночь,
 береза?...» 1, 313
 «Ты, наклоняясь, меня
 щекочешь...» 7, 277
 «Ты поставила лучшие годы...»
 1, 347
 «Ты пролетом в моих
 городках...» 1, 169
 «Ты с теткой живешь. Она учит
 канцоны...» 3, 359
 «Ты — та же скрипка, только
 скрытая...» 2, 355
 «Ты чувствуешь,
 как справляется...» 7, 84
 Ты чудо вся — даже пустяк
 такой! 3, 299
 Тюльпаны на полюсе 5+, 287
 «Тютчев прорастил...» 7, 221
 У костра 6, 325
 «У края поля, в непроглядном
 веке...» 3, 113
 «У Медведицы течка...» 4, 394
 У моря 6, 119
 «У нас Рим и Азия
 смыкаются...» 6, 21
 У озера («Живу невдалеке
 от озера...») 4, 492

У озера («Прибегала в мой быт холостой...») 1, 310
 «У речки-игруньи...» 6, 157
 Уанджук в гостях 5, 385
 «Убрать болтливого вождя...» 7, 53
 «Увижу ли, как лес сквозит...» 2, 232
 Увы 4, 490
 Уедем в НН 4, 313
 Уездная хроника 2, 172
 Уже подснежники 1, 247
 Узоры на окне 6, 249
 Украли! 1, 355
 Улет 1 4, 114
 Улет 2 4, 116
 Улет 3 4, 122
 Улитки-домушницы 1, 285
 «Умирайте вовремя...» 1, 182
 Уроки польского 5+, 197
 «Успеть бы свой выполнить жребий...» 3, 277
 «Устраивали Ватерлоо...» 5+, 52
 Устье 3, 76
 Усы «Землемер» 5, 32
 Утица 2, 271
 Утренник 4, 103
 Утро («Уста твои встречаются с цветами...») 2, 59
 Утро («Охранник...») 4, 454
 Утро в горах 4, 493
 «Утром вставши, порубавши...» 7, 317
 Ученики 7, 161
 «Ушла душа. Земле до лампочки...» 3, 43
 Фанера 7, 130
 Фары дальнего света 2, 292
 Фестиваль молодёжи 7, 72

Фиалки 2, 126
 «Фиалки — твои филиалы...» 4, 346
 Фигуры на берегу 4, 440
 Ф-ки 7, 39
 Флорентийские факелы 1, 102
 Фотомастер 4, 506
 Фрагмент автопортрета 2, 65
 Фрезии 4, 479
 Фрески 6, 320
 Футбольное 1, 92
 Х. В. 7, 5
 Хакер 4, 501
 Хамелеонья душа 7, 231
 Хамящие хамелеоны 5, 319
 Хаос 6, 25
 Ха-ха-ос 6, 205
 «Хватану в меру...» 7, 248
 Хобби 7, 198
 Хобби света 2, 8
 Ход конем 7, 312
 «Ходит по пляжу рижскому мусорщик...» 4, 28
 «Хозяйка квартиры...» 2, 375
 Хозяйки 2, 115
 «Хороши круговороты!..» 6, 180
 Хорошо!.. 7, 236
 Храм 4, 16
 Храм Григория Неокесарийского, что на Б. Полянке 2, 230
 «Хранится в моем шкафу...» 6, 321
 Хроника приключений крестиков и ноликов 5+, 113
 Художник и модель 1, 322
 Художник Филонов 1, 266
 Художники обедают в парижском ресторане «Кус-кус» 1, 324
 Хула и похвала 3, 280

- Царевны 4, 343
 Цветная песенка 6, 369
 Цветы на стволе 6, 272
 «Цейлонская черная чайка...»
 4, 374
 Целебная трава 7, 103
 Центробедственность 5, 285
 Церковь в Переделкине 4, 344
 Цикламена 2, 311
 Цыгане социализма 3, 210
- Чайке 7, 157
 Чары Чаплина 5+, 332
 Часовня Ани Политковской
 (Поэма) 7, 250
 Частное кладбище 3, 63
 Часы посещения 2, 272
 Часы сына 4, 57
 Чат (Поэма) 4, 267
 Чат Вифлеема 4, 482
 Чат исторический 4, 359
 Чат лунной рпсодии 4, 361
 Чат молчания (Поэма) 4, 300
 Чат страха 4, 452
 Чеколек 3, 286
 Человек породы сенбернар
 3, 275
 Человек с древесным именем
 5, 365
 Черемуха благоуханна 4, 24
 Черная береза 3, 112
 Черное ерничество 2, 32
 Черное знамя 3, 322
 Черные верблюды 2, 224
 Черные простыни 2, 326
 «Четырежды и пятирижды...»
 7, 115
 Читайте чужие письма! 5, 182
 «Читаю ль тяготину
 обычную...» 5+, 196
 «Читаю небо, став душою
 зорче...» 3, 16
 «Что за Гость залетел
 на планету Земля...» 6, 352
- «Что судьба нам
 накукарекала?...» 4, 430
 «Что ты ищешь, поэт,
 в кочевье?...» 3, 46
 «Чувственный, словно Фауст...»
 4, 488
 Чувство 4, 59
 Чудо 7, 292
 Чужеродное 7, 38
 Чумная чайная 4, 395
 Чучеловече 4, 367
- Шабашники 6, 264
 Шаланда желаний 4, 9
 Шар ада 7, 212
 Шар-пей (Поэма) 4, 70
 Шарп плюс (Эхо поэмы)
 5+, 204
 «Шарф мой, Париж мой...»
 1, 154
 Шафер 1, 192
 Шекспировский сонет 3, 101
 Шестидесятые 7, 58
 Ши-ша 5+, 40
 Школьник 3, 24
 Школьница 4, 229
 Шлема бы 7, 287
 Шло убийство 2, 315
 Шоссе летом 7, 263
 Шоссе на Внуково 3, 193
 Штиль 7, 275
 Шулер-квнтет (Поэма) 4, 410
 Шутливые строки 3, 343
 Шуточки 7, 306
- Щ 5+, 74
 Щенок по имени Авось 3, 293
 Щипок 3, 132
- Экология 6, 286
 Экран 4, 434
 Экс 7, 244
 Экспромт 4, 209
 Экспромт Вл. Войновичу 5+, 34

Эпистола с эпиграфом 4, 201

Эпитафии 2, 63

Эпитафия («Брат...») 1, 62

Эпитафия («Надежда
смокл...») 4, 110

Эрмитажный Микеланджело
2, 55

Эсамбаевы 4, 178

Эскиз поэмы 1, 174

«Эта слава и цветы...» 3, 356

«Этот плоский отель поперек
побережья и лета...» 6, 233

Эфирные стансы 2, 346

«Эх, Россия!...» 1, 20

Ю. Д. 6, 405

Ю.П. Любимову 5+, 73

Юбилей «Юноны и Авось»
5+, 33

Юбилейное 4, 25

Юз 3, 212

Я — Аввакум (Поэма) 7, 181

«Я башня Сухарева...» 6, 274

«Я в Шушенском. В лесу
слоняюсь...» 6, 266

«Я вернусь, когда в город
уйдешь...» 3, 157

«Я внесу тебе клумбу
зимнюю...» 2, 182

Я — ворон 4, 471

Я всё не сдохну 7, 232

«Я год не виделся с тобою...»
2, 269

«Я — двоюродная жена...» 2, 109

Я другому виной 6, 49

«Я думал, Ты — звездная
женщина...» 6, 31

«Я думаю, право ли
большинство?...» 6, 158

«Я заболел Тобою...» 5+, 59

«Я загляжусь на тебя,
без ума...» 2, 243

«Я, к Пегасу вода...» 3, 335

Я — москвич 7, 288

«Я не в Кармен — в Кар-умен
верю...» 6, 339

«Я не ведаю в женщине той...»
2, 208

«Я не верю в кошмар
изотермы...» 6, 238

Я обвиняюсь 3, 70

«Я обожаю воздух сосновый!...»
3, 348

«Я открываю красоту...» 3, 274

«Я ошибся, вписав тебя
ангелам в ведомость...»
2, 279

Я перевел стихотворенье

«Тьма» как «Ядерная зима»
7, 136

«Я писал Треугольную
грушу...» — 6, 392

«Я подошел к мужчине...»
6, 148

«Я помню птиц неутолимой
Вечности...» 6, 290

«Я последний поэт России...»
2, 360

«Я — семья...» 1, 138

«Я снова в детстве погостил...»
3, 130

«Я сослан в себя...» 1, 117

«Я так долго тебя не писал...»
3, 20

«Я так считаю. А кто
не смыслит...» 5+, 336

«Я тебя очень... Мы фразу
не кончим...» 4, 32

«Я хочу в осенней дали...»
6, 276

«Я хочу тебе помочь...» 6, 386

«Я шел асфальтом. Серый
день...» 5+, 319

«Я шел вдоль берега Оби...»
2, 100

Я — money 2, 336

Я = R 5, 336

- Яблоки с бритвами 5+, 323
Яблокопад 2, 12
Яблонька 6, 227
Явления с начинкой 5+, 20
Ядерная зима 3, 268
Языки 1, 249
Якутская Ева 3, 206
Ялтинская криминалистическая
 лаборатория 1, 286
Ямбы 7, 175
Январский экспромт 7, 225
Япономания 7, 262
- Ave gave (Поэма) 4, 236
ART 5, 230
«Between нас был
 невозмутим...» 6, 349
Botero (Поэма) 7, 140
Casino «Россия» (Поэма) 4, 127
Change 6, 201
Derp jumping 7, 240
E.W. 2, 283
Full pizazz. Полный
 виртуальный абзац! 5, 252
- Hall in 6, 152
Iloveyou 4, 266
P.S. 2, 242
«“Such a verse” — зайдусь...»
 4, 400
Trade Center 4, 40
Two-sovka 2, 368
- 11.IX 4, 42
14 апреля 4, 352
№ 17 2, 337
1982
 5+, 177
1987
 3, 162
2.009
 7, 167
2 секунды 20 июня 1970 г.
 в замедленном дубле
 1, 276
25-й кадр 5+, 26
31 марта 6, 179
«“80” — в нимбе знака...» 2, 39
XXL 4, 184

Содержание

Х.В. — 5	Без «б» — 40
	Новогодние прогулки с Сексом — 42
	Линней — 44
Я — воскресаю!	«Пей отраву, ешь “ризотто” ...» — 45
	Ода моей левой руке — 46
	Откат — 48
	Видение — 50
	«Скачут яблоки, как блохи...» — 51
	Разные книги — 52
	«Убрать болтливую вождя...» — 53
	Звезда над Михайловским — 54
	Виртуальное вручение — 55
	Красивая стоматолог — 57
	Шестидесятые — 58
	Самые — 59
	Дирижерка — 60
	Кларнет — 62
	Сикуха — 64
	Не покидай меня (Романс) — 67
	Третья рука (Поэма) — 68
	Фестиваль молодежи — 72
	Вампы (Поэма) — 74
	«Ты чувствуешь, как расправляется...» — 84

Вертикальные озёра

- Скандал — 87
Лунная дорожка — 90
Плач по юности — 91
Телефон — 92
БГ — для двоих — 94
Русские европейцы — 96
Беллада — 99
Растворение — 102
Целебная трава — 103
Стихозавязь — 104
Танкетки — 105
Люблю подарки — 106
Жизнь — 107
Сестра — 108
«Сиделка в синем сарафане...» — 110
Тень вертикальная — 111
Демонстрация — 113
«Как Россия ела! Семга розовела...» — 114
«Четырежды и пятирежды...» — 115
Караченцов — 116
«Когда устали в небесах
скитаться...» — 117
Сайгак — 118
«“Надежды нету —
надежда есть!” ...» — 119

- Лунная Нерль — 120
Новая природа — 121
«Давайте гнать не наперед,
а задом!..» — 122
Е. В. Ж. — 123
Аура — 124
«Мост. Огни и лодки...» — 126
Лондонский мост — 127
Плач по братку — 128
Фанера — 130
Небесный человек — 132
Новый Арбат — 133
Река — 134
Я перевел стихотворенье «Тьма»
как «Ядерная зима» — 136
Вотеро (Поэма) — 140

Когда есть Ты

- Когда есть Ты — 147
Дополнение к стихотворению
«Когда есть Ты» — 149
Сполох — 151
Свежесть чувств — 154
«Красит, извините, мрак...» — 156
Чайке — 157
Девочке Кате — 158

Кто чей? — 159
 Ученики — 161
 Саша — США
 (Прозаическая поэма) — 162
 2.009 — 167
 Похороны Абдулова — 168
 Два экспромта Алексею Рыбникову
 по случаю получения
 им премии «Триумф» — 170
 Триумфаторка — 171
 Ее сон — 173
 Вторая жизнь — 174
 Ямбы — 175
 Дача детства — 176
 Дом с ручкой — 177
 Кормление из Парижа — 178
 Благодарствие — 180
 Я — Аввакум (Поэма) — 181

Подвиги Твииги

Коляска Рэя Брэдбери — 195
 Хобби — 198
 «Завидую святому Георгию...» — 199
 Ева — 200
 Мой Микеланджело — 202

 Статуя — 211
 Шар ада — 212
 «Архитектуру не приемлю...» — 213
 Муза — 214
 Бульвар в Лозанне — 216
 «Мой кулак снес мне
 полчелюсти...» — 217
 Интерфернал — 218
 Нищий храм — 219
 «Спас Космический,
 Спас Медовый...» — 220
 «Тютчев прорастил...» — 221
 «Ландышевый дом...» — 222
 Елочные пальчики — 223
 Январский экспромт — 225
 Происшествие, которое
 случилось 10 декабря 2007 года
 в вашингтонском Соборе
 святытеля Николая — 226
 Стадион — 228
 Бойница — 229
 «Крокодилы окотились!..» — 230
 Хамелеонья душа — 231
 Я всё не сдохну — 232
 Парадигма — 234
 Липы цветут — 235

Хорошо!.. — 236
 О палиндроме — 237
 Сизирк — 238
 «В тебе живет сияние.
 Безжалостно...» — 239
 Degr jumping — 240
 Стихи для детей — 241
 Новогоднее — 242
 Тайна — 243
 Экс — 244
 О казалось — 245
 Ирреализм — 246
 Сигалки — 247
 «Хватану в меру...» — 248
 Часовня Ани Политковской
 (Поэма) — 250

Другие

Вийон — 259
 Играура — 260
 Гуляю в офшорах — 261
 Япономания — 262
 Шоссе летом — 263
 Лесалки — 264
 «Мы шли сквозь облако
 по крену...» — 266
 Анафема — 267
 Лёшенька — 269
 Почта телепозта — 270
 В ту лузу — 272
 «Нынче комплекс Эдипа
 других пострашней...» — 274
 Штиль — 275
 «Озеро отдыха возле Орехова...» — 276
 «Ты, наклоняясь, меня
 щекочешь...» — 277
 «С тобой богатыми мы были!..» — 278
 «В толпе меж рынком
 и кинотеатром...» — 279
 Вечные мальчишки — 280
 «Ненавижу афоризмы...» — 281
 Смерть генерала — 282
 Литовские мотивы — 283
 Легенда — 284
 «Рубаха ги...» — 286
 Шлема бы — 287
 Я — москвич — 288
 Время скорби — 290
 Чудо — 292
 Сюжет — 293

«Затосковала душа, охромела...» — 294	«Утром вставши, порубавши...» — 317
Античный храм — 295	Большое завершение (Поэма) — 318
Меценаты снизу — 296	
Распутин — 298	
Прорабы духа — 299	
«Жемчуг бёглинский светит блёкло...» — 301	Прожилки прозы
До свидания, рукотворное! — 302	Звездное небо — 327
«Коровёнки стоят негучные...» — 303	Лебединый рубанок — 337
Дом — 304	Каменный увалень — 342
Шуточки — 306	Три встречи со «Словом...» — 344
Нанодрозды — 307	СПРКФВ — 347
Смерть ландышей — 308	Пули августа — 350
«Соловьина перспектива!...» — 309	Осы Осипа — 354
Возвращение — 310	Классик — 361
Ход конем — 312	Дали — 365
Катёрка — 314	Несли не хоронить —
Саратов — 315	несли короновать — 373
«— Ты губы свои называла: “Твой поридж” ...» — 316	Ездра в незнаемое — 377
	Алфавитный указатель произведений в т. 1—7 — 384

Андрей Андреевич Вознесенский

СЕМЬ «Я»

Собрание сочинений. Том седьмой

Редактор В.П.Кочетов

Художественный редактор Т.Н.Костерина

Технолог С.С.Басипова

Оператор компьютерной верстки Л.Г.Иванова

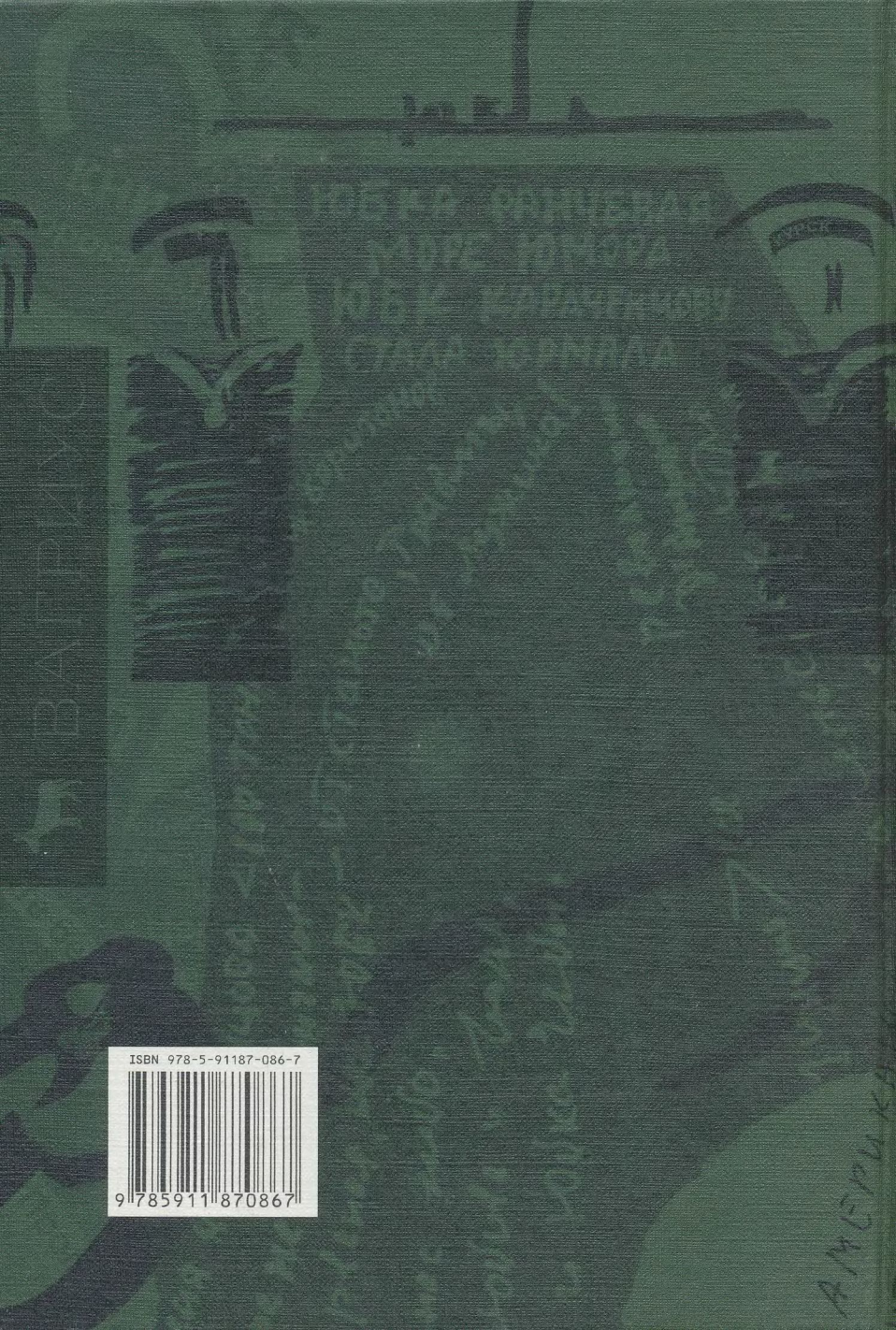
Корректор Л.П.Агафонова

Подписано в печать 26.10.2009. Формат 60×84/16.
Тираж 1500 экз. Заказ № 9216.

ООО «Бослен»
107259 г. Москва,
Бухвостова 1-я ул., д. 12/11, стр. 17—18
Boslen@yandex.ru

Отдел реализации издательства:
(495) 221-61-80
Электронная почта:
vagrius@vagrius.com

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

ЮБИЛЕЙ РАССКАЗЫ
МАТЕ ЮНКО
ЮБИЛЕЙ РАССКАЗЫ
СТАРА ЮНКО

ISBN 978-5-91187-086-7

9 785911 870867

АМЕРИКА